Томас Урбан
Набоков
в Берлине

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гениальный русский писатель Владимир Набоков прожил в Берлине 15 лет — с 1922 по 1937 год. И автор книги, немецкий журналист и писатель Томас Урбан, поставил перед собой задачу пройти по следам Набокова в немецкой столице. Центральное место в книге занимает тема «Набоков и политика», ведь именно в Берлине писателю пришлось вопреки собственной воле все больше внимания уделять политической деятельности.

Книга написана специалистом, не только подробно изучившим биографию и творчество Набокова, но и умеющим оригинально подать материал, поэтому она читается с огромным интересом.

- ПРЕДИСЛОВИЕ
- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- ПРИЛОЖЕНИЯ
  - Приложение I
  - Приложение II
  - Приложение III
  - Приложение IV
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102

- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146

- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190

- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234

- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир Набоков и немцы — их отношения можно описать очень просто: у немцев он своего рода культовый автор, причем не только из-за романа «Лолита», который благодаря намеку на эротическое содержание стал мировым бестселлером. Ни на один другой язык его произведения не переводились больше, чем на немецкий. Но любовь эта и почитание весьма односторонни. Ведь Набоков относился к Германии и немцам неприязненно и всячески выражал это в своих произведениях. 15 лет с 1922 по 1937 год прожил он в столице этих немцев. На берлинский период приходятся решающие моменты его биографии: смерть отца во время политического покушения (1922), женитьба (1925), рождение сына (1934). В Берлине же был арестован и один из его братьев как противник нацистского режима, он погиб в одном из концлагерей.

Как литератор Набоков считается представителем «искусства для искусства». Это верно в том смысле, что какие-либо политические или социальные устремления никогда не становились главным содержанием его произведений. Социально-критическую литературу он презирал, по отношению к авторам, которые стремились обратить читателя в свою веру, он находил только ироничные или уничижительные слова. Политика в его литературных произведениях играет лишь периферийную роль и то в весьма мягких тонах.

И все же политически он занимал четкие позиции — и как публицист и в частной жизни. Он был в лучшем смысле слова либералом и демократом, отвергал как национал-социализм, так и советский социализм. То, что он в своей частной переписке ставил эти две системы на одну ступень, приводило в смущение многих его партнеров. Ведь Набоков за несколько десятилетий до того, как теория тоталитаризма вызвала ожесточенную полемику (она известна как спор историков), по сути дела стоял именно на этой позиции, которая еще недавно считалась на Западе реакционной. То, что сегодня многие интеллектуалы, в том числе и у него на родине в России, придерживаются точно такой же точки зрения, можно считать запоздалым признанием правоты политического наблюдателя Набокова.

Набоков и политика — к этой теме литературоведение до сих пор относилось как мачеха. В предлагаемой книге эта тема занимает центральное место. Ведь именно в Берлине Набокову пришлось вопреки собственной воле все больше и больше заниматься политикой. Будучи женатым на русской еврейке, он

не мог не уделять особого внимания национал-социалистам. В конечном счете ему дважды пришлось вместе с семьей спасаться от них бегством: в 1937 году из Германии, в 1940 — из стоявшей на грани разгрома Франции.

В то же время он постоянно держал в поле зрения и развитие событий на родине, ставшей советской. В противоположность многим западным интеллектуалам у него с самого начала не было никаких иллюзий по поводу введенной Лениным и усовершенствованной Сталиным системы подавления. То, что он в свою очередь тоже подвергался на протяжении берлинского периода наблюдению со стороны представителей Москвы, до сих пор остается почти неизвестным. В настоящей книге предпринимается первая попытка показать это, насколько позволяют имеющиеся материалы, а их совсем не много.

Несомненно, в московских архивах лежит еще множество папок с материалами о Набокове, в том числе и о его берлинском периоде, которые ждут своего исследователя. Когда я в 1992 году приехал в Москву, где мне предстояло в течение четырех лет работать корреспондентом газеты, я решил попутно поискать соответствующие материалы. Однако в первые два года моего пребывания журналистская информация о борьбе за власть на берегах Москвы-реки не оставляла для этого ни времени, ни физической возможности. Когда к 1994 году положение стабилизировалось, мне пришлось убедиться, что архивы, открытые в начале 90-х годов для западных исследователей, снова закрыты. Московские набоковцы тоже не смогли мне помочь. Статья о Набокове на целую газетную полосу, опубликованная в «Литературной газете» от 29 марта 1995 года под заголовком «Сенсационные материалы из архивов КГБ» вселила в меня при первом чтении надежду. Но уже при повторном чтении стало ясно, что это первоапрельская шутка (на этой странице «Литературки» за 29 марта стояла дата 1 апреля).

Точно так же мне не удалось получить в Москве информацию ни о берлинском периоде писателя, ни о подозревавшемся в принадлежности к разведывательной службе Марке Леви. Было в высшей степени вероятно, что Леви является автором возникшего в Берлине и вызвавшего скандал «Романа с кокаином», автор которого скрылся за псевдонимом «М. Агеев». Однако некоторыми литературными критиками этот роман приписывается Набокову. В завершающем эту книгу протоколе поиска следов впервые дается совокупное изложение «дела» Агеев/Леви/Набоков. Не исключено, что в Москве еще всплывут документы, которые окончательно прольют свет на это дело.

За исключением дела Агеева предлагаемая книга не касается ни одного спорного вопроса относительно Набокова. В ней не играет никакой роли то, что два биографа Набокова — Брайан Бойд и Эндрю Филд — оспаривают друг друга, что семья Набокова одного биографа благословила, а против другого возбудила судебный процесс, что сын писателя Дмитрий Набоков называет второго биографа «самозванцем» и резко критикует его работу. Я поставил перед собой более скромную задачу пройти по следам Набокова в Берлине. При этом каждая глава представляет законченное целое. Какие-то повторения были при этом неизбежны, более того, они совершенно преднамеренны.

Пользуясь случаем, я благодарю Дитера Е. Циммера, который двукратно расставил акценты в главе «Набоков и немцы». Он как переводчик и издатель сделал произведения и взгляды Набокова доступными для немцев. Но он в своих разговорах с писателем в немалой степени способствовал также тому, что тот в конце своей жизни стал смотреть на немцев более дифференцированно. Будучи знатоком жизни и произведений Набокова, Дитер Е. Циммер терпеливо отвечал на все мои вопросы и критически просмотрел черновик этой книги.

Я посвящаю книгу моей первой учительнице русского языка Ольге Степанской, с которой я, будучи гимназистом, выучил первые русские фразы, которая и в студенческие годы давала мне много ценных советов. Ей выпала та же участь, что и Набокову, — горькое одиночество на чужбине.

Москва/Берлин, январь 1999 г.

Глава I
БЕРЛИН — «МАЧЕХА РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ»

Жди — резкий ветер дунет в окарино
По скважинам громоздкого Берлина —

И грубый день взойдет из-за домов
Над мачехой российских городов.

Владислав Ходасевич

Зал ожидания НЭПского проспекта

«Жизнь в этих поселениях была настолько полной и напряженной, что эти русские „интеллигенты“ не имели ни времени, ни причин обзаводиться какими-то связями вне своего круга»[1]. Такими словами коротко и метко описал Владимир Набоков существование рядом друг с другом немцев и русских в немецкой столице, в которой в начале 20-х годов после неурядиц революции и гражданской войны прибило к берегу сотни тысяч эмигрантов из канувшей в пучину небытия царской империи. Ровно два года — с 1921 по 1923 годы — Берлин играл выдающуюся роль в русской культурной и духовной жизни, пока масса эмигрантов не потянулась дальше, и прежде всего в Париж. Несколько десятков тысяч отправилось в Прагу, где правительство щедро поддерживало эмигрантов. Многие тысячи русских все-таки возвратились на свою ставшую советской родину. Лирический поэт Владислав Ходасевич, с которым позже подружится Набоков, в одном из стихотворений назвал тогда Берлин «мачехой городов русских»[2].

Писательская колония

Какое-то время в немецкой столице жили самые крупные и известные русские писатели, имена которых вошли в мировую литературу нынешнего столетия. Один за другим селились они на берегах Хавеля и Шпрее.

Максим Горький (Пешков, 1868–1936), имевший большое влияние и как публицист, появился здесь в ноябре 1921 года. До июля 1924 года он с несколькими перерывами жил в Берлине и его окрестностях. Потом он переселился в Италию. В 1933 году он, окруженный энергичными ухаживаниями Иосифа Сталина, вернулся в Москву. Он позволил злоупотреблять собой как вывеской социализма. Возможно, ослабленный ядом, подсыпанным ему по приказу Сталина, он умер от воспаления легких.

Алексей Ремизов (1877–1957), прозаик, признанный рассказчик сказок и легенд, живописец и каллиграф, приехал в августе 1921 года. В декабре 1923 года он переселился в Париж, где и умер, совершенно забытый и обнищавший.

Андрей Белый (Борис Бугаев, 1880–1934), один из значительнейших философов, теоретиков литературы, прозаиков и лириков символизма, появился в ноябре 1921 года. В ноябре 1923 года он возвратился в Москву, где подвергся все возраставшему давлению со стороны коммунистов, и в конце концов ему было запрещено публиковаться.

Илья Эренбург (1891–1967), прозаик, лирик, публицист, предположительно неофициальный сотрудник советской «тайной полиции», оказался здесь в октябре 1921 года. В декабре 1923 года, видимо, по заданию Москвы переехал в Париж. В начале Второй мировой войны он вернулся в Москву. Во время войны получил мировую известность благодаря распространенной в миллионах экземпляров листовке «Убей немца!».

Алексей Толстой (1883–1945), приемный сын одного из родственников знаменитого писателя Льва Толстого, поселился здесь в октябре 1921 года. В результате заигрываний советского руководства он возвратился в мае 1923 года в Москву. Будучи фаворитом Сталина («красный граф»), он сумел благодаря неограниченному кредиту накопить несметные богатства.

Владимир Ходасевич (1886–1939), лирик и литературный критик, приехал в июне 1922 года. По приглашению Горького он переехал в октябре 1924 года в Италию. Затем он подался в Париж, где жил в бедности, работая в эмигрантских газетах.

Виктор Шкловский (1893–1984), прозаик, теоретик кино и литературы появился в апреле 1922 года. Послав прошение партийному руководству в Москве, он в июне 1923 года вернулся в советскую Россию.

Борис Пастернак (1890–1960), лирик и прозаик, приехал в августе 1922 года. В феврале 1923 года он возвратился в Москву. Опекаемый из прихоти Сталиным, несмотря на то что не принимал существующую власть, он пережил великий террор 30-х годов. В 1958 году он под давлением партийного руководства был вынужден отказаться от Нобелевской премии (за роман «Доктор Живаго», ставший бестселлером).

В Берлине неделями гостили лирическая поэтесса Марина Цветаева (с мая по июль 1922 года) и поэт-скандалист Сергей Есенин (тоже с мая по июль 1922 года и с февраля по апрель 1923 года). Неоднократно наезжал из Москвы поэт революции Владимир Маяковский, из Парижа — будущий Нобелевский лауреат, эмигрант Иван Бунин.

Немецкая столица стала прибежищем для всех эмигрантов, которые надеялись на скорый крах большевистского господства и тем самым на скорое возвращение домой. Кроме того, в Берлине жилось легче, чем в других столицах: стремительное падение рейхсмарки позволяло обладателям валюты и драгоценных металлов производить обмен их в обе стороны с многократной выгодой. Маяковский, который тогда ездил по Западу как глашатай мировой революции, возмущался аморальностью своих земляков, которые очень любили ездить в финансово слабую Германию, чтобы пополнить свою мошну[3].

И Белый тоже огорчался в Берлине по поводу русских, которые стояли в очередях перед конторами менял и благодаря своим финансовым манипуляциям жили лучше, чем большинство немцев. По его словам, они с шиком делали свои покупки в дорогом универмаге KDW и устраивали один праздник за другим. В воспоминаниях о берлинском времени Белый пародирует своих глупо заносчивых земляков: «Здесь Русью пахнет! И изумляешься, изредка слыша немецкую речь. Как? Немцы? Что нужно им в „нашем“ городе?»[4]. Один немецкий наблюдатель пришел тогда к выводу, что причина описанной Белым надменности коренится в социальной структуре эмиграции: «Русская колония эмигрантов в Берлине была пирамидой, от которой осталась одна верхушка. Недоставало нижних и средних социальных слоев, рабочих и крестьян, ремесленников и мелких торговцев. Вместо этого понаехали офицеры, чиновники, художники, финансисты, политики и представители старой придворной знати»[5].

Возмущение Белого относилось лишь к определенному меньшинству русских. Большинство находилось скорее в плачевном состоянии. Они были отданы на произвол хозяев, у которых находили жилье, были вынуждены преодолевать сопротивление тупых чиновников и с величайшими трудностями

могли найти работу, ибо их как лиц без гражданства не ставили на учет на биржах труда[6]. Хозяева требовали уплаты совершенно устрашающих задатков, часто в валюте, и тем самым лишали большинство эмигрантов остатков их имущества к великой радости ювелиров и ростовщиков. Мать Набокова тоже раз за разом продавала свои спасенные при бегстве из России украшения.

Набоков описал в «Машеньке», первом из семи романов, в которых действие развивается в берлинской среде, мучительную тесноту сдаваемых внаем квартир и пансионов, причем русские домовладельцы по своей жадности и хватке головорезов ни в чем не уступали немецким. Герой романа «Дар», действие которого также происходит среди русских в Берлине 20-х годов, жалуется на заносчивое поведение дворников, жаждущих в полной мере насладиться теми крохами власти, которые даны им. И в своих воспоминаниях Набоков тоже пишет о беззащитности эмигрантов перед лицом государственной бюрократии:

> «Наша безнадежная физическая зависимость от того или другого государства становилась особенно очевидной, когда приходилось добывать или продлевать какую-нибудь дурацкую визу, какую-нибудь шутовскую карт д'идантите, ибо тогда немедленно жадный бюрократический ад норовил засосать просителя, и он изнывал и чах, пока пухли его досье на полках у всяких консулов и полицейских чиновников»[7].

Ремизов в автобиографическом рассказе «Esprit» описал свои мытарства ради «желтой карточки», выдаваемого всего на три месяца временного паспорта, — поездку на трамвае в полицейское управление, в окружной полицейский участок и в канцелярию по регистрации проживающих. О том, что у Ремизова, как и других эмигрантов, возникают большие проблемы из-за немецкой бюрократии, узнал даже Томас Манн, к тому времени уже известный писатель. Он написал своему русскому коллеге, произведения которого знал по переводам: «Мне хочется Вас уверить, что мне было бы очень больно, если бы с Вами в Германии случилось что-нибудь неприятное. По-моему, Берлин может гордиться тем, что приютил в своих стенах одного из первых русских писателей сегодняшней России»[8].

Либеральный политик и публицист Иосиф Гессен, друг Набокова, тоже жалуется в своих мемуарах на узколобость представителей власти и квартирных хозяев. Он вспоминает одного эмигранта, у которого на одном из берлинских вокзалов незадолго до отправления его поезда произошел сердечный

приступ, и он умер тут же на месте. Его родным были возвращены деньги за неиспользованный проездной билет, за вычетом стоимости перронного билета, ибо на перрон умерший все-таки уже вышел[9].

За один только 1923 год в Берлине подавали прошение о предоставлении убежища 360 000 бывших подданных царя. Лига Наций насчитала на территории рейха в этом же году 600 000 беженцев[10]. В столице большинство из них селилось в административных округах Шенеберг, Вильмерсдорф и Тиргартен. В округе Тиргартен жили, как и до войны, более состоятельные эмигранты. Немцы говорили о Берлине как о «второй столице России» и по аналогии с Невским проспектом в Петербурге с намеком на ленинскую «новую экономическую политику» (НЭП) называли Курфюрстендамм НЭПским проспектом.

Десятки профессиональных объединений представляли в Берлине русских врачей, журналистов, писателей, учителей, юристов, маклеров, квартировладельцев, банкиров, торговцев и художников. По соседству с ними старались быть услышанными многочисленные комитеты. Казалось, что многие русские старались своей организационной яростью вытеснить из сознания свое отчаянное положение. В одном циничном романе об эмигрантах, вышедшем из-под пера просоветского автора, вполне логично описывается некая «организационная комиссия организационного центра общественных организаций»[11].

Два события привели к тому, что эмигрантская колония в Берлине так же быстро распалась, как она до этого возникла буквально из ничего: денежная реформа и Рапалльский договор. Введение рентной марки в 1923 году положило конец диким спекуляциям на валюте. Жизнь в Берлине стала для эмигрантов слишком дорогой. По Рапалльскому договору, который в то время явился сенсацией, ибо менял политическую карту Европы, Москва отказывалась от репараций по итогам мировой войны, а Берлин — от участия в экономической блокаде советской России западом. Маяковский рисовал тогда своими заклинаниями призрак вечного союза немецких трудящихся с русскими коммунистами и предсказывал новый этап мировой революции, которая начнется в Берлине, как это возвещали вожди революции Ленин и Троцкий. Многие русские, напуганные этим призраком, покинули страну. В 1928 году во всей Германии их осталось всего 180 000, а десятилетие спустя их число сократилось до 45 000[12].

Русский микрокосмос

Но до денежной реформы русский Берлин процветал. Мелкие русские предприятия вырастали как грибы. Особенно оживленно шли дела в прессе и издательском деле. В 1920 году в Берлине выходило уже девять русскоязычных журналов, три года спустя число их выросло до 39. В одном из каталогов за 1923 год перечислено не менее 86 русских издательств и книжных лавок. Многие советские издательства также открыли в Берлине свои отделения с типографиями, так как финансовые условия здесь были для них более выгодными, чем в советской России. Некоторые из них издавали также произведения писателей-эмигрантов, хотя продавать их потом в России не разрешалось. В 1922 и 1923 годах в Берлине было издано больше книг на русском языке, чем в это же время в Москве и Петрограде. Еще до Первой мировой войны в имперской столице печаталось много изданий на русском языке, прежде всего книги и сборники находившихся в эмиграции противников царя[13].

Вспоминая о деятельности русских издательств в эмиграции, Набоков писал:

> «Разумеется, хорошие читатели имелись среди эмигрантов в числе, достаточном для того, чтобы оправдать издание русских книг в Берлине, Париже и других городах, причем в относительно широких масштабах; но поскольку ни одно из этих сочинений не могло иметь хождение в Советском Союзе, вся затея приобретала вид хрупкой нереальности. Число названий впечатляло куда сильнее числа проданных экземпляров, а в названиях издательств — „Орион“, „Космос“, „Логос“ и тому подобных — чуялось нечто лихорадочное, непрочное, немного противозаконное, как у фирм, издающих астрологическую литературу или руководства по элементарным основам половой жизни»[14].

В 20-е годы издательства печатали все: классиков, отцов церкви, поваренные книги, технические руководства, политические памфлеты и беллетристику. Так как издание книг было предельно дешево, многие писатели переиздавали свои старые произведения или чувствовали прилив вдохновения быстро одну за другой выбрасывать свои новинки на рынок. Так, Алексей Толстой одновременно со своей работой в качестве редактора отдела культуры просоветской ежедневной газеты «Накануне» опубликовал в Берлине десять книг. Белый, который сотрудничал в газете социал-демократического направления «Дни», осуществил семь частично переработанных переизданий и девять новых публикаций. Эренбург, у которого была советская

виза и который не чувствовал себя эмигрантом, тоже опубликовал девять книг. Но самым усердным был одержимый Ремизов. За один 1922 год в Берлине вышло 17 его книг, преимущественно новые издания.

Только тиражи оставались маленькими. Набоков констатирует:

> «Вследствие ограниченного обращения их произведений за границей, даже эмигрантским писателям старшего поколения, слава которых твердо установилась в дореволюционной России, невозможно было надеяться, что книги доставят им средства к существованию. Писания еженедельной колонки в эмигрантской газете никогда не хватало на то, чтобы сводить концы с концами. По временам нежданный куш приносил перевод на иностранный язык, в основном же продление жизни пожилого писателя зависело от подношений разнообразных эмигрантских организаций, заработков, доставляемых публичными чтениями, да от щедрости частных благотворителей»[15].

От конъюнктуры издательского дела зависели и настроения и активность поселившихся в Берлине русских писателей, к которым постоянно присоединялись визитеры из советской России или из других центров эмиграции. Так, Горький, всемирно признанный патриарх социально-критической литературы, в течение многих месяцев снимал большую квартиру на Курфюрстендамм, а также виллу в Бад Сааров под Берлином, откуда он пытался повлиять на происходившее в немецкой столице.

Летом 1922 года в Берлине на десять недель останавливалась Марина Цветаева, которую опекал Эренбург, даже временно предоставивший ей и ее дочери свою комнату в одном из пансионов Вильмерсдорфа. Эренбург ввел ее в круг берлинских поэтов как восходящую звезду на небосклоне лирики. Позже она отмежевалась от него и говорила о нем: «Циник не может быть лириком!»[16]

Но именно Эренбург в 1956 году, во времена оттепели после смерти Сталина, своей статьей о ее лирике решающим образом повлиял на ее реабилитацию после трех десятилетий полного замалчивания в Советском Союзе. Сегодня Марина Цветаева, в 1941 году покончившая жизнь самоубийством, признается поэтессой, имя которой окружено настоящим культом.

И еще один поэт, подвергавшийся гонениям, тоже сквитавший свои счеты с жизнью самоубийством, а в наше время

давно признанный культовым божеством, в течение нескольких недель в 1922 году пробушевал как смерч над берлинской колонией эмигрантов. Он ходил по городу, прежде всего по его ресторанам и ночным клубам, в сопровождении своей жены Айседоры Дункан, знаменитой американской исполнительницы выразительных танцев. Парень от земли, который говорил только по-русски, и театральная звезда, которая была на 19 лет старше него и за исключением нескольких слов совершенно не говорила по-русски, незадолго до этого поженились в Москве. Попойки Есенина, его размолвки с ревнивой женой, происходившие на глазах всей публики, и его чреватые скандалами поэтические вечера давали желанный материал не только трем ежедневным русским газетам в Берлине, но и немецким газетам, промышлявшим сплетнями.

Вместе с всегда громогласно выступавшим Маяковским приехала целая группа поэтов, которые через несколько недель или месяцев снова возвратились домой. Среди них был молодой Борис Пастернак, который после долгих настояний получил от советских властей туристическую визу. Он хотел навестить своих эмигрировавших в Германию родителей и встретиться с Мариной Цветаевой, с которой незадолго до этого начал переписываться. Но поэтесса уехала за несколько дней до его приезда, им не суждено было встретиться. Молодой лирик во время своего краткого добровольного изгнания уединился от литературных дел. За время своего семимесячного пребывания он опубликовал лишь несколько стихотворений. Говорят, что он часто ходил по ночным улицами, громко разговаривая с самим собой, обсуждал все за и против своего возвращения в Москву[17]. В одном из писем в начале 1923 года, за несколько дней до своего отъезда в Москву, он резюмирует: «Берлин мне не нужен!»[18] Шкловский писал тогда: «В Берлине Пастернак тревожен. Человек он западной культуры, по крайней мере, ее понимает, жил и раньше в Германии. (…) Мне кажется, что он чувствует среди нас отсутствие тяги»[19].

Шкловский тоже станет возвращенцем, так же как Белый и Толстой, этот «красный граф», который еще во время гражданской войны сочинял пропагандистские памфлеты для белых генералов. Будучи противником большевиков, Толстой эмигрировал сначала в Париж, а уже оттуда перебрался в Берлин, где снял шикарную квартиру на Курфюрстендамм. В одном из писем он называет совершенно простую причину своего переселения в Германию: «В Париже мы умерли бы с голоду». Кроме того, у него, видимо, были там очень большие долги. То есть его переселение было одновременно и бегством от своих заимодавцев[20]. И в Берлине,

по слухам, он тоже наделал долгов, это одна из причин его возвращения в Москву.

Возвращение на Родину

Споры о признании Октябрьской революции на рубеже 1922–23 годов раскололи эмигрантскую колонию. Разногласия выявились прежде всего в двух самых больших русских литературных объединениях, существовавших тогда в Берлине, — в «Доме искусств» и «Клубе писателей». Эти объединения не имели постоянного местопребывания. Встречались чаще всего в кафе, которые становились местами стихийно возникавших декламаций, горячих диспутов. Самым замечательным было кафе «Леон» на Ноллендорфплац. Его помещения на втором этаже именовались русскими попросту «наш клуб», так как там еженедельно встречались члены «Клуба писателей».

И другие кофейни на Ноллендорфплац с ее русскими лавками, цирюльнями и конторами тоже часто посещались литераторами с востока, так что в начале двадцатых годов не было чего-то необычного в том, что буквально в двух шагах друг от друга проходило несколько поэтических выступлений. Особой популярностью пользовалось кафе «Прагер Диле». Оно стало местом встреч вновь прибывших из России. Белый даже придумал слово «прагердильствовать», что для него означало проводить время в философствовании, полемике в голубой дымке и с коньяком. Мучимый всевозможными несчастьями и депрессиями Ходасевич тоже часто бывал в этом кафе. Он посвятил этому кафе «Прагер Диле» свое очень мрачное стихотворение «Берлинское». У Эренбурга там было свое постоянное место, где он на разбитой пишущей машинке, казалось, не обращая внимания на хождение вокруг него, строчил свои тексты. Там же он давал советы желавшим возвратиться. Не удивительно поэтому, что Эренбург очень быстро попал под подозрение в работе на советскую разведку.

Один из современников вспоминал: «Мы ведь знали, что он часто прямо из нашего кафе направлялся в советское посольство, где подолгу задерживался в великолепно обставленном кабинете „культурного атташе“»[21].

И другим посетителям кафе приписывалось, что они имеют задание размягчить эмигрантские круги и углубить существовавший в них раскол. Так, Есенин в феврале 1923 года жаловался, что до него дошел слух о подобных подозрениях. «Все думают, что я приехал на деньги большевиков, как чекист или

агитатор… Ну да черт с ними, ибо все они здесь прогнили за пять лет эмиграции. Живущий в склепе всегда пахнет мертвечиной»[22]. Эмигрантская пресса окрестила Есенина «красным Распутиным». Эренбург стал защищать его, но этим дела не улучшил[23].

Писатели и художники, заигрывавшие с Москвой, встречались преимущественно в кафе «Ландграф» на Курфюрстенштрассе. Там первоначально проходили и мероприятия «Дома искусств», организации, которую поддерживало советское посольство. Эти мероприятия находили большой отклик в русской общине Берлина. В один из вечеров среди зрителей оказался член советского политбюро Алексей Рыков. Рыков якобы проходил под Берлином курс лечения от алкоголизма. Здесь он, видимо, встречался с Максимом Горьким, колебавшимся между эмиграцией и возвращением в Москву[24].

Эренбург описал в своих мемуарах собрания в «Доме искусств» до образования фронтов в колонии эмигрантов, до споров относительно признания советской власти:

> «В заурядном немецком кафе по пятницам собирались русские писатели… Выступал Маяковский, читали стихи Есенин, Марина Цветаева, Андрей Белый, Пастернак, Ходасевич… Года два или три спустя поэт Ходасевич никогда не пришел бы в помещение, где находился Маяковский»[25].

Организаторы «Дома искусств» старались также перекинуть мостки к немецкой культуре. Так, в марте 1922 года им удалось провести выступление Томаса Манна. Белый приветствовал его на отличном немецком языке и благодарил за то, что тот особенно активно выступил за поддержку голодающих в России[26]. В этот вечер проводился сбор средств для оказания помощи голодающим. Однако подобные встречи между русскими и немцами были редкостью. Замечание Набокова о том, что русские интеллигенты были настолько заняты собой, что не искали контактов вне своего круга, было совершенно справедливо. Даже очень хорошо говорившая по-немецки Марина Цветаева, которая во время своих прежних приездов в Берлин с воодушевлением ходила по театрам и музеям и встречалась с деятелями искусств, за время своего десятинедельного пребывания в русской колонии эмигрантов даже не искала контактов с немецкими представителями духовной жизни. Эта изоляция сказалась и на литературе: немцы изображались в ней схематично и расхожими штампами.

Не был исключением и Виктор Шкловский со своей книгой

«Zoo, или письма не о любви». По сути дела это подборка писем, по крайней мере, автор старается создать такое впечатление, — писем, которые он слал тогда почитаемой и вожделенной Эле Триоле, младшей сестре любимой Маяковским Лили Брик. Но Эля Триоле, у которой к тому времени за плечами был неудачный брак с каким-то французом, не ответила на его чувства. Позже она вышла замуж за французского писателя Луи Арагона, который до 50-х годов оставался большим другом советской системы и почитателем Сталина. Во Франции она под именем Эльзы Триоле стала одной из самых признанных писательниц страны и особенно пеклась о распространении русской советской литературы.

Первая часть названия книги Шкловского указывала на район Тиргартен, где проходили многочисленные литературные встречи, но одновременно в ней сквозила ирония по поводу образа жизни эмигрантов. Кроме того, она подразумевала «Обезьянью Великую и Вольную Палату», шутливую идею вечно фантазирующего, но сохраняющего ясность ума сказочника, собирателя старинных сказаний и «царя обезьян» Ремизова. Этот орден рассматривал себя как элитарное самоиронизирующее братство, возвышающееся над банальными раздорами и выступающее за улаживание всех разногласий. Шкловский, как Эренбург и другие литераторы, с гордостью относил себя к членам ордена обезьян. Вторая часть заглавия проистекала из письма Эли, в котором она запрещала ему любые объяснения в любви. Поэтому влюбленный поэт вынужден был обращаться к другим темам, например, к литературно-теоретическим размышлениям. Кроме того, он постоянно задавал ей и себе вопрос, оставаться ли ему в русском Берлине или вернуться на родину. В конце концов он понял, что встречи с Белым, Эренбургом, Пастернаком или художником Марком Шагалом не могут заполнить его пустоту. «Я не могу жить в Берлине. Всем бытом, всеми навыками я связан с сегодняшней Россией. Горька, как пыль карбита, берлинская тоска. Я поднимаю руки и сдаюсь»[27]. Маяковский и Горький обратились к советским властям с ходатайством о возвращении Шкловского, который, по его собственному признанию, во время гражданской войны подпольно работал против большевиков. Он был амнистирован и смог вернуться на родину.

И Ходасевич, будучи человеком мизантропического склада, тоже не находил радости от жизни в Берлине. Он чувствовал себя покинутым чужаком в отвергающем его городе. Стихи из его написанного в Берлине цикла «Европейская ночь» принадлежат к самым мрачным излияниям души часто мучимого смертельной

тоской насмешника. Ночь, дождь, зеркало — эти образы пронизывают весь берлинский цикл, собрание стихотворений, строго ориентированных на классические образцы, которое сегодняшние литературоведы относят к вершинам русской поэзии нынешнего столетия. В одном из этих стихотворений он назвал Берлин «мачехой городов русских» и тем самым предпослал эпиграф к кратковременному, но интенсивному цветению русской культуры в немецкой столице. После распада эмигрантской колонии Ходасевич отправился со своей тогдашней подругой жизни, Ниной Берберовой, через Италию, где оба несколько недель жили на вилле Горького неподалеку от Сорренто, дальше в Париж.

Отправившийся в Париж Ходасевич почти полностью угас там как лирик, такая же судьба ожидала и Белого в Москве. После своего возвращения он свел счеты с Берлином, написав памфлет «В царстве теней», в котором говорит об этом «ужасном, сером, гасящем душу городе», этом «царстве призраков». Два года пребывания в Берлине были для Белого купанием в переменных чувствах. Он исходил меланхолией, потому что незадолго до этого его покинула долголетняя спутница жизни. Он непрерывно писал новые произведения, активно работал в издательствах и писательских организациях. Под конец он погряз в многочисленных историях с женщинами и стал таскаться по русским «Quartier de plaisir» на Тауэнтциенштрассе. Позже он писал об этом с какой-то смесью фривольного ужаса и острого отвращения: «Ночь! Тауэнтциен! Кокаин! Это Берлин!»[28]

Сорокалетний лысый мужчина внезапно влюбился в дочь хозяина пивнушки — невзрачную, бледную берлинскую девчонку, которая была в два раза моложе него. «Фройляйн Марихен» едва ли могла понять, что отныне ей суждено быть его музой. Белый преподнес своей возлюбленной немецкое издание романа «Петербург» и уверял всех, кто хотел или не хотел его слушать, что она сумеет оценить это произведение лучше, чем профессиональные литературоведы[29]. На девушку обратил внимание язвительный Ходасевич, он посвятил ей мрачные стихи «Марихен», в которых говорится о насилии, изнасиловании и смерти.

Марихен не смогла избавить Белого от пустоты. Он шатался по пивнушкам и барам, временами напивался до крайности и вскоре приобрел известность как неутомимый исполнитель фокстротов и галантный партнер по танго. Он не пропускал ни одной танцевальной моды от шимми до шибера. Один из современников, видевший Белого и его эскапады, пишет в своих воспоминаниях:

> «Разве что… сказать о том, что чувство какой-то неловкости и даже тревоги за него овладевало каждым, кто сопровождал его в этих эскападах. Оно усиливалось еще сознанием беспомощности, так как остановить его в эти минуты ни у кого не было никаких сил.
>
> …А ведь его танец неизменно принимал какой-то демонический, без малого ритуальный (но отнюдь не эротический) характер, доводивший нередко его партнерш до слез и настолько публику озадачивающий, что его танцы часто превращались в сольные выступления. Остальные пары покорно отходили в сторону, чтобы поглазеть на невиданное зрелище»[30].

Более интенсивные личные контакты Белый поддерживал в Берлине кроме Ходасевича лишь с Мариной Цветаевой, с которой он познакомился только здесь. Вскоре он сделал ее поверенной в своих любовных переживаниях. Молодая поэтесса в противоположность ему воспринимала Берлин во всяком случае не как пустыню и угрозу. Ее стихотворение «Берлину» полно благодарности, хотя в нем отражается также и чувство одиночества в чужом городе после отъезда с родины. Марина Цветаева сразу поняла, что Белый был в изоляции, гонимый противоречивыми устремлениями, он находился в постоянной опасности, убегая от себя, потерять ощущение реальности. Белый, очевидно, и сам ясно понимал свое положение. В одной из статей о русском Берлине он писал о своем самочувствии: «Увы, понял ненужность теперешних выступлений в Берлине… Я чувствую часто чужим себя, непонятым, ненужным»[31]. Совершенно разочарованный Западом, он вернулся осенью 1923 года в Россию.

Годы спустя он еще раз подвел итог своей эмиграции в стихотворении «Берлин». Оно начинается столь же яростными, сколь и мрачными словами: «Куда нам убежать от гнева? И как взвизжать из черных нор?» В России Белый оказался в конечном счете таким же не понятым, как и в Берлине. Он чувствовал, как с середины 20-х годов стали все больше ограничиваться его рабочие возможности. Мучимый депрессиями, он впал в покорное бессилие и умер через одиннадцать лет после своего возвращения. Ему исполнилось тогда 54 года.

За четыре года до смерти Белого, в 1930 году насильно положил конец своей жизни Маяковский, испытавший на себе все возраставшее давление функционеров от культуры и видевший, как все больше и больше удушается воспетая им революция. Во время своих поездок в Берлин в начале 20-х годов он еще верил,

что слышит могучие шаги приближающейся революции.

Когда выяснилось, что мечта о мировой революции пока что неосуществима, ведомое Сталиным советское руководство решило обратиться к русскому национальному культурному наследию. Тут пробил час писателя, которого Маяковский высмеивал как буржуя, — графа Алексея Толстого, которого не мучили идеи о том, как осчастливить человечество, и который был озабочен прежде всего своим собственным благосостоянием. Томас Манн, который познакомился с ним в Берлине, называл его насмешливо «современным коллегой, который любит плотские наслаждения»[32]. Во время Гражданской войны Толстой стоял на стороне белых, в первые годы эмиграции он усердно ругал большевиков, называя их бандой убийц. Но вскоре началось переосмысление. После того как новая власть в Москве стабилизировалась, Толстой стал хвалить большевиков как «собирателей земли русской». Чтобы преодолеть свое «белое» прошлое, он написал множество романов и рассказов, в которых изображал эмиграцию как сборище преступников, предателей, клеветников и насильников.

Человек из Москвы на Западе

С благословения Москвы на Западе остался еще один сочувствующий советскому правительству, который, однако, лично сторонился Толстого, — Илья Эренбург, многими подозревавшийся в том, что он является информатором советской секретной службы. Позже в своих мемуарах он нарисует пеструю картину немецкого и русского Берлина. Эренбург поддерживал многочисленные контакты с немецкими писателями и художниками, которые в захвате власти большевиками в Москве видели шанс для всего человечества. Его роман «Любовь Жанны Ней», действие которого разворачивается в кругу эмигрантов, послужил основой немого фильма, снятого режиссером Георгом Вильгельмом Пабстом на берлинской студии УФА. Правда, Пабст, несмотря на протесты автора, присутствовавшего на части съемок, исказил финал: если у Эренбурга герой умирает за коммунизм, то в фильме студии УФА он отрекается от этой напасти и женится с благословения церкви.

Большого успеха как среди эмигрантов, так и в советской России Эренбург добился романом «Необыкновенные приключения Хулио Хуренито и его учеников», созданным во время своего пребывания в Берлине. В образе студента инженерного училища Карла Шмидта Эренбург нарисовал

сатирический портрет молодого немца — своего современника. Политические взгляды Шмидта все время приспосабливаются к взглядам его собеседника: он то националист, то социалист. Неизменно только его убеждение, что немцы превосходят все другие народы. Россию он намерен колонизовать, Францию и Англию как можно основательнее разрушить, чтобы потом их можно было как можно лучше переустроить. Эренбург написал позднее об этом в своих мемуарах, что ему уже за двенадцать лет до прихода к власти Гитлера удалось показать немца, который мог быть националистом и социалистом одновременно[33].

Если Эренбург в 1922 году, когда он писал «Хулио Хуренито», как и Маяковский, еще ожидал немецкую революцию, то несколько лет спустя он уже не улавливал ни малейшего веяния предреволюционных настроений, а видел лишь увязание в сутолоке буден. В 1927 году он написал о Берлине: «Это — самый удобный город в Европе, и это в то же время — самый угрюмый, самый не удовлетворенный жизнью город»[34].

К этому времени самые именитые писатели уже покинули Берлин: Ходасевич и Ремизов жили в Париже, Марина Цветаева в Праге, Горький в итальянском Сорренто. Белый, Пастернак, Шкловский и Толстой, которые какое-то время склонялись к эмиграции, окончательно вернулись в Москву. Набоков, тогда скорее тихий наблюдатель, чем предводитель русского Берлина, меткими словами описал последствия этого личного выбора между эмиграцией и возвращением:

> «Впрочем, если спокойно оглянуться на прошлое и судить, прибегая лишь к художественным и научным меркам, книги, созданные эмигрантскими авторами in vacuo[35], выглядят более вечными, более пригодными для человеческого потребления, нежели рабские, редкостно провинциальные и трафаретные потоки политического сознания, вытекавшие в то же самое время из-под перьев молодых советских писателей, которых по-отечески рачительное государство снабжало чернилами, бумагой и теплыми свитерами»[36].

Конец русского Берлина

Набоков остался в немецкой столице. В «русском Берлине» он был бегло знаком с некоторыми именитыми писателями, но почти не принимал тогда участия в литературных вечерах. Он был слишком молод, чтобы иметь вес в их кругу. Значительным

писателем он стал уже после распада колонии эмигрантов. Он покинул Берлин только в 1937 году, когда понял, что ему и его семье нацисты грозят бедой. Всего лишь год спустя национал-социалисты потребовали от оставшихся в рейхе эмигрантов занять ясную позицию. В газете «Фелькишер Беобахтер» прямо говорилось, что им необходимо решить, хотят ли они «вместе с немцами бороться против большевизма и мирового еврейства»[37].

К немногим русским литераторам, которые решились сотрудничать с нацистами, принадлежал почти 70-летний казачий атаман Петр Краснов. Во время Первой мировой войны он, будучи генералом царской армии, сражался с немцами. Во время Гражданской войны в России он как атаман донских казаков при поддержке немецких войск установил на Дону военную диктатуру. Однако через несколько месяцев ему пришлось отступить под натиском Красной Армии и под конец бежать. В Берлине он стал одним из предводителей монархических кругов, яростно нападавших даже на либеральных эмигрантов, к которым принадлежала семья Набоковых. В это время он занимался также и писательской деятельностью, сочинял монархические душещипательные романы. Перевод его эпоса о Гражданской войне «От двуглавого орла к красному знамени» раскупался тогда с большим успехом, и десятки тысяч его немецких читателей проливали над ним слезы. Во время Второй мировой войны он снова надел военный мундир. После войны он вместе с остатками армии перебежавшего на сторону немцев советского генерала Андрея Власова был выдан союзниками советским властям. В 1947 году он был повешен в Москве. Полстолетия спустя его произведения снова пользуются там спросом и издаются большими тиражами, так же как и произведения Набокова, другого оставшегося в Берлине «антисоветчика».

Во время Второй мировой войны град бомб и буря огня большей частью стерли с лица земли то, что было ареной русского Берлина 20-х годов. Квартал вокруг Ноллендорфплац сгорел до основания. То, что пощадила война, стало добычей камнедробильных груш и кирки во время восстановительных работ.

Глава II
ПУТЬ В БЕРЛИН

Россия, год 1917: Революция! Вся страна охвачена беспокойством. Тень громадного кризиса нависает над любимой родиной Набокова, где он провел райские дни своей юности, где он впервые влюбился и пережил свою первую большую любовь. После Гражданской войны семья Набоковых, как многие их соотечественники, вынуждена покинуть страну.

Семья Набоковых

Владимир Набоков родился 22 апреля 1899 года в Санкт-Петербурге. Он был первенцем среди пятерых детей богатой дворянской семьи. Мать — Елена Ивановна Набокова с ее нежностью и богатством чувств на протяжении всей жизни оставалась наряду с отцом одной из важнейших фигур его окружения.

> «Любить всей душой, а в остальном доверяться судьбе — таково было ее простое правило… Как будто предчувствуя, что вещественная часть ее мира должна скоро погибнуть, она необыкновенно бережно относилась ко всем вешкам времени, рассыпанным по нашему сельскому поместью. Прошлое свое она лелеяла с таким же ретроспективным пылом, с каким я теперь лелею мое. Так что я по-своему унаследовал восхитительные подобия, все красоты неотторжимых богатств, призрачное имущество — и это оказалось прекрасным закалом от предназначенных потерь»[38].

Отец будущего писателя Владимир Дмитриевич Набоков был одним из известнейших и влиятельнейших политиков русской столицы — Санкт-Петербурга (в 1914 году переименованного в Петроград). Этот юрист, который в студенческие годы обучался также в немецком университете в Галле-на-Заале, принадлежал к вождям либеральной, демократически ориентированной Конституционно-демократической партии, членов которой по начальным буквам названия организации именовали кадетами.

Во время многочисленных поездок по западной Европе В. Д. Набоков познакомился с тем, как функционируют

парламентские системы, из которых он выделял британскую, которую считал образцовой. Но не только поэтому он считался в петербургском обществе англофилом. Трое его сыновей Владимир, Сергей и Кирилл, а также две дочери Ольга и Елена воспитывались и обучались английскими няньками и гувернантками. В просторной городской квартире Набоковых в Санкт-Петербурге было не только изобилие английской литературы, но и английская мебель, по-английски оборудованная ванная комната, английское мыло, английский чай и английский мармелад.

Круг воспитания Владимира Набокова включал, наряду с основательным изучением языков — он рос двуязычным, — уроки танцев и верховой езды, живописи и музыки, занятия боксом и игру в теннис. Набоков в своих воспоминаниях признается, что учителя призывали не всегда усердного ученика брать пример с отца, пользовавшегося в обществе большим уважением. Позже он напишет о нем: «Я горжусь тем, что мой отец принадлежал к великой бесклассовой русской интеллигенции.[…] Мой отец был либералом старой школы, и я не возражаю, когда и на меня ставят штамп либерала старой школы»[39].

Родители происходили из очень богатых семей. Набоковы принадлежали к старинному дворянскому роду. Дед Владимира Набокова был на царской службе с 1878 по 1885 год в должности министра юстиции. Он считался сторонником реформ и отказался от предложенного ему графского титула. Предки по материнской линии были немецкими дворянами из Прибалтики, занимавшими высокие посты в чиновном мире и армии царской империи.

От камерюнкера до царененавистника

Отец Владимира Набокова принадлежал к петербургскому придворному обществу и носил почетный титул камерюнкера. Своего высокого признания он добился как ученый-правовед, однако его тянуло к большему, чем просто теория. Он был одним из издателей либеральной петербургской газеты «Речь» и втянулся в политику. Будучи депутатом Думы, он выступил с осуждением еврейских погромов на юге России, за которыми стояли монархические круги, и требовал отмены смертной казни. Когда царь Николай II после неудавшейся революции 1905 года распустил Думу, юрист Набоков был в числе депутатов, выступивших с протестом против этого. Он потерял свой почетный титул и на три месяца попал под арест. Во время Первой мировой войны В. Д. Набоков какое-то время работал

корреспондентом «Речи» во Франции и Англии. Он использовал эту ситуацию для того, чтобы представить демократию двух этих стран в качестве образца для России. Тем самым он навлек на себя ненависть монархистов. Они внесли его имя в список подлежащих уничтожению «черными сотнями» — эскадронами смерти, формировавшимися из рядов царского офицерского корпуса и действовавшими против евреев, либералов и масонов как «антинародных вредителей».

Когда в феврале 1917 года царь Николай II отрекся от престола, кадеты заняли ключевые позиции в новом руководстве страны. В. Д. Набоков на какое-то время оказался в центре событий: вместе с еще одним юристом он составил заявление об отказе от престола великого князя Михаила, к которому по закону после отречения Николая II должна была перейти царская корона. Кадеты заняли большинство министерских постов в первом Временном правительстве новой республики России. В. Д. Набоков в качестве стат-секретаря руководил канцелярией кабинета. Таким образом и он стал врагом большевиков, которые во главе с Лениным и Троцким делали все, чтобы дестабилизировать правительство и страну и в возникшем при этом замешательстве взять власть в свои руки.

Кадеты совершили в это время капитальную политическую ошибку. Они отклонили перемирие с немцами ради выполнения союзнических обязательств по отношению к Великобритании и Франции. Тем самым они подготовили почву для захвата власти большевиками осенью 1917 года в результате тайной и неожиданной операции, которая позже была объявлена Великой Октябрьской революцией. Революционеры укрепили свою власть благодаря победе руководимой Троцким Красной Армии над переругавшимися между собой белыми генералами, хотевшими посадить на трон нового царя. Перед лицом наступающей новой власти Набоковы, как и большинство дворян, большая часть буржуазии и интеллигенции, покинули свою родину.

Бег из России

Первое лето после большевистского переворота семья Набоковых провела на полуострове Крым — по иронии судьбы под защитой немецких оккупантов, которых В. Д. Набоков как политик еще год назад считал врагами. Он умел по достоинству ценить эту защиту, ибо в Петрограде после захвата власти большевиками он какое-то время находился под арестом: новые властители объявили кадетов врагами народа. В Крыму он на

полгода принял пост министра юстиции Временного правительства белых, однако в условиях гражданской войны не имел на этом посту никакого влияния. И девятнадцатилетний Владимир воспринимал тогда присутствие немцев как облегчение.

> «Затем, одним весенним днем 1918 года, когда розовый дымок цветущего миндаля оживил темные горные склоны, большевики исчезли, и их заменили на редкость молчаливые немцы.
>
> …Последние, однако, уже проигрывали войну на западе и в Ялту вошли на цыпочках, со стесненными улыбками — армия серых призраков, игнорировать которых патриоту не составляло труда; он их и игнорировал, разве что фыркая неблагодарно при виде робких табличек „траву не топтать“»[40].

Когда стало очевидным немецкое поражение в Первой мировой войне, части рейхсвера отступили из бывшей царской империи. Командовать в Крыму стали генералы верной царю белой армии, которых до этого снисходительно терпели немцы. Но они смогли оказать лишь незначительное сопротивление Красной Армии, прорывавшейся с боями на юг России и на Украину. Набоковы бежали. «На небольшом, неказистом греческом судне „Надежда“, с грузом сушеных фруктов возвращавшимся в Пирей, наша семья отплыла по глянцевым водам из севастопольской бухты, под беспорядочно бившим с берега пулеметом (порт только что был захвачен большевиками)»[41]. Для всей семьи это было окончательным расставанием с Россией, чего тогда никто еще и не подозревал.

Через два месяца из Греции Набоковы продолжили свой путь дальше в Лондон. Оба старших сына, Владимир и Сергей, остались в Англии. Оба стали студентами Кембриджского университета. Владимир, который унаследовал от отца любовь к литературе, решил специализироваться но русской и французской литературе. В Кембридже он осознал, что он эмигрант, чужой. «Есть милая поговорка: „На чужбине и звезды из олова“. Не правда ли? Хороша природа за морем, да она не наша и кажется нам бездушной и искусственной»[42].

Возможно В. Д. Набоков подумывал и об эмиграции в Англию. Здесь у него было много знакомых, здесь его наверняка поддержали бы как одного из ведущих политиков и публицистов бывшего союзника по войне, к тому же тогда британское правительство большевиков не признавало и считало вождя революции Ленина узурпатором власти. Но мысль о постоянной

эмиграции он не принимал. Он надеялся, как и многие другие эмигранты, на быстрое падение советской власти, на возможность возвращения домой. Потому-то он хотел и должен был поселиться в Берлине, этом политическом центре противников большевизма.

Покушение

Елене Набоковой удалось спасти бóльшую часть своих украшений. В Берлине семья обеспечила свое существование за счет продажи нескольких драгоценностей. Более того, дом Набоковых был на первых порах открыт для всех. Они пытались снова возродить атмосферу своего петербургского салона. Среди их гостей были не только политики, но и артисты, режиссеры, художники и литераторы, в том числе и Иван Бунин, который приехал в Берлин из Парижа.

За счет продажи ювелирных изделий Набоковы смогли оплатить и учебу обоих старших сыновей в Кембридже. Денег, вырученных от продажи жемчужного ожерелья, Владимиру и Сергею хватило на два года обучения. В. Д. Набоков и в немецкой столице выделялся как политик. Он принял председательство в берлинской группе кадетов. Тем самым он попал в поле зрения немецкой государственной безопасности, ибо его партия считалась скорее профранцузской и антигерманской. Документы о русских эмигрантах были после Второй мировой войны переправлены из Берлина в Москву[43].

Политическая активность В. Д. Набокова совмещалась с его деятельностью как издателя и главного редактора газеты. Вместе со своим другом по партии Иосифом Гессеном, известным представителем еврейской интеллигенции в России, он основал при финансовой поддержке издательства «Ульштейн» ежедневную газету «Руль». Руководство берлинского издательства рассчитывало не только получить доход от публикаций для русских читателей, но и, очевидно, хотело поддержать демократические силы в эмиграции. Редакция газеты разместилась на третьем этаже ульштейновского здания на Кохштрассе 22. Ульштейн взял на себя тиражирование газеты. Гессен возглавил наблюдательный совет, в который входили также три представителя Ульштейна[44]. Уже через несколько месяцев после выхода первого номера 16 ноября 1920 года тираж газеты вырос до двадцати тысяч экземпляров. Абонементный отдел рассылал ее почти в четыреста городов в 34 странах, в том числе и в Москву, где она попадала на письменный стол Сталина. В «Руле» появились первые стихотворения и рассказы Владимира

Набокова, и его кузен Николай Набоков, получивший позже известность как композитор, тоже немного подрабатывал здесь в качестве музыкального критика.

«Руль» представлял либерально-консервативную линию, пропагандировал парламентскую демократию западного образца. Таким образом он находился между двух огней: для партийных большевиков и сочувствовавших им немцев это была реакционная буржуазная газетенка, но для монархистов — социалистический молитвенник. Газета подвергалась нападкам слева и справа подобно тому, как и сама партия кадетов, выступавшая за либеральное правовое государство. Политику В. Д. Набокову суждено было стать жертвой этого столкновения позиций.

28 марта 1922 года он приветствовал в Берлине приехавшего из Парижа руководителя тамошней организации кадетов Павла Милюкова, который после февральской революции 1917 года в течение двух месяцев был министром иностранных дел. За несколько месяцев до этого между берлинскими и парижскими кадетами произошел разрыв, и его надо было устранить. После прибытия Милюкова на вокзал Банхоф Цоо между представителями обеих групп кадетов состоялся обмен мнениями. Однако он не привел к сближению. Было решено продолжить дискуссию после лекции Милюкова. Около полутора тысяч русских эмигрантов устремились в зал филармонии, чтобы послушать бывшего министра иностранных дел. Представители немецкой госбезопасности тоже были здесь. Они получили сигнал о том, что правые радикалы готовят покушение. Слухи об этом дошли и до устроителей выступления[45]. Они оказались верными. Оратор из Парижа говорил об «Америке и возрождении России». Когда он сделал паузу, на сцену внезапно выбежал какой-то мужчина и, прокричав: «За царскую семью и Россию!», несколько раз выстрелил в Милюкова. Но он не попал в цель. Один из спутников Милюкова своевременно сбил его на пол. В зале возникла паника, публика ринулась к выходам. В. Д. Набоков набросился на стрелявшего, повалил его на пол и крепко держал. На сцену выбежал второй вооруженный. Он трижды выстрелил в Набокова, чтобы освободить своего соучастника. Когда люди из зала растащили сцепившихся, Набоков был уже мертв. Одна из пуль попала в нижнюю часть сердца. Второй участник покушения тоже был схвачен после того, как он расстрелял всю обойму. Он выстрелил в тело уже мертвого Набокова и выкрикнул: «Месть за убийство царской семьи!»

Толпа в кровь избила обоих покушавшихся, прежде чем их привязали к двум стульям. Через несколько минут появилась немецкая полиция, к филармонии подъехали санитарные

машины. У семи человек были огнестрельные ранения.

Гессен, друг и партнер Набокова, ставший свидетелем этого ужасного происшествия, запомнил

> «громкий тревожный гул в зале, заставивший обернуться, и я удивился, увидев, что все еще оставшиеся в зале лежат со втянутой в плечи головой — это, очевидно, уроки войны — на полу и ползком пробираются к выходу, стулья сдвинуты со своих мест, большинство опрокинуто. В этот момент еще и в голову не приходило, что Набоков убит наповал, что выстрел сделан был в упор в спину. Помню вестибюль, истерические выкрики дамы, показывавшей на двух, пытавшихся улизнуть молодых людей, настаивавшей, что это и есть убийцы. Совсем уж не мог бы объяснить, как очутился в какой-то комнате, где на полу у стены лежал мертвый Набоков. До сих пор не могу забыть, как меня поразила тяжелая неподвижность его. В другой комнате, в углу, за окружавшими его друзьями, стоял Милюков, серьезно спокойный…
>
> Мне хотелось еще раз поближе и пристальнее вглядеться в погибшего друга, но полицейский уже не пустил в ту комнату, и резанул его ответ на настойчивую просьбу: „Er ist furchtbar zugerichtet“. (Он слишком изуродован). Это слово — zugerichtet — показалось оскорбительно неуместным»[46].

Вечером этого дня, 28 марта 1922 года, молодой Набоков находился в доме своих родителей на Зексишештрассе 67. У него были семестровые каникулы, и он приехал из Кембриджа в Берлин. Он читал своей матери стихи из какого-то поэтического сборника, когда раздался телефонный звонок. У аппарата был Гессен, друг, соратник и компаньон отца. Он сказал молодому Набокову, что произошло нечто ужасное и что сейчас же за ним высылают машину. На вопрос, что конкретно произошло, Гессен на какой-то момент запнулся и потом сказал: «На отца наехала машина, у него повреждена нога». Когда наконец машина приехала, Елена Набокова и ее старший сын уже предчувствовали, что произошло нечто более серьезное. По дороге в филармонию они узнали от водителя автомобиля, что была перестрелка.

В своем дневнике Владимир Набоков делает запись по поводу этой трагедии, изменившей всю его жизнь:

> «Это ночное путешествие помнится мне как нечто

происходившее вне жизни и нечто мучительно медленное, как те математические головоломки, что мучают нас в полусне температурного бреда. Я смотрел на огни, проплывавшие мимо, на белеющие полосы освещенной мостовой, на спиральное отражение в зеркально-черном асфальте, и мне казалось, что я каким-то роковым образом отрезан от всего этого — что уличные огни и черные тени прохожих — это лишь случайные видения, а единственным отчетливым, и веским, и единственно реальным на целом свете было горе, облепившее меня, душившее меня, сжимавшее мне сердце. „Отца нет на свете“. Эти четыре слова грохотали в моем мозгу, и я пытался представить себе его лицо, его движения. Вчерашний вечер был такой счастливый, такой нежный. Он смеялся, он стал бороться со мной, когда я хотел показать ему боксерский захват… Наконец мы приехали. Вход в филармонию… Мы идем по длинному коридору. Через открытую боковую дверь я увидел зал, где в одно из мгновений прошлого случилось это. Некоторые стулья там были сдвинуты, другие валялись на полу… Наконец мы вошли в какой-то холл; люди толпились вокруг; зеленые мундиры полицейских. „Я хочу видеть его“, — монотонно повторяла мать. Из одной двери вышел чернобородый человек с перевязанной рукой и пробормотал, как-то растерянно улыбаясь: „Видите ли, я… я тоже ранен“. Я попросил стул, усадил мать. Люди растерянно толпились вокруг. Я понял, что полиция не пустит нас в ту комнату, где лежит тело… И вдруг мать, сидевшая на стуле посреди этого вестибюля, заполненного незнакомыми, растерянными людьми, начала громко рыдать, издавая какие-то неестественные стоны. Я прильнул к ней, прижался щекой к ее трепещущему, пылающему виску и прошептал ей только одно слово. Тогда она начала читать „Отче наш…“, и когда она закончила, то словно окаменела. Я понял, что нам незачем больше оставаться в этой безумной комнате»[47].

Когда Владимир Набоков сообщил дома своим сестрам о покушении, одна из них стала рассказывать о том, как она непосредственно перед отъездом отца в филармонию пришивала пуговицу на костюме: «Напрасная трата времени. Пришивать пуговицу на такой короткий срок»[48].

Двумя днями позже состоялась панихида по его отцу в церкви

русского посольства на Унтерден Линден, где во время отпевания по русскому обычаю был установлен на помосте открытый гроб с покойным. В. Д. Набоков всегда сохранял дистанцию по отношению к православной церкви, и его дети тоже были воспитаны в том же духе. Владимир Набоков изгнал с этого дня слово «бог» из своих стихов. Через два дня, 1 апреля 1922 года, после отпевания убиенный был похоронен на маленьком русском православном кладбище в Берлине-Тегеле при большом стечении обитателей эмигрантской колонии — пришло несколько тысяч человек.

Павел Милюков к этому моменту уже уехал в Париж по совету берлинских кадетов из окружения Гессена, а также немецкой полиции, которая опасалась нового покушения. Но до этого Милюков написал некролог, который на немецком языке был напечатай большинством немецких газет:

> «Из ложно понятого русского патриотизма убийцы сгубили русского патриота, всю свою жизнь отдавшего служению родине и имевшего перед ней незабываемые заслуги. […]
>
> На мое объяснение, почему России больше не нужна монархия, они ответили выстрелами в безоружных»[49].

Убийцы

Оба стрелявших были опознаны как бывшие царские офицеры Петр Шабельский-Борк и Сергей Таборицкий. Для немецких властей они не были незнакомцами. Оба они принадлежали к правоэкстремистской организации монархистов и поддерживали контакты с тогда еще не игравшими серьезной роли национал-социалистами. Они сочиняли националистические памфлеты и руководили группой, подражавшей антисемитским «черным сотням» царских времен. Их террористические акты были направлены против чуждых им эмигрантских кругов, против евреев и масонов, которые, по их мнению, хотели совратить, коррумпировать и уничтожить русский народ. Оба покушавшихся видели в Павле Милюкове, цели своего покушения, главного виновника свержения царской власти.

За содеянное убийство оба участника преступления были приговорены к длительному тюремному заключению: Шабельский-Борк к двенадцати, а Таборицкий к четырнадцати годам. Документы судебного процесса уцелели во время Второй мировой войны, они находятся сегодня в Тайном

государственном архиве в Берлине и хранятся под регистрационным номером 14953. Однако Шабельскому-Борку недолго пришлось отбывать наказание. Уже в марте 1927 года, т. е. всего через пять лет он был помилован прусским министром юстиции. За него перед немецкими властями хлопотал какой-то священник русской эмигрантской церкви, с которым он был в дальнем родстве[50]. Время освобождения Таборицкого установить не удалось, но точно установлено, что в начале тридцатых годов он тоже был на свободе.

Убийцы В. Д. Набокова возвысились в нацистские времена до руководства эмигрантской организацией, которая находилась под контролем гестапо. Нацистские власти были настолько довольны работой Таборицкого, что они дали ему немецкое гражданство[51]. Следы его, однако, потерялись во время Второй мировой войны. Шабельский-Борк пережил войну и смог, как и многие нацистские главари, после капитуляции переправиться в Южную Америку. Там он написал пышущую ненавистью книгу о либералах, евреях и масонах, которые выдали Россию большевикам, и оправдывал в ней совершенное им убийство отца Набокова. Шабельский-Борк умер в 1950 году в Бразилии[52].

В год смерти отца Владимир Набоков завершил свое обучение в Англии и переселился в Берлин к своей матери и сестрам. В конце 1922 года в возрасте двадцати трех лет он вошел в дом по улице Зексишештрассе.

Глава III
БЕРЛИН 1922–1937 годов

Берлин не был для Владимира Набокова незнакомой почвой. Здесь ему и его брату Сергею в 1910 году во время трехмесячного пребывания правил зубы поселившийся в Германии американский врач. Любимым местом тогда десятилетнего Сергея был Паноптикум с его кабинетом восковых фигур в Кайзеровской галерее на Унтер ден Линден, в то время как старшего брата тянуло в магазин Груберта на Фридрихштрассе, в котором продавались бабочки. Многие полуденные часы они проводили вместе на площадке для катания на роликовых коньках на Курфюрстендамм. В Берлине двадцатых годов Набоков пытался однако не только отыскать следы своего детства. Хотя его все больше притягивала сфера искусства, он вынужден был тратить много сил на то, чтобы уберечь свою мать и младших сестер с братом от угрозы бедности, нависшей над ними после смерти отца. Борьба за выживание определяла повседневную жизнь в Берлине и после переселения его семьи в Прагу, и после женитьбы на Вере Слоним. В тридцатые годы вдобавок к этому его угнетало нарастание национализма, от которого ему в конце концов пришлось бежать вместе с женой и родившимся в Берлине сыном Дмитрием.

Благородные искусства, бокс и футбол

Благодаря своим спортивным талантам Набоков смог поначалу поддерживать семейный бюджет уроками игры в теннис и занятиями боксом. И тому и другому он научился еще школьником в Санкт-Петербурге, во время своего обучения в Кембридже он усовершенствовал свою технику в обоих видах спорта. Его учениками были прежде всего дети состоятельных родителей, которым он преподавал языки. «Словно ловкий автомат, под медленно плывущими облаками летнего дня, перечерпывал их загорелым дочкам мяч за мячом через сетки пыльных кортов»[53].

Насколько хорошо Набоков боксировал, пришлось убедиться одному скрипачу, выступавшему в русском ресторане. Возникло подозрение, что жена музыканта покончила с собой из-за того, что он ее бил. Так как доказать это в суде было невозможно, Набоков с другом решили покарать его собственноручно. Они

спровоцировали музыканта, последовали пощечины и затем «урок английского искусства бокса»[54]. Но Набоков умел обращаться и к эстетической стороне спорта. На одном из литературных вечеров в Берлине он выступил с докладом на тему «Красота спорта и в особенности искусства бокса»[55].

Если при боксировании он благодаря приобретенной в Кембридже технике охотно и ловко раздавал тумаки, то при игре в футбол ему временами здорово доставалось самому. Он много лет был вратарем в одной из русских команд Берлина, продолжая играть даже после своей женитьбы в 1925 году. То, что футбол считался «пролетарским видом спорта», его не заботило: наоборот, он видел в своей игре вратаря как последнего защитника ворот некое философское измерение.

> «Я был помешан на голкиперстве. В России и в латинских странах доблестное искусство вратаря искони окружено ореолом особого романтизма. За независимым, одиноким, бесстрастным, знаменитым голкипером тянутся по улице зачарованные мальчишки. Как предмет трепетного поклонения, он соперничает с матадором и воздушным асом. Его свитер, фуражка, толстозабинтованные колени, перчатки, торчащие из заднего кармана трусиков, резко отделяют его от остальных членов команды. Он одинокий орел, он человек-загадка, он последний защитник»[56].

Роль вратаря давала ему время улетать мыслями в другие миры.

> «В большей мере, чем хранителем футбольных ворот, я был хранителем тайны. Сложив руки на груди и прислонясь к левой штанге, я позволял себе роскошь закрыть глаза, и в таком положении слушал плотный стук сердца, и ощущал слепую морось на лице, и слышал разорванные звуки еще далекой игры, и думал о себе как о сказочном экзотическом существе, переодетом английским футболистом и сочиняющем стихи на непонятном никому языке о неизвестной никому стране»[57].

Во время одной из игр русской спортивной команды против какого-то рабочего клуба он опять стоял на воротах. Когда Набоков, которого друзья звали Володей, ловил мяч, он получил удар по голове и упал наземь. В бессознательном состоянии его унесли с поля. Кроме сотрясения мозга он получил еще перелом

двух ребер. На этом футбольная карьера Набокова закончилась[58].

Киностудия Бабельсберг

Еще больше, чем спорт, Набокова привлекало новое искусство, которое породило в Берлине целую индустрию: кино. Через русскую актрису, с которой у него был короткий роман, он познакомился с русским кинопродюсером. Это были «дни младенчества» двигающихся, но, конечно, еще немых картин, так что незнание языка не было препятствием для выхода на международный рынок. Вскоре Набоков нашел и путь к берлинской киностудии УФА. Позже он рассказывал, что в каком-то фильме можно было увидеть его крупный план: он стоял в группе статистов, которые должны были аплодировать в театре; камеру направили на него, очевидно, потому, что на нем единственном был надет темный вечерний пиджак. С гордостью Набоков приглашал своих друзей в кино, чтобы показать им эту сцену. Однако его портрет появлялся на экране лишь на какую-то долю секунды, так что никто не мог и узнать его, соответственно и разочарование у обеих сторон было огромным[59].

Позже Набоков рассказывал также, что он снимался и в классическом фильме ужасов Фрица Ланга «Доктор Мабузе». По крайней мере, таким сообщением удивил публику в 1998 году его сын Дмитрий во время московской премьеры экранизации «Лолиты» Адриана Лейна[60]. Но это, видимо, заблуждение. Речь, вероятно, идет о немом фильме «Доктор Мабузе», который Ланг снял на целое десятилетие раньше.

Тогда ему чуть не поручили главную роль. Другая русская актриса, с которой у Набокова тоже был флирт, сказала своему немецкому продюсеру, что Набоков — известный драматический артист. В течение двух часов его экзаменовали, после чего последовало приглашение. Проект остался однако нереализованным[61].

Во всяком случае атмосфера студии привлекала его, он сам написал сценарий, который, однако, не был принят. Его впечатления того времени отразились во многих произведениях, действие которых происходит в Берлине, в частности в романах «Король, дама, валет» и «Смех в темноте», в пьесе «Человек из СССР», а также в многочисленных рассказах, в том числе в рассказе «Помощник режиссера».

Лишь после скандального успеха бестселлера «Лолита» у Набокова появилось намерение снова вернуться в мир кинокамер

и света юпитеров. В 1960 году он написал сценарий для экранизации «Лолиты» Стэнли Кубриком. Однако Кубрик не пригласил его на съемки.

В берлинский период Набоков не поднялся выше роли статиста. Тем не менее он вставал в семь утра, чтобы городской электричкой и автобусом добраться до студии на окраине Берлина. Часто он возвращался в город лишь после полудня, часов в пять, со следами грима на лице и еще полуслепой от ярких лучей прожекторов.

Уроки языка, шахматные задачи, бабочки

Но для отдыха не было времени. В большинстве случаев после обеда Набоков в течение двух-трех часов давал уроки языка. После этого он спешил в «Синюю птицу», русское кабаре в Берлине. Он сочинил тогда множество маленьких комедий и принимал участие в репетициях. Но на этом его день не кончался. Дома он садился за стол и начинал писать — статьи, книжные рецензии, стихи, рассказы, переводы. Так возник первый русский перевод знаменитой английской детской книжки «Алиса в стране чудес». За свою работу он получил в качестве гонорара пять долларов, в сотрясаемом инфляцией Берлине весьма солидную сумму. Кроме того в это время Набоков разработал краткую грамматику русского языка с упражнениями для иностранцев. Как он вспоминал позже полусмеясь, полуужасаясь, первое упражнение начиналось словами: «Мадам, я доктор, вот банан»[62].

Кроме того, он часами просиживал склонившись над листами бумаги в клетку. Он составлял кроссворды для ежедневной газеты «Руль». Набоков утверждал, что является изобретателем русского кроссворда. На бумаге в клетку он составлял также шахматные задачи для развлекательной страницы той же газеты. Он регулярно участвовал в больших турнирах и добился признания как шахматист высокого класса. В это время возник его роман «Защита Лужина», трагикомической главной фигурой которого является эмигрировавший из России чемпион по шахматам.

Лишь немного времени оставалось у Набокова для другого увлечения, которому он с детства отдавал много любви и энергии: изучения бабочек. Во всяком случае он регулярно посещал все лавки, в которых тогда в Берлине торговали бабочками. Там он листал и профессиональную литературу на немецком языке. Он, по крайней мере, однажды посетил Немецкий энтомологический институт в Далеме. В книге

посетителей, уцелевшей под развалинами разбомбленного во время войны здания, 21 апреля 1926 года письменными латинскими буквами сделана запись «Dr. W. Nabokoff». Сделал ли он ее собственноручно, сказать однозначно нельзя. Точно так же остается неясным, почему перед его именем поставлен докторский титул.

В Далеме Набоков познакомился со знаменитым исследователем бабочек Арнольдом Мольтрехтом, который в то время в качестве приглашенного профессора работал в Немецком институте. Мольтрехт отлично говорил по-русски, хотя и с «гортанным немецким акцентом». Он написал книгу о бабочках Уссурийского края на Дальнем Востоке России. Набоков нашел себе партнера для разговоров. «Он говорил о бабочках так чудесно, так трогательно, так романтически! […] Я просто обожал этого старого толстого ученого с красным лицом, я наблюдал, как он с потухшей сигаретой между губ очень осторожно занимался бабочками»[63]. Мольтрехт, который в книге гостей Далемского института в качестве своего места происхождения указал Владивосток, точно соответствовал тому образу усердно занимающихся искусством и наукой немцев, который ему был привит с детства[64].

Однажды Набокову удалось прямо в Берлине неподалеку от вокзала Шарлоттенбург поймать редкую бабочку и в шапке принести ее в одну из лавок, где он действительно смог ее продать[65]. Уже тогда он начал украшать бабочками свои посвящения в книгах. В романе-первенце «Машенька» он нарисовал куколку бабочки. Ведь в ретроспекции «Машенька» была произведением новичка, который еще не нашел собственного стиля.

Солидный гонорар, который ему выплатило издательство «Ульштейн» за права на немецкое издание романа «Король, дама, валет», он потратил на пятимесячную поездку по южной Франции, во время которой он посвящал свою жену Веру в основы науки о бабочках. Позже его профессиональные знания принесли ему первое в жизни постоянное место работы. В конце сороковых годов Набоков стал научным сотрудником, отвечающим за собрания бабочек в зоологическом музее Гарварда.

Одиночество и надменность

Набоков был лихой парень, энергия и фантазия которого нравились не всем современникам.

> «Володя делал все с неподражаемым великолепием — будь то игра в шахматы или теннис, плавание, придумывание литературного персонажа или просто поддразнивание людей и проказничанье. Меня всегда смущали все эти проделки, которые он постоянно вынашивал. Он был высокомерен и нетерпим»[66].

Писательница Нина Берберова, жизнерадостная спутница мизантропствующего поэта Владислава Ходасевича в Берлине, описала несколько его вызывающих шуток: «не узнавать знакомых, обращаться, после многих лет знакомства, к Ивану Иванычу как к Ивану Петровичу, называть Нину Николаевну — Ниной Александровной, книгу стихов „На западе“ публично назвать „На заднице“, смывать с лица земли презрением когда-то милого ему человека, насмехаться над расположенным к нему человеком печатно… взять все, что можно, у знаменитого автора и потом сказать, что он никогда не читал его»[67]. Набоков, очевидно, очень хорошо знал, как его оценивали многие современники. В своих мемуарах он сам дал себе оценку, написав, что в то время он был «одинок и надменен»[68].

Его литературный талант открыл Иосиф Гессен, вместе с отцом Набокова основавший эмигрантскую газету «Руль». Он печатал не только шахматные задачи и кроссворды, но и побуждал Набокова как можно больше писать для литературной страницы. «Гессен с большой снисходительностью позволял мне заполнять свой лирический раздел моими незрелыми стихами», — лаконично писал В. Набоков впоследствии[69].

Набоков публиковался в свой берлинский период сначала под псевдонимом «В. Сирин». Он не хотел, чтобы его путали с его знаменитым отцом, не только из уважения к последнему, но и потому, что желал идти своим путем. Однако в эмигрантской колонии уже было известно, кто скрывается под этим псевдонимом, да автор и сам не делал из этого тайны. Кроме того, в его первых книжных публикациях появилось написанное латинскими буквами указание владельца авторских прав «Nabokoff» — принятое тогда немецкое написание его фамилии.

Когда имя Сирина получило известность среди его земляков в Берлине, русской писательской колонии уже не существовало. Ни одного знаменитого писателя не осталось на берегах Шпрее.

С теми писателями, которые до этого задавали тон на берлинской литературной сцене — а среди них были такие «литературные гиганты», как Максим Горький, Андрей Белый, Владимир Маяковский, — у Набокова не было никаких контактов. Он появился в поле зрения тогда, когда эти великие люди уже

покинули Берлин, а оставшиеся пытались продолжать деятельность клубов и издательств. Зримо сократившаяся колония эмигрантов продолжала свою независимую жизнь как довольно замкнутый круг внутри немецкого общества. Более трех десятилетий спустя Набоков писал о своих первых трудных годах в Берлине:

> «Изгнанники поудачливее могли теперь предаваться своим занятиям с такой безвозбранностью, что порой спрашивали сами себя, не является ли (в определенном смысле) абсолютная духовная свобода следствием того, что им приходится работать в абсолютной пустоте»[70].

Его мать Елена с обеими сестрами и младшим братом тоже покинула Берлин и переехала в Прагу. Чехословацкое правительство делало ставку на союз «братских славянских народов», направленный против Запада и «еврейского большевизма». Русские эмигранты получали щедрую финансовую поддержку.

Вера — жена, управитель и муза

Жизнь Набокова между спортом, уроками языка, шахматами, писательством и бабочками изменилась в 1923 году, когда он познакомился с Верой Слоним. За несколько месяцев до этого была разорвана его первая помолвка. Он расстался со Светланой Зиверт, семнадцатилетней дочерью его русских знакомых, которые тоже эмигрировали и жили в городском районе Лихтерфельде. Во время прогулки в берлинском «Аквариуме» он сделал Светлане предложение, на которое она ответила согласием. Ее родители тоже дали согласие при условии, что Набоков будет иметь постоянный доход. При этом они имели в виду постоянное место работы. Благодаря посредничеству знакомых Набоков, которому тогда было двадцать три года, и его брат Сергей были приглашены на собеседование в один из берлинских банков. Оба были приняты с испытательным сроком. Сергей выдержал там целую неделю, Владимир сбежал из бюро уже через три часа. Свадьба не состоялась[71].

Веру Слоним он встретил на маскараде, устроенном одним из русских благотворительных обществ в Берлине. На ней была маска волка, так что Набоков весь вечер не мог увидеть ее лица. Тем не менее он был настолько очарован ею, что пригласил ее на свидание — на мосту в парке, в час ночной. У Набокова есть стихотворение о встрече на «темном мосту», в котором

упоминается «волчий профиль черной маски». И по сей день идут споры о том, написано ли оно до или после встречи с Верой, шла ли жизнь за искусством или наоборот. Сама Вера утверждала, что знала стихотворение раньше и потому появилась на благотворительном бале-маскараде преднамеренно в волчьей маске, чтобы иметь повод лично познакомиться с Набоковым. Еще до первой встречи она была большой поклонницей писателя и знала наизусть многие его стихи[72].

Вера Слоним была русской еврейкой из Санкт-Петербурга, родного города Набокова. Но познакомился Владимир с ней только в Берлине. Она происходила из зажиточной и образованной семьи. Ее отец Евсей Слоним был юристом. Ее родители придавали большое значение знанию языков, так что Вера владела четырьмя: наряду с родным русским она получала частные уроки английского, французского и немецкого.

После гражданской войны Семья Веры так же через Крым покинула Россию и через Стамбул и Болгарию добралась до Берлина. Благодаря своим валютным счетам Слонимы первоначально могли вести беззаботную жизнь. Однако во время денежной реформы они потеряли все свои сбережения. В 1923 году они были разорены. Евсей Слоним пытался после этого создать новое дело. Он намеревался переводить в Берлине русскую литературу на английский язык и продавать книги в США. Однако вследствие экономического кризиса эти планы оказались неосуществимыми. Во всяком случае его дочка Вера нашла тогда у него свое первое рабочее место в качестве секретаря и могла из своего скромного заработка оплачивать уроки верховой езды в одном из парков района Тиргартен.

Владимир Набоков и Вера Слоним стали регулярно встречаться, часто за партией в теннис или в шахматы. 15 апреля 1925 года они оформили свой брак в ратуше Вильмерсдорфа. Им пришлось заплатить небольшой административный налог, это было все, что у них тогда имелось. Никакого торжества не было, только простая регистрация. Двое знакомых Веры вызвались быть свидетелями, в том числе один «настоящий немец»[73]. Родителям Вера сообщила о своем замужестве как бы невзначай во время ужина.

Собственной матери Набоков рассказал о своем намерении жениться заранее, во время поездки в Прагу. Она не высказала никаких возражений против женитьбы своего старшего сына на еврейке, хотя этим шагом Набоков вызвал вражду со стороны антисемитски настроенных русских монархистов[74]. Одна знакомая дворянка говорила потом, что он своей женитьбой «объевреился»[75]. Но со своим тестем-евреем он быстро нашел

общий язык. Вскоре после свадьбы он написал матери в Прагу: «Он так хорошо понимает, что писать для меня — самое важное в жизни и единственное, что я могу делать»[76].

На протяжении всего следующего полстолетия Вера была не только женой, спутницей жизни и сердечным другом Набокова, но и его секретарем, корректором, критиком, советчиком и не в последнюю очередь музой всего, что он написал. Многим литературоведам даже кажется, что именно благодаря ее влиянию произведения Набокова обрели качество, сделавшее его одним из великих писателей столетия, во всяком случае не подлежит сомнению, что он ценил не только ее точность и организационный талант, но и ее юмор. «У нее самое прекрасное чувство юмора, какое я когда-либо встречал у женщин», — говорил он о ней[77]. Современники рассказывают также, что Набоков никого в жизни не боялся так, как он боялся своей жены[78]. Одна знакомая, которая была в ссоре с обоими, утверждала, что Вера выполняла в его жизни роль злого духа, который, например, развел его со старыми друзьями[79].

Было ли это просто завистливой болтовней или у этого приговора были свои основания, фактом остается, что Вера Набокова делала для своего мужа все то, что сегодня делают менеджер и литературный агент. Отлично владея немецким языком, она совершала все унизительные хождения по чиновничьим инстанциям, участвовала в переговорах с издательством «Ульштейн» о переводе на немецкий язык его первых романов, и весьма успешно. Входившая в концерн Ульштейна «Фоссише цайтунг» взяла для публикации в газете с продолжениями романы «Машенька» (под заглавием «Она придет — придет ли она?») и «Король, дама, валет». Потом оба перевода были выпущены отдельными книгами. От имени мужа Вера предложила для перевода и шахматный роман «Защита Лужина», но безуспешно. Перед этим Набоков писал матери с надеждой в своей обычной манере: «Настало время убить Лужина и передать его труп Ульштейну, чтобы они могли его купить, произвести вскрытие и перевести»[80].

Клуб Берлинских поэтов

Хотя произведения Набокова-Сирина очень быстро стали фаворитами русской библиотеки в Берлине[81], тем не менее он не мог еще жить за счет своего писательства, так же как и те молодые литераторы-любители, которые объединились в «Клуб поэтов». Набоков принимал участие в их заседаниях, по крайней

мере в начале. Основан он был Раисой Блох, которая нашла себе место в Институте медиевистики Берлинского университета, и Михаилом Горлиным, которому едва исполнилось восемнадцать лет, когда кружок впервые собрался в 1928 году. Позже оба как евреи стали жертвами нацистского террора: Раиса Блох погибла во время Второй мировой войны в концлагере Освенцим, Михаил Горлин был прибит в одной из силезских шахт[82].

Во встречах «Клуба поэтов» регулярно принимал участие и Николай Эльяшов, который тогда жил на Гогенцоллерндамм 276. По-видимому, он был родственником либерального политика-эмигранта Эльяшова, который получил огнестрельные ранения во время покушения в Берлинской филармонии, жертвой которого стал отец Набокова[83]. Эльяшов посвятил несколько стихотворений Берлину, в том числе одно — Фербеллинерплац[84]. С этим лириком связан один из анекдотов того времени, который еще раз демонстрирует остроумно-наглые черты в характере Набокова. Набоков, очевидно, считал себя уже мэтром в кругу более или менее дилетантствующих молодых поэтов и охотно насмешничал над стихами своих коллег. Однажды, когда Эльяшов читал свои стихи, в которых была строчка «И лошадь падает назад», Набоков прервал его и спросил, как пишется последнее слово — вместе или раздельно. Не дожидаясь ответа смутившегося Эльяшова, он добавил: «Впрочем, мысль остается той же»[85].

Подобными выходками Набоков конечно же отталкивал от себя. Раиса Блох писала с намеком на его псевдоним (Сирин это волшебная птица из русских сказок): «Меня немного смущает присутствие в нашем обществе некой враждебно настроенной птицы. […] Но я решила быть объективной. Эта птица все-таки поэт»[86].

Денежные заботы

В октябре 1931 года вышел последний номер «Руля», бывшего рупором молодых авторов. С этого времени поэтический кружок действовал почти тайно. Так как читатели все больше разъезжались по разным странам, газета много лет испытывала большие трудности со сбытом. Издательство «Ульштейн» в 1924 году по политическим мотивам, а также по финансовым соображениям отделилось от газеты, уплатив компенсацию в пятьдесят тысяч рейхсмарок. С одной стороны, эмигрантские организации не оправдали ожиданий немецких кредиторов, с другой стороны, после того как десятки тысяч русских покинули

немецкую столицу, печатание газеты стало делом дефицитным. Редакция газеты покинула тогда здание издательства «Ульштейн» на Кохштрассе 22 и переехало в тесную трехкомнатную квартиру на параллельной ей Циммерштрассе в доме 7–8.

Редакция «Руля» все чаще становилась объектом вылазок как правых, так и левых экстремистов. Рабочие помещения неоднократно подвергались опустошениям — один раз немецкими коммунистами, много раз русскими националистами. Сторонники царя избили главного редактора Гессена. Для них «Руль» был «паршивым еврейским притоном». По ходатайству немецких главных редакторов газет, у которых Гессен пользовался большим уважением, власти приставили к нему полицейскую охрану[87].

Пока существовала газета, Набоков печатал там не только свои рассказы и стихи, но и объявления, например, следующего содержания: «В. В. Набоков-Сирин дает уроки английского и французского языка». Материальное положение Набокова было таким трудным, что ему много раз выплачивались пособия русского комитета помощи писателям. 22 июня 1928 года он подтверждает получение семидесяти пяти, а 17 июня 1931 года пятидесяти рейхсмарок[88]. Набоков и сам участвовал своими лекциями и поэтическими выступлениями в благотворительных вечерах в пользу других нуждающихся эмигрантов, к которым удавалось привлечь и берлинскую знатную публику. Так, главная редакция принадлежавшей Ульштейну газеты «Фоссише цайтунг» устроила концерт-бенефис, на котором исполнял собственные произведения уже известный тогда композитор Сергей Прокофьев[89].

Несмотря на все денежные трудности, Набоковы пока что были настроены оставаться в Германии. Они приобрели небольшой красиво расположенный земельный участок на берегу Циестзее недалеко от Кенигс Вустерхаузена к юго-востоку от Берлина. Из-за того что они неоднократно оказывались не в состоянии своевременно вносить за участок положенные платежи, им пришлось через некоторое время вернуть его владельцу.

Набоков немного вносил тогда в семейный бюджет. Кормильцем семьи была Вера. Она работала во французском посольстве, в берлинской адвокатской фирме и брала много разовых работ — от переводов до сопровождения экскурсий американских туристов по городу.

Начало коричневого террора

Представляясь в немецких фирмах, Вера Набокова начиная с 1933 года указывала, что она еврейка, даже если ее не спрашивали об этом. Немецких работодателей поначалу не смущало, что она еврейка, как она сама писала позже об этом[90].

Как и ее либерально настроенный муж, Вера Набокова внимательно следила за возникновением национал-социализма. Сначала у обоих было такое чувство, что изменения в Германии их лично не могут затронуть. Создается впечатление, что Набоков в эти годы еще недооценивал политическую опасность. Так, он временами звонил своему другу Георгию Гессену, сыну соучредителя «Руля», и шутил: «Когда в следующий раз собирается наша коммунистическая ячейка?»[91]

Семья Гессенов покинула Берлин в 1933 году как и многие другие представители еврейской интеллигенции в русской эмигрантской среде. Владимир и Вера Набоковы пока что отвергали уговоры друзей и знакомых, покидавших Германию, как преувеличения. Набоковы проигнорировали регистрацию в Берлине профашистского союза младоруссов, который в листовке под заглавием «Ко всем русским в Германии» провозглашал:

> «Мы являемся свидетелями событий огромного исторического значения. Против Немецкой Национальной Революции, которая разбила коммунистическую опасность в центральной Европе и несомое ей вырождение германской нации, сегодня во всемирном масштабе ведется планомерная кампания лжи и клеветы. […] Мы, русские в Германии, не можем и не имеем права быть пассивными наблюдателями этой борьбы, которая является звеном в борьбе двух миров»[92].

Месяц спустя двадцать восемь эмигрантских организаций направили Адольфу Гитлеру адрес с заверениями в своей преданности. В этом послании говорится:

> «К Вам, признанному и мужественному вождю пробудившейся национально Германии, обращаемся мы, объединенные национальные союзы русского эмигрантства на немецкой земле, с выражением глубоко волнующих нас чувств. Долгие годы взывает к небесам мученичество нашего совращенного и эксплуатируемого большевиками народа. Долгие годы видели мы надвигавшийся на Германию красный поток и пытались предупредить немецкое общественное мнение. Мы хорошо знаем этого врага, с которым, самозабвенно любя

> отечество, сражаетесь Вы, господин рейхсканцлер, и от которого Вы хотите освободить немецкий народ. […] Ведите Германию к духовному обновлению, которого желаем и мы для нашего народа. И пусть наши народы не погибнут в служении мамоне и большевизме, а будут избавлены от них и взаимно — духовно и братски — найдут друг друга»[93].

Некоторое время спустя Набоков сам подвергся нападению группы земляков, которые возлагали надежды на Гитлера и восторженно приветствовали будущего диктатора.

Последние прибежища

Оглядываясь назад, Набоков не мог дать убедительного объяснения, почему он в противоположность многим русским эмигрантам и немецким либералам, социалдемократам и коммунистам не покинул вместе с женой Германию в 1933 году. В качестве аргумента он повторял одно: «Мы были ленивы. Симпатично ленива моя жена, отвратительно ленив я. Мы привыкли к одному месту и просто оставались там»[94].

Одной русской журналистке он доверительно рассказывал в начале гитлеровских времен, что у него не было никаких денег на переезд за границу. Кроме того, для него и его жены как обладателей нансеновского паспорта, того, что Лига Наций выдавала беженцам, закрыты все границы для переезда в другую страну[95]. Для получения вида на жительство в одной из соседних стран необходимо было представить одобренное властями трудовое соглашение — для Набокова было ужасным даже представление о постоянной работе в каком-то бюро.

В конце 1933 года первым из русских получил Нобелевскую премию в области литературы хорошо знакомый с Набоковыми Иван Бунин. То, что премией был отмечен консервативный Бунин, а не социальный критик Максим Горький, вызвало резкие протесты левой интеллигенции. Во Франции протестовал Луи Арагон; немецкий сатирик Курт Тухольский, за несколько месяцев до этого эмигрировавший в связи с захватом власти нацистами, откомментировал решение Нобелевского комитета в пользу эмигранта- дворянина против советского гражданина пролетарского происхождения словами: «Отвратительно глупо». Томас Манн, который тоже бежал от национал-социалистского режима, наоборот оценивал творчество Бунина чрезвычайно высоко.

Почти все эмигрантские организации пытались использовать Бунина в своих интересах. Поэтому устроенные в его честь торжества в Берлине, где он после вручения премии сделал остановку по пути из Стокгольма к месту жительства в Париже, не обошлись без недовольных голосов. Главными ораторами должны были выступать Гессен и Набоков. С тем, что «еврей и полуеврей» (последнее обозначение относилось к Набокову, который был женат на еврейке) собираются чествовать русского, да еще происходящего из дворянского рода, националисты не могли примириться. Во время торжества на сцену поднялся некий русский журналист, исповедовавший национал-социализм, и запел хвалу Гитлеру[96].

На второй год нацистского господства, на девятый год их супружества, 10 мая 1934 года Вера Набокова родила в маленькой частной клинике неподалеку от Баварской площади сына Дмитрия. Рождение сына отвлекло Набоковых от политики. Они жили в своем собственном, почти герметично закупоренном мире. Набоков почти не выходил за границы своего квартала. Он писал и нянчил сына. Он был домохозяином. В любую погоду он ходил гулять с Дмитрием и благодаря этому основательно изучил парковые насаждения Вильмерсдорфа и Шенеберга.

> «Нашему мальчику было около трех лет в тот ветреный день в Берлине (где конечно никто не мог избежать знакомства с вездесущим портретом фюрера), когда я с ним остановился около клумбы бледных анютиных глазок: на личике каждого цветка было темное пятно вроде кляксы усов, и по довольно глупому моему наущению, он, страшно развеселясь, что-то такое сказал об их сходстве с толпой подпрыгивающих маленьких Гитлеров»[97].

В это время Набоков начал прощупывать свои возможности во Франции. С 1933 года он регулярно ездил в Париж, публиковался исключительно в газетах и журналах парижской эмиграции. Начало нацистской кампании против евреев не укрылось от него и его жены и все больше омрачало их жизнь в Берлине. Но окончательное решение еще не было принято.

Возвращение убийц

Лишь в 1936 году, когда Набоков узнал, что нацисты взяли под свой контроль существовавшее с начала двадцатых годов Русское доверительное бюро, видимо, чтобы собирать

информацию обо всех эмигрантах, для него зазвонил тревожный набат. Гестапо получало таким образом возможность контролировать политическую благонадежность каждого отдельного русского в стране[98].

Больше всего Набокова встревожило то, что в Доверительном бюро, которое размещалось в Шарлоттенбурге на Бляйбтройштрассе 27, оба секретарских поста заняли бывшие царские офицеры Петр Шабельский-Борк и Сергей Таборицкий. Убийцы его отца, выйдя из тюрьмы, присоединились к одной из русских фашистских организаций, предложившей свои услуги нацистам в борьбе против большевиков. Первоначально гестапо отнеслось к этому с недоверием, потому что русские как славяне в соответствии с фашистской расовой идеологией не могли быть равноценными соратниками по борьбе, и кроме того нацисты опасались тайного проникновения большевиков. К тому же немецкие и русские националисты преследовали разные политические цели. Нацисты, как и немецкое командование в Первую мировую войну, хотели разбить гигантскую империю на востоке, в то время как монархисты хотели восстановить ее в прежнем великолепии.

Созданное Доверительное бюро имело прежде всего задачу контролировать эмигрантские организации. В результате были распущены многочисленные объединения, в том числе Русский академический союз, Немецко-русский клуб и молодежная организация «Скауты»[99].

Еще одним сигналом тревоги для Набокова были происшествия, о которых рассказал нобелевский лауреат Иван Бунин. После своего посещения Берлина на пути в Париж он был снят с поезда немецкими пограничниками и подвергся насильственным действиям. Его без всяких оснований заподозрили в том, что он контрабандой везет алмазы. Шестидесятишестилетнего старика заставили пить касторку, раздеться догола и опорожниться в ведро[100].

После политического возвышения Шабельского-Борка и Таборицкого а также истории с Буниным Набоков стал энергично готовить отъезд. К тому же Вера Набокова как неарийка незадолго до этого потеряла работу. Ее муж писал многочисленные письма во Францию и США, в которых просил знакомых и знакомых знакомых помочь ему найти место работы. В одном из писем говорится:

> «Мое положение стало настолько трудным, что я готов взяться за любую работу. Мои доходы как литератора ничтожны. На них я не смог бы прожить даже

один, а у меня жена и ребенок. […] Одним словом, мое положение отчаянно»[101].

Бег в этапах

Хотя письма с просьбами не приносили успеха, удержать Набокова от отъезда уже было невозможно. С туристической визой он покинул Берлин 18 января 1937 года для авторских чтений в Брюсселе, Париже и Лондоне. С Верой он договорился, что встретит ее позже в богемском Мариенбаде. В мае они встретились в Чехословакии. Он, однако, не собирался поселяться в Праге, где в скромных условиях жили мать и сестра Елена, хотя тамошнее правительство до сих пор поддерживало эмигрантов. Он выбрал Францию. Эта страна казалась ему надежнее.

Через несколько месяцев после переезда в Париж Набоковы узнали, что Доверительное бюро в Берлине получило от гестапо указание сообщить адреса всех русских евреев, которые затем должны были быть арестованы или высланы[102]. Однако немцы, от которых Набокову с семьей удалось бежать в последнюю минуту, чуть не настигли его снова в 1940 году в Париже в облике вермахта. Еще до вторжения немцев во Францию Набоков хлопотал о визе на въезд в США. Французские власти отказали ему в разрешении на получение работы, ему грозила мобилизация в иностранный легион французской армии. Через старого друга своего отца, который работал в организации помощи евреям, ему удалось после бесчисленных хождений по бюрократическим инстанциям переправиться на пароходе в Америку. Всего лишь за несколько дней до оккупации Парижа Набоковы покинули Европу. Приобрести билеты на пароход помог композитор Сергей Рахманинов, который телеграфом перевел 250 франков. Рахманинов, через знакомых узнавший о бедственном положении писателя, лично не был знаком с Набоковым, но он был большой поклонник произведений Сирина[103].

Новое начало в Новом Свете

Переезд в США обозначил решительный поворот в писательской работе Набокова. Отныне он все свои рассказы писал на английском языке. Русскому были отведены те немногие стихотворения, которые он еще сочинял.

Полтора десятилетия спустя после бегства через Атлантику и

прибытия в Нью-Йорк совершенно безденежного иммигранта Набоков благодаря скандалу вокруг «Лолиты» стал знаменитым и состоятельным человеком. Его сын Дмитрий, родившийся в Берлине, рос американским гражданином, однако родители следили за тем, чтобы он в совершенстве владел двумя языками. Благодаря этому, уже будучи взрослым, он смог стать переводчиком, посредником и хранителем произведений своего отца. До этого он сначала изучал юриспруденцию, пытался стать автогонщиком и даже оперным певцом, последнее не без успеха. Он пел басовые партии во многих оперных театрах Италии. На его премьеру в «Богеме» Джакомо Пуччини в провинциальный город Реджо приезжали даже его родители. Пресса тогда уделила ему как сыну знаменитого писателя очень большое внимание. На тенора, который тоже дебютировал в этом же спектакле, почти никто не обратил внимания. Это был Лучано Паваротти.

Став финансово независимыми, Набоковы в начале шестидесятых годов вернулись в Старый Свет. Они поселились в апартаментах гостиницы швейцарского курорта Монтрё на берегу Женевского озера. Пути в Германию, в Берлин, где Набоков прожил пятнадцать лет, он уже больше никогда не нашел.

Глава IV
АГЕНТЫ И АГИТАТОРЫ

Когда Владимир Набоков в 1922 году поселился в Берлине, немецкая столица была настоящим притоном для агентов, информаторов и нелегалов всякого рода. Большевистское правительство в Москве, стабилизировавшееся благодаря победе в гражданской войне, поставило задачу выявить русские эмигрантские организации, которые на немецкой земле готовят свержение новых власть имущих. Кроме того, вожди большевиков делали ставку на немецкую революцию, которую они поддерживали в меру своих сил. Так эмигранты и большевики следили друг за другом, пытались проникнуть в интересующие организации и привлечь на свою сторону немецкие официальные органы и организации. Обе стороны не останавливались перед актами насилия. То есть они пытались, хотя и другими средствами, на немецкой земле продолжать русскую Гражданскую войну. Красные против белых. Немецкая тайная полиция имела задание следить за обеими сторонами с тем, чтобы не допускать кровавых стычек между ними.

Московская сеть в Берлине

Московское руководство засылало тогда сотни агентов в Берлин. По сокращенному названию новой тайной полиции, которая официально именовалась Чрезвычайной комиссией (ЧК), их называли чекистами. Это название сохранялось за ними и после неоднократных переименований этой службы: ГПУ и ОГПУ в двадцатые годы, НКВД во времена «большой чистки» тридцатых годов, после этого НКГБ, МГБ и наконец КГБ. Русские эмигранты в Берлине, разумеется, знали это, как знали они и о той организации, которая скрывалась за безобидно звучащим названием «политическое управление». В одном из кроссвордов Владимира Набокова, составленных для ежедневной газеты «Руль», столь же безобидно задается вопрос об этом сокращении как «названии некой организации»[104]. И в берлинском романе Набокова «Дар» мы встречаемся с агентами ГПУ — «наганно-кожаные личности с револьверами», которые одновременно и борются со своими политическими противниками, и обворовывают их[105]. Советское посольство в Берлине превратилось в зарубежную резидентуру чекистов.

Вожди партии Владимир Ленин, Лев Троцкий и Карл Радек, которые все отлично владели немецким языком, были едины в том, что взятие власти «немецким пролетариатом» является предпосылкой победоносного шествия коммунизма. «Без немецкой революции не может быть мировой революции», — гласил их лозунг. Ленин был поклонником немецкого организационного таланта. Образцом идеальной государственной организации была для него имперская почта. По ее образцу следовало бы строить и советский государственный аппарат, писал он тогда. Этот пассаж, как и другие хвалебные гимны немецкому пролетариату, был впоследствии вычеркнут из его произведений цензурой.

Эта «немецкая революция» должна была состояться в 1923 году. Карл Радек как знаток Германии лично следил за приготовлениями. Советский агент, который позже перебежал на Запад, подробно описал свое задание:

> «Мы, советские офицеры, планомерно создавали немецкие коммунистические военные формирования, которые должны были стать основой так и не возникшей немецкой Красной Армии, сводя их в сотни. […] Мы организовали технический штаб из опытных специалистов: офицеров-пулеметчиков и офицеров-артиллеристов, ядро авиационного формирования и службу связи»[106].

Часть агентов должна была наблюдать и контролировать эмигрантские круги. Эмигранты-политики постоянно предупреждали в своих призывах о посланцах Москвы, которые выступали под маской антисоветски настроенных эмигрантов и тем самым разжигали взаимные подозрения. Другой перебежчик сообщал, что в советском посольстве в Берлине велись досье примерно на тысячу четыреста эмигрантов — число, подтверждаемое оценками немецкой государственной безопасности[107]. Следовательно, в Берлине действовал огромный аппарат шпионажа. В Советском торговом представительстве работали временами до тысячи двухсот сотрудников, многие из них действовали как политические агитаторы или агенты[108].

Жизненные обстоятельства эмигрантов в сети контроля и шпионажа со стороны эмиссаров советской России иронически отражены в рассказе Набокова «Здесь говорят по-русски». Один эмигрант рассказывает другому, что он держит в ванной комнате своей квартиры пойманного агента ГПУ. Из подробного описания обстоятельств собеседник делает вывод, что пленный

подвергается пыткам в холодной, сырой темнице и в отчаянии строит планы бегства. Но заканчивается рассказ неожиданно: человек из ГПУ хорошо устроился в теплой, удобной ванной комнате и кажется, вполне доволен жизнью — он сыт и ему больше не нужно бояться своих начальников из ГПУ.

Проникновение в прессу

В этом переплетении интриг и провокаций два либеральных политика-эмигранта Иосиф Гессен и В. Д. Набоков, отец писателя, пытались с помощью финансово сильного издательства «Ульштейн» вести свою ежедневную газету «Руль». Редакция отвергала не только возврат к царской власти, но и яростно нападала на советский режим. С самого начала газета подробно сообщала о нарушении большевиками прав человека. Как влиятельные противники советского режима, В. Д. Набоков и Гессен несомненно на каждом шагу подвергались слежке со стороны советской внешней разведки.

Советское руководство предпринимало в первой половине двадцатых годов большие усилия, чтобы взять под контроль или хотя бы под свое влияние эмигрантскую прессу и книжные издательства. В издательствах и организациях эмигрировавших журналистов и писателей вербовались информаторы. Предполагается, что неоднократно предпринимались попытки проникнуть в «Руль». Неоднократно сотрудники редакции подозревались в том, что они являются информаторами спецслужб Москвы, но никого ни разу уличить не удалось[109]. Одним придаточным предложением Набоков воссоздает в «Даре» эту атмосферу подозрений: писателя-эмигранта другие литераторы называют «чекистом»[110].

На советские деньги были основаны многие издательства в Берлине, другие Москва приобрела через подставных лиц. Своими публикациями, которые эти издательства не имели права продавать на отечественном рынке, они должны были размягчать эмигрантские круги. Ленин и Троцкий лично заботились о том, чтобы были изданы соответствующие предписания для пограничных властей и советской почты[111].

Когда критически настроенные по отношению к Советскому Союзу редакции не удавалось купить или завербовать в них своих людей, им по крайней мере мешали изо всех сил, наносили материальный ущерб, старались дискредитировать. Так, однажды в редакционные помещения «Руля» ворвалась мобильная команда немецких коммунистов и устроила в них погром. По мнению

главного редактора Гессена, руководство этой акцией осуществлялось из советского посольства в Берлине[112].

Из-за сильно возросших в связи с денежной реформой цен на бумагу и типографские услуги многие антисоветские издательства вынуждены были объявить в 1923 году о своем банкротстве. Трудности многих издательств усиливались еще и потому, что не выкупались крупные заказы. Уже тогда в эмигрантских кругах шли спекулятивные разговоры о том, что эти заказы были сделаны марионетками Москвы, чтобы разорить нелюбимые издательства. В Кремле с большим удовлетворением следили за падением конъюнктуры эмигрантских издательств[113].

ГПУ завело дела на каждую редакцию и каждого редактора эмигрантской прессы. В одном из докладов о руководимом В. Д. Набоковым и Гессеном издательстве говорится: «Это издательство крайне непримиримо и ведет систематическую травлю наших людей»[114]. И молодой Набоков тоже обратил на себя внимание информатора советского посольства как противник большевиков, в том числе и тем, что вышел из кружка писателей «Веретено» после того, как его правление пригласило выступить просоветского писателя Алексея Толстого. По той же причине прекратил свое сотрудничество с литературным альманахом «Веретено» и живущий в Париже Иван Бунин[115].

Полезные идиоты и троянский конь

В качестве конкурента «Рулю» в 1922 году в Берлине была основана русская ежедневная газета «Накануне». Так как она в своих передовицах постоянно выступала за признание «политической реальности» и тем самым за признание советского режима, многие политики эмиграции высказывали подозрение, что газета финансируется из Москвы. И либералы и монархисты называли ее «троянским конем Москвы» в кругу эмигрантов. Десятилетия оставалось неясным, кто стоял за этой газетой. Лишь после временного открытия советских архивов в начале девяностых годов стало возможным ответить на этот вопрос. Москва действительно финансировала «Накануне», чтобы умягчить и расколоть круги эмиграции. Об этом позаботился лично генсек Сталин[116].

Комментаторы «Накануне» снова и снова подчеркивали, будто они сами пришли к выводу, что надо возвращаться в Россию, чтобы восстанавливать страну — вместе с большевиками, которые на самом деле большие патриоты. Иными словами, они

энергично вели вербовку среди эмигрантов, желающих вернуться на родину. Таким образом, «Накануне» стала рупором движения смены вех. Это понятие включало в себя изменение собственных позиций на диаметрально противоположные: переход от отрицания нового режима в России к готовности вместе с ним вести любимую отчизну к новому величию.

В Москве точно знали, что с «Накануне» сотрудничают не только те, кто симпатизирует режиму, но и болезненно тоскующие по дому эмигранты, которые не участвовали в политической борьбе, а просто хотели вернуться на родину. Советское правительство относило их к категории попутчиков. Их активность была на пользу Москве, поэтому они рассматривались как временные попутчики. Сопровождавшаяся громкой пропагандистской кампанией акция за возвращение на родину уже в 1924 году была снова приостановлена, так как она оказалась в сущности малоэффективной[117].

Как и большинство эмигрантов, Набоков считал сторонников новой ориентации на Москву либо мечтателями, либо оппортунистами. Набоков не скрывал своей позиции во время общественных собраний и потому подвергался нападкам со стороны «Накануне»:

> «Поэт без творческого огня, который не нашел и не знает истинного мира, который не страдает и отталкивает от себя всяческое страдание, — вовсе не поэт, а всего лишь стихоплет»[118].

Скепсис Набокова, как и многих других эмигрантов, по отношению к одобрителям политического прощения большевикам оказался между тем оправданным. Во время сталинских чисток тридцатых годов почти все вожди движения смены вех были расстреляны. Сталину было достаточно, что они слишком многого насмотрелись на Западе. Они действительно были «полезными идиотами», которые, сделав свое дело, были больше не нужны.

Так как Толстой демонстративно занимал просоветские позиции, молодой Набоков обходил его стороной. Как-то в одном из берлинских ресторанов он сидел на расстоянии одного столика от Толстого, который оживленно разговаривал с поэтом и публицистом Андреем Белым. Поскольку и Белый, тогда один из известнейших русских писателей, в то время тоже публично призывал понять Октябрьскую революцию, Набоков не попрощавшись покинул ресторан, хотя он лично знал обоих[119]. Разговоры с просоветскими авторами Ильей Эренбургом и Виктором Шкловским он категорически отвергал.

Мечты о белой освободительной борьбе

В то время как агенты Москвы из Берлина планировали коммунистический переворот в Германии, русские эмигранты в конспиративных кружках разрабатывали сценарии свержения советского режима в России. Белая освободительная борьба должна была начаться с акций террора и саботажа в Советском Союзе, которые должны были быть осуществлены засланными борцами. Прежде всего, бежавшие в эмиграцию генералы разбитой белой армии надеялись на то, что можно таким путем дестабилизировать систему.

В тайных кружках обсуждался, например, вопрос, нельзя ли начинить нитроглицерином стол для совещаний Совета народных комиссаров, то есть правительства в Москве. Тогда любой удар кулаком по столу вызвал бы взрыв. Или спрятать заряды взрывчатки в Большом театре, где должен был проходить предстоящий партсъезд коммунистов, а потом во время съезда сбросить с самолета бомбу, которая вызовет детонацию зарядов[120]. Но так как ЧК почти во все кружки внедрила своих агентов, все эти террористические акции были раскрыты еще в начальной стадии.

Планы саботажа вынашивал также эмигрировавший писатель и откровенный противник советской власти Борис Савинков, который еще в царские времена пропагандировал в своих книгах террор как средство политики. Савинков стал опасным для большевиков, так как он начал создавать в Германии террористическую группу, которая должна была совершить покушения на ведущих представителей советской системы. Так, он организовал пристальную слежку за советской делегацией, размещавшейся в гостинице «Кайзерхоф». Кавалькада машин делегации проезжала ежедневно по Моммзенштрассе, поэтому Савинков и его сподвижники сняли там комнату. Но в тот день, когда они туда вселились, делегация вернулась в Москву[121]. Чекисты в Берлине имели задание своевременно узнавать о подобных планах. Поэтому связные ГПУ сами предлагали террористические акты, чтобы затем сообщить в советское посольство об их времени и месте. Таким образом попал в ловушку и Савинков. Агентам Москвы в Берлине удалось убедить его, что в Советском Союзе существует сильное подпольное движение, которое избрало его своим предводителем. После нелегального перехода границы он был арестован на советской территории. В следственной тюрьме в Москве он умер при невыясненных обстоятельствах.

Савинков был не единственным противником большевиков,

который надеялся, что сможет способствовать гибели советского режима. В двадцатые годы десятки эмигрантов нелегально переходили границу, чтобы вступить в борьбу против большевиков — безнадежное предприятие. Набоков обработал эту тему литературно. Герой его романа «Подвиг» возвращается в советскую Россию, чтобы совершить там героический подвиг. Ту же цель преследует и главный герой его драмы «Человек из СССР», действие которой происходит в Берлине. Уже в первом романе «Машенька» ведутся разговоры о подобных планах. В неком берлинском пансионе эмигрант рассказывает, что раньше он планировал создать партизанский отряд. Он должен был пробиться до Петрограда, чтобы там поднять восстание против большевиков.

В планировании одного покушения принимала участие и юная Вера Слоним, ставшая впоследствии женой Набокова. Целью его был не кто иной, как Троцкий. Но до дела здесь не дошло — поездка Троцкого в немецкую столицу в намеченный срок не состоялась[122].

Под надзором тайной полиции

Действия эмиссаров Москвы и их помощников не могли быть безразличными для немецких властей. С недоверием наблюдали пришедшие к власти социал-демократы в Берлине то, как большевики преследуют в России их товарищей по убеждениям. Их партнером, с которым они поддерживали контакты, был бежавший в эмиграцию последний премьер-министр Временного правительства социал-демократ Александр Керенский. В Берлине Керенский работал ответственным редактором недолго просуществовавшей эмигрантской газеты «Дни», позже — в центральном органе СПГ газете «Форвертс», для которой он на немецком языке писал комментарии к репортажам о развитии событий в Москве. Компетентно проинформированное и своими дипломатами, германское правительство дало указание своим органам государственной безопасности самым пристальным образом наблюдать за представителями Москвы в Берлине. Кроме того, оно интересовалось эмигрантскими организациями, в особенности после заключения рапалльского договора с советским правительством в 1922 году.

Немецкая политическая полиция старалась внедрить своих людей как в эмигрантские организации, так и в кружки симпатизирующих Москве. К ним принадлежало «Общество друзей новой России», в котором регулярно встречались

влиятельные немецкие политики, важные представители советской России. Здесь собирались как знаменитые личности, которые восхищались динамикой советского строительства, так и противники большевизма; среди них был и Томас Манн, видевший в этом обществе форум взаимопонимания между народами. Это делало общество весьма интересным как для агентов Москвы, так и для немецкой контрразведки.

В берлинском полицай-президиуме были заведены досье на всех ведущих деятелей эмиграции. В самом начале списка лиц, подвергшихся наблюдению, стояли имена политиков и публицистов Гессена и В. Д. Набокова. Позже к ним прибавилось имя молодого писателя Владимира Набокова[123]. При организации контроля за эмигрантскими организациями руководство берлинского полицай-президиума зависело от готовности к сотрудничеству тех эмигрантов, которых оно оплачивало как связных. Многие играли при этом свою игру и специализировались на подделках или сами сочиняли документы, которые выдавали немецким властям за секретные материалы из советского посольства и таким образом обеспечивали себе регулярный доход. Так как интерес к Советскому Союзу был огромен, а страна становилась все более закрытой, конъюнктура для изготовителей фальшивок была чрезвычайно благоприятной. К этому добавлялись поддельные материалы из мастерских ЧК, которые предназначались для того, чтобы направить по ложному следу как немцев, гак и антикоммунистическую эмиграцию[124].

В 1927 году провалилась одна из московских сетей агентов и двойных агентов. Стало известно, что разведывательный центр под кодовым названием «Трест» заслал свою агентуру почти во все организации русских эмигрантов. Другая сеть советских агентов в Берлине 20-х годов носила служебное название «Синдикат-2». Ее не смогли раскрыть, и она оставалась неизвестной, пока семь десятилетий спустя русское телевидение не показало документальный фильм на эту тему. О масштабах проникновения агентов в русскую колонию эмигрантов можно только фантазировать. Документы советских секретных служб еще под замком, в берлинских архивах имеются лишь немногочисленные материалы, содержащие оценку положения немецкими органами государственной безопасности[125].

Курский соловей

В одну из сетей московских агентов входили легендарная исполнительница народных песен, «курский соловей» Надежда

Плевицкая и ее муж Николай Скоблин, генерал белой армии во время Гражданской войны. Оба они в начале тридцатых годов были завербованы в Берлине ЧК[126]. В новом центре эмиграции, в Париже, они в 1930 и 1937 годах участвовали в похищении двух царских генералов, которые руководили тайной антисоветской организацией и разрабатывали сценарии свержения режима Сталина. Скоблин занимал пост начальника контрразведки этой организации. Он должен был выявлять советских агентов, но был советским агентом сам. Скоблин занимался шпионажем не только в пользу коммунистов в Москве, но и сотрудничал с нацистами в Берлине. Кроме того, он получал деньги как связной бельгийской контрразведки. Таким образом, он был четырехкратным агентом-перевертышем. Когда раскрылась его роль в исчезновении двух белых генералов, он подался в Советский Союз. Там в конце тридцатых годов его следы теряются. Можно предположить, что он был расстрелян как человек, слишком много знавший о закулисных делах[127].

Надежда Плевицкая не смогла своевременно исчезнуть из Парижа. Она была арестована и умерла во время Второй мировой войны в одной из французских тюрем. Когда она была разоблачена как агент, вся эмигрантская община испытала шок. Певица была знаменитостью и до революции выступала с песнями даже перед царем Николаем.

Набоков посвятил судьбе актрисы, которая из любви к мужу попала в сеть агентуры, свой рассказ «Помощник режиссера». Не исключено, что она как сотрудница советского аппарата шпионажа передавала информацию и о Набокове, ведь она подробнейшим образом расспрашивала об эмигрантской колонии молодого писателя Ивана Лукаша, друга Набокова[128].

Об агентах и муравьях

Политическая позиция Набокова отражается скорее в его произведениях, чем в открытых политических действиях, однако он брал слово и на политических собраниях и атаковал советский режим. По случаю десятой годовщины Октябрьской революции он перед несколькими сотнями слушателей выступил с докладом, который был перепечатан в «Руле». Резкими словами он нападал на советскую систему:

> «Десять лет презрения. Я презираю не человека, не рабочего Сидорова, честного члена какого-нибудь Ком-пом-дом, а ту уродливую тупую идейку, которая

превращает русских простаков в коммунистических простофиль, которая из людей делает муравьев, новую разновидность formica marxi var. lenini. Я презираю коммунистическую веру, как идею низкого равенства, как скучную страницу в праздничной истории человечества, как отрицание земных и неземных красот, как нечто, глупо посягающее на мое свободное я, как поощрительницу невежества, тупости и самодовольства».

Набоков призвал своих соотечественников не проклинать своего существования в эмиграции.

> «И заодно мы празднуем десять лет свободы. Такой свободы, какую знаем мы, не знал, быть может, ни один народ. В той особенной России, которая невидимо нас окружает, живит и держит нас, пропитывает душу, окрашивает сны, — нет ни одного закона, кроме закона любви к ней, и нет власти, кроме нашей собственной совести»[129].

Набоков не ограничился этой речью. Несколько позже он выступил на собрании в кафе «Леон» по случаю десятой годовщины создания Белой армии, которая намеревалась изгнать большевиков из Москвы[130]. Долгие годы он сторонился кружков бывших белых офицеров прежде всего потому, что из их рядов вышли убийцы его отца. Приняв участие в этом мероприятии, он выполнил заповедь своего отца, который еще за несколько часов до смерти выступил с призывом к эмигрантам прекратить свои позиционные политические сражения и отодвинуть назад личные распри, чтобы сконцентрироваться на великой цели — свержении большевистского руководства[131].

Вербовщики из Москвы

Не все руководители агентов были убеждены в либеральной позиции Набокова, многие питали иллюзии, что смогут привлечь его на свою сторону, может быть, даже побудить к возвращению на родину. Это было бы ударом по непримиримым противникам Советского Союза за рубежом и великолепным пропагандистским успехом, если бы сын известного политика эмиграции признал советский режим. Приглашение отдельных видных эмигрантов к возвращению в Россию с самого начала было составной частью пропагандистской политики Москвы. Максим Горький поддался этим ухаживаниям, так же как и композитор Сергей

Прокофьев[132].

Но Набокова никогда не занимали мысли о предлагавшемся ему возвращении на родину. Два доклада документируют неудавшиеся попытки контактов со стороны посланцев Москвы в Берлине. Первый принадлежит самому Набокову. По его словам, в декабре 1931 года коммунистический писатель «Тарасов-такой-то» (речь идет об Александре Тарасове-Родионове) оставил в русской книжной лавке, в которой регулярно рылся в книгах Набоков, записку с просьбой о встрече. Из любопытства Набоков явился на предложенное место встречи в одном из берлинских кафе. Тарасов-Родионов расписывал ему преимущества жизни в Советском Союзе и пытался склонить его к возвращению в Москву. Например, говорил, что церковные общины процветают и сам он часто посещает богослужения. На вопрос, возможен ли новый выезд из страны, он сказал, что такого желания даже и не возникнет. А на вопрос, будет ли у него такая же свобода творчества, как в эмиграции, Тарасов-Родионов ответил: «Мы гарантируем вам самую лучшую свободу, которая только существует — свободу в рамках коммунистической партии». На возражение Набокова, что при таких условиях ни один художник добровольно не вернется назад, человек из Москвы воскликнул торжествующе: «Неверно, я только что говорил с Прокофьевым — он возвращается!» Разговор был прерван русским эмигрантом, продававшим шнурки для ботинок. Тарасов-Родионов, видимо, принял его за шпиона эмигрантской организации и бежал из кафе[133].

Композитор Сергей Прокофьев действительно отправился в обратный путь. Говорят, что в своем багаже он вез множество книг уже запрещенного в Советском Союзе автора Сирина[134]. Однако вскоре после его возвращения в Москву на него стали давить советские бюрократы от культуры. Сталину не нравилась музыка Прокофьева. Но композитор пережил режим сталинского террора, в то время как Тарасов-Родионов был расстрелян во время «больших чисток» в Советском Союзе.

О второй попытке вербовки сам Набоков никогда не упоминал. Соответствующий отчет принадлежит кинорежиссеру и продюсеру Гезе фон Чиффре, работавшему в двадцатые годы в Берлине в качестве журналиста. Он тогда брал у Набокова уроки английского языка и игры в теннис. По словам Чиффры, занятия языком проходили в ресторане «Аллаверди», где регулярно ужинал Набоков. Это не осталось незамеченным советским посольством. За Набоковым, очевидно, пристально следили, в том числе и само партийное руководство. Приехавший из Москвы видный деятель компартии Карл Радек во время интервью в

гостинице «Адлон» просил журналиста организовать его встречу с Набоковым. Чиффра отказался. Тогда Радек со своим сопровождением в ресторане «Аллаверди» сам двинулся к Набокову. «Владимир вскочил и спешно покинул ресторан, как будто он увидел черта»[135].

Была ли в действительности такая встреча, точно неизвестно. Согласно Чиффре, этот случай произошел в 1924 году, когда Набоков ввиду своего бедственного финансового положения едва ли мог позволить себе каждый вечер ужинать в дорогом ресторане «Аллаверди». В опубликованных сегодня материалах о пребывании Радека в Германии нет никаких указаний на подобную встречу.

Набоков испытывал в те годы буквально «физическую ненависть» к коммунистам. По словам Чиффры, он резко критиковал его за то, что тот временами сидел в «Романском кафе» за одним столиком с Ильей Эренбургом[136]. Набоков действительно никогда не скрывал своей неприязни к предполагаемому информатору ЧК Эренбургу.

Уже в первые недели после окончания Первой мировой войны Радек получил от Ленина задание организовать в Германии коммунистическое восстание. Но предприятие сорвалось. Радек был арестован немецкой полицией в квартире на втором этаже дома 93 по Паульсборнерштрассе в Берлине-Вильмерсдорфе. До декабря 1919 года его содержали в берлинской тюрьме Моабит. Комфортабельный арест: Радеку разрешено было принимать неограниченное число посетителей, не только немецких коммунистов, но и политиков из других партий, которые видели в нем представителя советского руководства и никоим образом не просто политического авантюриста[137]. Таких условий у Радека уже не было во время его ареста два десятилетия спустя: он был осужден во время московских показательных процессов на десять лет заключения и погиб в ГУЛАГе, видимо, от рук убийцы.

Уроки для просоветских мечтателей

В то время как писатель Набоков категорически отвергал агитационную литературу как примитив, публицист Набоков десятикратно подчеркивал свою позицию, особенно в разговорах с иностранными собеседниками: «Большевизм представляет собой лишь брутальную, законченную разновидность варварского гнета»[138]. Он постоянно шел на конфронтацию с западными интеллектуалами, которые восторгались Советским Союзом. Один из симпатизировавших Ленину британских ученых, с

которым Набоков неоднократно дискутировал в двадцатые годы, был для него просто наивным человеком, ибо «ему никогда не приходило в голову, что если бы он и другие иностранные идеалисты были бы русскими в России, их бы ленинский режим истребил так же естественно, как хорьки или фермеры истребляют кроликов»[139].

Принятое на Западе разделение русских на два лагеря — красных и белых — Набоков критиковал решительно:

> «Американские интеллектуалы настолько поддались большевистской пропаганде, что полностью игнорируют существование в среде русских эмигрантов сильной либеральной мысли. („Тогда вы, значит, троцкист?“ — заявила, сияя, одна особенно ограниченная левая писательница в Нью-Йорке в 1940 году, когда я сказал, что я ни за Советы, ни за какого-нибудь царя)»[140].

По поводу советской системы Набоков на протяжении всей своей жизни высказывался исключительно жестко. Политических докладов он после своего выступления по случаю десятой годовщины захвата власти большевиками больше не делает, однако в романах и рассказах, особенно берлинского периода, наносит множество ударов по советскому режиму.

> «Я бы хотел в тридцатые годы жить в Нью-Йорке. Если бы мои русские романы были переведены тогда, они, может быть, привели бы в шок многих просоветских мечтателей и смогли бы чему-нибудь научить»[141].

В «Даре» Набоков не ограничивается только намеками на советскую действительность. Он иронически ставит под вопрос философскую надстройку, художественную доктрину и язык функционеров. Роман содержит книгу в книге — биографию писателя Николая Чернышевского, который почитался также уехавшими в эмиграцию социалистами-революционерами, но одновременно был любимым автором Ленина и потому считался в Советском Союзе пророком коммунизма. Образ Чернышевского в «Даре» следует, таким образом, рассматривать и как иронический ответ Набокова на гиперболизацию фигуры писателя советской культурной политикой.

В Берлине Набоков начал интересоваться агитационным стилем коммунистов и языком их функционеров. В романе «Защита Лужина» говорится о «вульгарном советском пропагандистском бормотании». В романе «Под знаком незаконнорожденных» для характеристики тоталитарного

режима, с которым пришлось столкнуться герою романа, он смешал заставки из нацистской пропаганды с лозунгами и формулировками советской прессы и вызвал тем самым упреки в том, что он приравнивает национал-социализм к социализму в Советском Союзе.

За рамками идеологических различий Набоков действительно показывал общие черты обоих режимов: практичную, презирающую людей, в конечном счете криминальную политику. Соответственно он высказывался и в многочисленных интервью, частных беседах и письмах. Десятки раз осуждал Набоков «пыточные застенки, забрызганные кровью стены», которые допустил Ленин[142], и выражал свое «презрение к созданному Лениным режиму зверства»[143]. Набоковская характеристика политики и учения революционера редко находила понимание многих его западных собеседников: «Еще одним парадоксом ленинизма является то, что для этих материалистов было возможным растрачивание жизней миллионов живых людей во имя гипотетических миллионов, которые когда- нибудь будут счастливы»[144].

Мечты о билете в Россию

В то время как Набоков спорил об оценке русской революции, его не оставляла мысль о возвращении на свою родину. Эта тоска отразилась во многих его стихотворениях берлинского периода. Его стихотворение «Билет» (имелся в виду билет на поезд в свободную Россию) в сопровождении иронического комментария было перепечатано в «Правде» 15 июля 1927 года. Может быть, это стало поводом для советской секретной службы, чтобы пригласить его к возвращению.

В рассказе «Посещение музея», написанном два года спустя после отъезда Набокова из Германии, герой из запутанных залов и коридоров провинциального французского музея через маленькую дверь неожиданно попадает на берег Невы в своей родной город, который теперь называется Ленинград и в котором под властью нового господина, Сталина, царит немой страх. Четыре десятилетия спустя в шуточном позднем произведении Набокова «Смотри на арлекинов» поездка в Россию также является центральным событием сюжета. Рассказчик инкогнито едет в город, к его неудовольствию названный по имени Ленина, причем снова, как в свое время в Берлине, нужно обмануть и советскую разведку, и шпиков тайных эмигрантских организаций.

В реальной жизни Набоков не был готов ехать в Советский

Союз. Соответствующие предложения в семидесятых годах он отклонял[145]. Для него было возможно возвращение только в свободную Россию, как он об этом заявил еще в стихотворении «Билет». Его неприятие «советского полицейского государства» заходило настолько далеко, что в 1962 году он отказался от участия в конгрессе писателей в Великобритании из-за того, что там как представитель Москвы должен был выступать Илья Эренбург. Он привел тот же аргумент, который приводил при всех своих отказах снова посетить Германию и особенно Берлин: «Встретишь кого-нибудь и не будешь знать, принимал ли он участие в преступлениях»[146].

Тем не менее Набоков сделал приготовления на тот случай, если на его родине эта система, а вместе с ней и жесткая цензура в один прекрасный день уйдут в прошлое. Он сам перевел свой роман «Лолита» для земляков на русский язык. С привычной иронией Набоков комментировал возможность публикации его в Советском Союзе:

> «Я уверен, что советское правительство будет счастливо поставить свой служебный штемпель на романе, который по широко распространенному мнению очень остро судит об американской системе мотелей»[147].

Однако публикация его произведений на родине началась лишь почти десять лет спустя после его смерти. Во время перестройки партийная цензура разрешила какому-то шахматному журналу перепечатать один абзац из воспоминаний Набокова, потом литературному журналу — перепечатку шахматного романа «Защита Лужина», рассказывающего историю чудаковатого шахматного гроссмейстера, который в берлинской эмиграции опутан подозрительной сетью советских шептунов, эмигрировавших барышников и немецких лакеев. Роман разрешили опубликовать, потому что его финал — самоубийство Лужина — подходил партийным пропагандистам[148] — русский в эмиграции становится несчастным, Лужин выбрасывается из окна. По логике пропаганды он может быть счастливым только в России.

Глава V
ЛЕТОПИСЕЦ РУССКОГО БЕРЛИНА

В семи из восьми романов, написанных Набоковым в Берлине, действие происходит полностью или большей частью там же. Действие восьмого, «Приглашения на казнь», происходит в безымянной стране, где правит диктатура. На это же время приходится и полсотни рассказов. Примерно в одной трети из них действие развивается на фоне Берлина. И, наконец, в набоковских стихах того времени тоже временами звучит Берлин, одно из них даже несет имя города в своем названии: «Берлинская весна». Литературные критики называли и называют писателя, который публиковался под псевдонимом Сирин, летописцем или даже певцом русского Берлина.

Метеор по темному небу

Псевдоним себе Набоков выбрал в начале берлинского периода прежде всего потому, что не хотел, чтобы его путали с отцом. Он остановился на имени Сирин, так как оно многозначно: «Сегодня Сирин это одно из русских народных названий снежной совы, наводящей страх на грызунов тундры, временами им называют нарядного филина, а в древнерусской мифологии так называлась красочная птица с женским лицом и грудью, имя ее несомненно идентично с греческой „сиреной“, божественной спутницей душ и соблазнительницей мореплавателей»[149]. Кроме того, это многозначное слово было одним из центральных понятий поэзии символистов[150]. В глазах молодого Набокова символисты Александр Блок и Андрей Белый были величайшими литераторами столетия. Со звуками слова он связывал цвета: «С — светло голубой, И — золотистый, Р — черный, а Н — желтый»[151].

Вскоре Набоков-Сирин стал признанным литератором. С некоторым налетом самоиронии он замечает:

> «Из молодых писателей, возникших уже в изгнании, он был самым одиноким и самым надменным. […] По темному небу изгнания Сирин, если воспользоваться уподоблением более консервативного толка, пронесся, как метеор, и исчез, не оставив после себя ничего, кроме смутного ощущенья тревоги»[152].

Романом «Защита Лужина» Набоков вышел за рамки всей предшествующей русской литературы. Его стиль с многократными перекрещиваниями и взаимным проникновением различных уровней памяти, с острым психологическим рисунком характеров, вызвал у Ивана Бунина, самого видного представителя эмигрантской литературы, восклицание: «Этот мальчишка выхватил пистолет и одним выстрелом уложил всех стариков, в том числе и меня»[153].

Немецкое в атмосфере произведений

«Поселяя» свою прозу в эмиграции, Набоков и тематически вступал на целину. Старшее поколение почти последовательно отказывалось литературно перерабатывать современную жизнь эмиграции. Оно парило в воспоминаниях и все больше склонялось к приукрашиванию дореволюционного времени. Например, из трех десятков рассказов, написанных Буниным вдали от родины, только два посвящены эмигрантской среде. Алексей Ремизов, автор экспериментальной прозы, отражает бытие в эмиграции тоже лишь в небольшой части поздних произведений, он предпочитает обращать свой взор в дореволюционное прошлое.

И у Набокова воспоминания тоже являются одной из важнейших тем его прозы. Но они появляются только в виде ретроспективы. Настоящее время повествования является действительной современностью двадцатых и тридцатых годов, места действия — это реальные места проживания.

Окидывая взором свое творчество, Набоков отмечает, что действие первых его восьми романов происходит полностью или частично за берлинскими кулисами[154]. «Немецкое в атмосфере произведений» — это парковые насаждения, часто отталкивающе отвратительные жилые дома, мокрый асфальт улиц, на котором по ночам отражаются огни города.

Набоков различает Берлин немцев и Берлин русской эмиграции. Главные персонажи четырех романов — «Машенька» (1926), «Защита Лужина» (1929/30), «Подвиг» (1931/32) и «Дар» (1938/39) — являются эмигрантами. Немцы в них это только периферийные фигуры: кондуктор поезда, почтальон, чиновник, это не индивидуумы, а лишь исполнители функций, которые, кажется, только для того и существуют, чтобы как можно больше осложнить жизнь эмигрантов своими формулярами и предписаниями. Многие обращают на себя внимание только своими неприятными качествами. Так, в «Защите Лужина» герой,

находящийся в эмиграции русский чемпион по шахматам, окружен немцами, которые или вечно пьяны или страдают запором.

Действие трех других романов — «Король, дама, валет» (1928), «Смех в темноте» (1932) и «Отчаяние» — происходит, наоборот, среди немцев. При создании этих трех романов Набоков, очевидно, рассчитывал на их перевод и тем самым имел в виду немецкую публику. И действительно, роман «Король, дама, валет» вскоре после появления русского оригинала в 1930 году был перепечатан в газете «Фоссише цайтунг» как роман с продолжениями. То, что Набоков сделал героями этих романов не своих земляков, часть литературных критиков эмигрантской прессы сочла неслыханно вызывающим. Они обвинили писателя в том, что он предал свою «русскую сущность»[155].

Экономно, часто лишь слегка обозначенными штрихами Набоков не только делает узнаваемым место действия, но и воссоздает его атмосферу. В «Короле, даме, валете» название города даже не упоминается. Говорится лишь, что первый слог этого названия звучит как раскат грома, в то время как второй звук вылетает легко. Тем не менее город легко узнается по рассыпанным в книге наблюдениям: здесь желтые двухэтажные автобусы, темно-зеленые такси с полосой черно-белых квадратиков и темно-синие квадраты с большим белым U, которые указывают на U-Bahn — берлинское метро. У романа не только берлинский колорит, но он содержит и городские зарисовки.

Путеводитель по Берлину

Пять любовно нарисованных берлинских картинок предстают перед нами в раннем рассказе «Путеводитель по Берлину». Название ставит его в один ряд с современными описаниями для прогулок по городу. Но рассказчик вовсе не собирается писать наставление для туристов, он скорее рассказывает слушающему с непониманием знакомому о своих наблюдениях за городскими буднями. «Путеводитель» состоит из пяти коротких зарисовок: строительная площадка с железными трубами, трамвай, зоосад, рабочий и ремесленник, пивная. Этими зарисовками Набоков создал моментальные снимки Берлина двадцатых годов, путеводитель по городским будням.

В его более поздних, американских романах и рассказах в какие-то моменты появляются проблески берлинской атмосферы. Эмигрант Пнин, герой одноименного романа, вспоминает в

американской провинции русский ресторан на Курфюрстендамм. Обе главные фигуры рассказа «Ассистент режиссера» — русский тройной агент и знаменитая исполнительница народных песен — на какой-то короткий момент изображены на Мотцштрассе. Набоков тоже жил там одно время.

У всех произведений, действие которых происходит в среде русской эмиграции, есть еще одна общая черта. Берлинские кулисы в определенной мере образуют рамку для воспоминаний о России их молодости перед Первой мировой войной и революцией. Именно это было главной темой почти всех эмигрировавших писателей, которые поначалу в литературных произведениях не затрагивали своего бытия в эмиграции. Набоков был исключением. Он был единственным значительным писателем русской эмиграции, который в своем творчестве отвел самое обширное пространство отражению жизни на чужбине.

«Дар» — большой роман о Берлине

«Дар» содержит однозначные топографические привязки. Например, говорится об изуродованной строительными работами Потсдамерплац с ее так счастливо выглядящими извозчиками и о «псевдо-парижском характере» улицы Унтер ден Линден. Поименно называются также Курфюрстендамм, Гогенцоллерндамм, Кайзераллее, Бранденбургские ворота, Виттенбергплац, Ноллендорфплац, вокзал городской электрички Гогенцоллернплац, Штеттинский вокзал, крематорий на Калишерштрассе. Упоминается Груневальд, где происходит самоубийство.

Правда, ни на одной карте Берлина того времени, когда там жил Набоков, нет улицы Агамемнонштрассе, на которой живут оба главных героя. Однако из описания непосредственного окружения этой улицы становится ясно, что Набоков при работе над романом имел в виду совершенно конкретный адрес, как это сумел доказать издатель произведений Набокова Дитер Э. Циммер: улицу под названием Несторштрассе в Берлине-Вильмерсдорфе. Об этом говорит также и то, что обе улицы, фиктивная и подлинная, названы именами героев греческой мифологии. Когда Набоков в середине 30-х годов сочинял роман «Дар», он вместе со своей женой жил на Несторштрассе 22.

Скупыми штрихами Набоков рисовал городские «кулисы», которые ежедневно находились у него перед глазами. То, что упоминается и не существующая в реальном Берлине улица Танненбергштрассе, по-видимому, имеет символическое

значение: в Первую мировую войну под Танненбергом в 1915 году немецкие войска под командованием Пауля фон Гинденбурга окружили и уничтожили русскую армию, так что это может быть указанием на трудность отношений между немцами и русскими в Берлине[156].

Сказанное как бы невзначай, спрятанное в придаточное предложение, роман содержит своего рода объяснение в любви рассказчика к немецкой столице, жителей которой он изображает скорее несимпатичными. Рассказчик описывает свидание двух главных персонажей: «Ожидание ее прихода. Она всегда опаздывала — и всегда приходила другой дорогой, чем он. Вот и получилось, что даже Берлин может быть таинственным. Под липовым цветением мигает фонарь. Темно, душисто, тихо. Тень прохожего по тумбе пробегает, как соболь пробегает через пень»[157]. Вымышленного рассказчика романа никоим образом нельзя приравнивать к автору Набокову. И тем не менее это замечание еще раз дает основание для вывода об амбивалентном отношении Набокова к Берлину. Оно никоим образом не находилось только где-то между безразличием и неприязнью. «Дар», написанный в тридцатые годы, это самый крупный роман о русском Берлине двадцатых годов.

И в тех немногих стихах, которые Набоков посвятил Берлину, отражаются не впечатления от города как ансамбля зданий и улиц, а настроения автора[158].

Берлинская весна

Нищетою необычной
на чужбине дорожу.
Утром в ратуше кирпичной
за конторкой не сижу.

Где я только не шатаюсь
в пустоте весенних дней!
И к подруге возвращаюсь
все позднее и поздней.

В полумраке стул задену
и, нащупывая свет,
так растопаюсь, что в стену
стукнет яростно сосед.

Утром он наполовину
открывать окно привык,
чтобы высунуть перину,
как малиновый язык.

Утром музыкант бродячий
двор наполнит до краев
при участии горячей
суматохи воробьев.

Понимают, слава Богу,
что всему я предпочту
дикую мою дорогу,
золотую нищету.

1925

Это стихотворение, возникшее в первую фазу пребывания в Берлине, уже намечает те центральные темы, которые Набоков затем вновь и вновь ставил в своих романах и рассказах: тоска по России, неприязнь к немецким мещанам, свобода художника. Позже он сам описал свои лирические темы того времени словами:

«Синева берлинских сумерек, шатер углового каштана, легкое головокружение, бедность, влюбленность, мандариновый оттенок преждевременной световой рекламы и животная тоска по еще свежей России»[159].

Набоков жил в значительной мере изолированно от берлинцев, и такими же были и русские герои его прозы и лирическое «я» его поэзии. И тем не менее он совершенно неповторимым образом создавал в своих произведениях впечатляющие картины Берлина.

Глава VI
РУССКИЙ ТЕАТР В БЕРЛИНЕ

Берлин начала двадцатых годов был городом театров и кабаре. Экспериментальные сцены Берлина создавали динамику творческих поисков, которые воспринимались другими городами и другими странами как фактор обновления искусства — и русские артисты-эмигранты в Берлине сосредоточились прежде всего на культивировании традиций.

Молодой Владимир Набоков принимал активное участие в театральной жизни берлинских русских. Он писал многочисленные скетчи и маленькие драмы для кабаре «Синяя птица». Первой вершиной его драматического творчества была премьера в Берлине пятиактной пьесы «Человек из СССР».

Синяя птица

Набоков не оставил почти никаких заметок или записей по поводу своих ранних коротких театральных пьес и скетчей, которые он сочинял для «Синей птицы». По программам эмигрантской прессы известны названия многих из них, а театральные рецензии позволяют делать косвенные выводы об их содержании.

«Синяя птица» была основана в конце 1921 го-да актерами из Москвы и Петрограда. Сначала труппа устроилась в помещении бывшего кинотеатра во дворе дома на Гольцштрассе 9 и собиралась продолжить традиции русского кабаре. Директор театра Яков Южный, пользовавшийся в свое время известностью эстрадный актер из Санкт-Петербурга, стремился привлечь и немецкую публику. Поэтому программа в большинстве случаев включала и два-три номера на немецком языке. В театральных программках содержание русских пьес объяснялось по-немецки. Южный делал свои объявления на обоих языках, причем его сильный русский акцент и раскатистое «р» очень нравились берлинской публике[160].

Спектакли малой сцены соответствовали тем клише, которые господствовали в представлениях немецкой публики о России и русских. С окончанием войны, которая, как можно вспомнить, велась с этой стороны против русского варварства, вместе с множеством русских эмигрантов разлился поток русской одухотворенности, и новая немецкая буржуазия вдруг открыла

для себя «русскую душу». Бедные богачи инфляции находили очарование в маленьких пестрых чудесах «Синей птицы», принимая их за «Россию как она есть»[161]. В «Синей птице» подавали то, что ожидали немцы, чтобы удовлетворить потребности публики. «Европа знала казаков из варьете, русские крестьянские свадьбы из опереподобных аранжировок на сцене, русских певцов и балалайки», — замечает писатель и журналист Йозеф Рот в одном из репортажей для газеты «Франкфуртер цайтунг». «Чем дольше длилась эмиграция, тем больше приближались русские к тому представлению о них, которое существовало у окружающих. Они доставляли нам удовольствие и приспосабливались к нашим клише. Вероятно, осознание того, что им выпала определенная роль, утешало их в беде»[162]. Какое-то время «Синяя птица» пользовалась большой популярностью в кругу молодых деятелей культуры Берлина, к числу ее посетителей принадлежал также писатель и публицист Курт Тухольский.

Труппа делала спектакли с небольшими затратами материальных средств, это позволило ей просуществовать до начала тридцатых годов. Потом труппа распалась, как это происходило с десятками других русских театральных и музыкальных ансамблей до нее.

> «Анонимная жизнь эмигрантов стала общественным производством. Сначала они сами выставляли себя напоказ. Сотнями создавались театры, хоры, танцевальные группы и балалаечные оркестры. В течение первых двух лет все они были новыми, подлинными, поразительными. Позже все стали обыкновенными и скучными. Они потеряли связь с родной почвой. Они все больше и больше удалялись от России — а Россия еще больше от них. […] „Синие птицы“ начали петь по-немецки, по-французски, по-английски. Под конец они улетели в Америку и растеряли свои перья»[163].

Жизнь на берлинской сцене

Если эмигрантское кабаре первоначально пользовалось большим успехом у немецкой публики и берлинской прессы[164], то все попытки создать большой традиционный театр для русской колонии оказались обреченными на провал. Режиссеры и актеры в эмиграции были отрезаны от своей классической публики. Конечно, были интеллигенты, которые в свое время заполняли

театры в России, но большинству из них в эмиграции было не до театра. Тяготы будней, борьба за хлеб насущный отнимали много энергии. Не проявляла интереса и немецкая публика, причем никоим образом не вследствие языкового барьера, ибо на гастрольные спектакли театральных трупп, приезжавших из советской России, она валила тысячами. От гостей с Востока исходили художественные импульсы. Они были авангардом, который встречался в Берлине с немецкими революционерами театра. Эмигрировавшие режиссеры, напротив, целиком посвящали себя сохранению театральных традиций царских времен. Результатом были черствые инсценировки театральной литературы минувшего столетия.

Набоков принадлежал к числу молодых литераторов, которые быстро поняли, что времена ностальгии, времена реминисценций царских времен безвозвратно ушли. Он стал выводить на сцену в своих коротких пьесах, которые он писал для «Синей птицы», эмигрантов из русского Берлина, подобно героям своих ранних рассказов и романов и нашел в Иване Лукаше, который был на семь лет старше его, заинтересованного сподвижника. Вместе они сочинили множество скетчей, репетировали с актерами, заботились о декорациях. Временами Набоков сам выходил на сцену. Вместе с Лукашом он написал даже пьесу с балетными вставками, названия которой Набоков не мог вспомнить, но которая была поставлена на сцене какого-то немецкого провинциального города. Она не стала предметом гордости Набокова. «Она была ужасна, если бы она попала мне в руки, я бы ее уничтожил!»[165] Тогда программы «Синей птицы» составлялись в основном из ряда эстрадных номеров, до десяти в один вечер. Но иногда в репертуар включались и более длинные одноактные пьесы, такие как «Любовь карлика» или «Китайские ширмы», совместное произведение Лукаша и Набокова. Оба произведения были заказными работами, которыми авторы надеялись поправить свое материальное положение. За «Китайские ширмы» ему было обещано сто долларов, заплатили же всего пятнадцать[166].

«Человек из СССР»

Набоков испытал себя и в театральных пьесах классического образца: «Трагедия господина Морна» ориентирована на драмы античной Греции. Действие происходит «в будущем» в неопределенной стране. Насколько сценична эта пьеса, Набокову узнать не удалось, ибо написанная в 1924 году драма никогда не

ставилась.

Драматургические работы Набокова были не очень успешными. Руководители театров проявляли к ним в лучшем случае сдержанный интерес, но пятиактная пьеса «Человек из СССР» точно попала в нерв русской эмиграции. Премьера 1 апреля 1927 года вылилась в большой успех. Впервые жизнь русской эмиграции стала темой сценического произведения. Варьируя мотивы своих романов, Набоков создает в лице главного героя образ человека, который планирует вернуться на родину, чтобы там совершить террористические действия против советской власти[167]. Герой пьесы Алексей Кузнецов под видом предпринимателя руководит подпольной антикоммунистической группой в СССР. Чтобы уйти от слежки шпиков в Берлине, он официально разводится с женой, оставляет семью и заводит в целях маскировки интрижку с русской актрисой. Но жена Кузнецова не выдерживает эмоционального давления и отвергает ухаживания одного из поклонников, ссылаясь на то, что любит мужа, чем непреднамеренно выдает его и, вероятно, обрекает на смерть.

Критики, писавшие для русской эмигрантской прессы, особенно подчеркивали чеховские моменты и хвалили психологическое напряжение действия[168]. По финансовым причинам дальнейших спектаклей пьесы не последовало.

Забыт и снова открыт

После этого, хотя и небольшого, успеха Набоков на десятилетие отвернулся от театра, не в последнюю очередь потому, что все русские сцены Берлина за это время уже закрылись. И «Синяя птица» тоже вынуждена была отказаться от своих помещений. Во второй половине двадцатых годов спектакли в Берлине стали редкостью, труппа существовала только за счет гастролей по другим центрам русской эмиграции.

Лишь в последние месяцы пребывания в Германии Набоков снова обратился к театру и работал одновременно над двумя пьесами. После переезда во Францию в 1937 году оба текста, «Событие» и «Изобретение Вальса», были опубликованы. Первая содержит в себе множество реминисценций из Чехова и Гоголя. Так, герои пьесы носят заимствованные имена и действуют так же, как в пьесах, из которых они заимствованы, то есть известным образом. Набоков использует эти шаблоны, чтобы неожиданно повернуть интригу: ожидаемое в одинаковой мере как публикой, так и действующими лицами событие в конце пьесы —

объявленный акт мести опозоренного любовника — так и не произойдет.

«Изобретение Вальса» помещено в вымышленный политический контекст — положение Европы. Время действия снова отнесено в неопределенное будущее. Рамку действия образует приемная в военном министерстве какого-то неопределенного государства, в которой инженер Вальс надеется получить аудиенцию, чтобы рассказать министру об изобретенном им чудесном оружии. При этом Вальс засыпает, во сне он благодаря своему оружию возвышается до диктатора. Пьеса пародирует милитаристские амбиции тоталитарных государств. Имел ли Набоков при этом в виду Сталина или Гитлера, остается открытым, как и в его романах «Приглашение на казнь» и «Под знаком незаконнорожденных».

Впоследствии Набоков лишь спорадически высказывался по поводу своих театральных пьес и скетчей. В мемуарах драматические произведения вообще не упоминаются. И в его позднем автобиографическом произведении «Смотри на арлекинов!», в котором он иронически обыгрывает почти все свои романы, тоже нет никаких ссылок. Драматическое творчество Набокова в значительной мере осталось вне поля зрения мировой литературной критики. Но именно у него на родине в России, где при жизни публикация его произведений была запрещена, эти пьесы были открыты заново и нашли живой отклик у публики. Из России они недавно снова пришли на Запад, в том числе и в Берлин. В 1996 году состоялась премьера пьесы «Полюс» на сцене театра «Шаубюне» у Ленинерплац в Берлине-Вильмерсдорфе — всего в нескольких сотнях метров от того места, где Набоков начал писать ее семь десятилетий назад.

Глава VII
«ЭТОТ СВИНСКИЙ НЕМЕЦКИЙ ДУХ»

Среди предков Набокова были и немцы: остзейские бароны, композитор из Саксонии и книгоиздатель из Кенигсберга. Тем не менее он, как он сам с сожалением признавался в последние годы, попирал немецкую культуру, отводя ей место только в виде «горьких сносок»[169]. Он не мог и не хотел выражать симпатию Германии и немцам. Их язык он выучил лишь весьма несовершенно, хотя и прожил среди них полтора десятилетия. Если в двадцатые годы его оценка и изображение обитателей страны, где он жил в изгнании, колебались между безразличием и легкой антипатией, то после того, что он узнал в нацистские времена, его отношение к ним было только негативным. Германия, из которой Набоков бежал в 1937 году, была злой и достойной презрения. Другой Германии, страны либеральных и социалдемократических политиков, страны художников, которые отвергали национализм, которые сами стали жертвами, он не знал.

Страна поэтов, музыкантов и естествоиспытателей

Впервые Набоков попал в Берлин одиннадцатилетним мальчиком. Он пишет в своих мемуарах: «В те годы Германия была страной музыки»[170]. Он увидел подтверждение своих представлений о стране поэтов и мыслителей, музыкантов и исследователей бабочек, увидел страну такой, какой ее расписывали мечтательные учителя его гимназии в Санкт-Петербурге.

Оказавшись в Берлине взрослым, Набоков сравнивает этот образ с окружающей его реальностью:

> «Так или иначе за годы моей уединенной жизни в Германии я ни разу не сталкивался ни с теми кроткими музыкантами стародавних времен, что играли свои рапсодии (в тургеневских романах) чуть ли не целую летнюю ночь напролет; ни с веселыми старыми ловцами бабочек, которые прикалывали поимку к тулье своей шляпы и над которыми так потешался Век Рационализма»[171].

Такие же мысли по воле автора приходят на ум и Федору, главному герою романа «Дар»:

> «Кстати, куда девались нынче эти учившие русских детей природе чудаки, — зеленый сачок, жестянка на перевязи, уколотая бабочками шляпа, длинный ученый нос, невинные глаза за очками, — где они все, где их скелетики, — или это была особая порода немцев, на русский вывоз, или я плохо смотрю?»[172]

Во всяком случае в 1914 году русские политики и публицисты на царской службе попытались заменить в народном сознании этот образ немцев на другой: на агрессивных немцев в островерхих касках. Накануне Первой мировой войны столица была переименована в Петроград, так как нельзя было больше называть ее немецким именем. Пресса публиковала патриотические комментарии и антинемецкие карикатуры. Отец Набокова оставался, однако, сдержанным на фоне всеобщего воодушевления войной[173]. У него было много друзей в Германии еще со студенческих времен, он ведь изучал юриспруденцию в Галле-на-Заале и отлично говорил по-немецки.

И в записях тогда уже 15-летнего Владимира нет никаких указаний на то, что он был в восторге от начавшейся войны. Фронт был далеко, война, казалось, совсем не интересовала его. Он больше посвящал себя сочинению стихов. Но на нем все же была печать англофильского воспитания, которое в то время почти принудительно вело к отрицанию немецкой культуры.

Немецкая пошлость

В двадцатые годы в Берлине Набоков изо дня в день сталкивался с немецкими мещанами и чиновниками, при этом он как квартиросъемщик, проситель, человек без гражданства всегда был в положении униженного, что, по-видимому, особенно больно задевало его как выходца из богатой аристократической семьи. Набоков был в этом не одинок: многим эмигрантам, происходившим из высших слоев русского общества, приходилось в эмиграции терпеть унижения. Так, выросшая в зажиточной семье поэтесса Марина Цветаева, дочь известного московского ученого, постоянно жаловалась на оскорбления и обиды, которые ей приходилось терпеть как неимущей эмигрантке[174].

Набоков попал в Берлин не по собственной воле — причем сразу в двояком смысле. Во-первых, семья покинула свою российскую родину не по собственной воле, а вынуждена была

бежать, чтобы спастись от репрессий большевиков. Во-вторых, он конечно же думал о том, чтобы поселиться в Англии, но после гибели отца в 1922 году он как старший сын чувствовал себя обязанным помочь матери, оставшейся в Берлине с четырьмя детьми, справиться с навалившимися повседневными заботами.

С самого начала Набокова интересовал немецкий склад характера. Немцы, с которыми он сталкивался в повседневной жизни, были для него персонифицированной пошлостью. Набоков находил пошлость во всех сферах немецкого общества, в том числе и в духовной области, и даже у Гете, особенно в «Фаусте», этом национальном эпосе немцев.

> «Среди наций, с которыми у нас всегда были близкие связи, Германия казалась нам страной, где пошлость не только не осмеяна, но стала одним из ведущих качеств национального духа, привычек, традиций и общей атмосферы, хотя благожелательные русские интеллигенты более романтического склада охотно, чересчур охотно принимали на веру легенду о величии немецкой философии и литературы; надо быть сверхрусским, чтобы почувствовать ужасную струю пошлости в „Фаусте“ Гете»[175].

Типичным немцем для взрослого Набокова был уже не философ, музыкант или естествоиспытатель, как в представлениях времен его молодости. «Самая яркая фигура, какую нахожу, перебирая в памяти мои очень немногие нерусские и нееврейские знакомства в годы между двумя войнами, это воспитанный и тихий молодой человек в очках — немецкий студент, чьим коньком были казни»[176]. Этот молодой человек по имени Дитрих, которому Набоков давал в Берлине уроки языка, собирал фотографии казней и одновременно учился на филологическом факультете. В своих мемуарах Набоков отводит целых две страницы детальному описанию тех казней, которые Дитрих находил особенно привлекательными.

Немецкое добродушие и бешеное улюлюканье

В «Даре», главном произведении берлинского периода, автор приводит пример немецкой «пошлости», этой смеси из сентиментального китча и мелочного порядка. В романе некое берлинское похоронное бюро в качестве рекламы украшает свою витрину моделью крематория.

> «Ряды стульчиков перед крохотной кафедрой, на них сидящие куколки величиной с согнутый мизинец и впереди, немножко отдельно, можно было различить вдовицу по квадратному сантиметру платочка, поднятого к лицу. Немецкая соблазнительность этой макетки всегда смешила Федора Константиновича»[177].

В «Даре», написанном еще до эксцессов «Имперской хрустальной ночи» в ноябре 1938 года, рассказчик сгущает свои наблюдения на пляже у Груневальдзее, на котором в одно из летних воскресений развлекались тысячи берлинцев, и делает вывод:

> «Безнадежная, безбожная тупость довольных лиц, возня, гогот, плеск — все это сливалось в апофеоз того славного немецкого добродушия, которое с такой естественной легкостью может в любую минуту обернуться бешеным улюлюканьем»[178].

Федор в уме перечисляет причины, по которым он ненавидит немцев, после того, как во время поездки в переполненном трамвае нечаянно был задет человеком с толстым портфелем:

> «За этот низкий лоб, за эти бледные глаза; за фольмильх и экстраштарк, — подразумевающие законное существование разбавленного и поддельного; за полишинелевый строй движений, — угрозу пальцем детям — не как у нас стойком стоящее напоминание о небесном Суде, а символ колеблющейся палки, — палец, а не перст; за любовь к частоколу, ряду, заурядности; за культ конторы; за то, что если прислушаться, что у него говорится внутри (или к любому разговору на улице), неизбежно услышишь цифры, деньги; за дубовый юмор и пипифаксовый смех; за толщину задов у обоего пола, — даже если в остальной своей части субъект и не толст; за отсутствие брезгливости; за видимость чистоты — блеск кастрюльных днищ на кухне и варварскую грязь ванных комнат; за склонность к мелким гадостям, за аккуратность в гадостях, за мерзкий предмет, аккуратно нацепленный на решетку сквера; за чужую живую кошку, насквозь проткнутую в отместку соседу проволокой, к тому же ловко закрученной с конца; за жестокость во всем, самодовольную, как-же-иначную; за неожиданную восторженную услужливость, с которой человек пять прохожих помогают тебе подбирать оброненные гроши;

за…»[179].

Целое собрание стереотипов и предубеждений, от которых автор отмежевывается искусным приемом, типичным для него ироничным поворотом: накопившаяся ярость Федора развеивается, напряжение разряжается. Выясняется, что человек с низким лбом и впалыми глазами из трамвая тоже русский.

Набоков объяснял позже: «Я жил в Берлине с 1922 года, т. е. в то же время, что и молодой человек из романа; но ни этот факт, ни то, что я разделяю некоторые его интересы — например, интерес к литературе и лепидоптерам, не дают никому основания говорить „ага“ и приравнивать автора к его персонажу». Отношение Федора к Германии отражает «безрассудное презрение», которое русские эмигранты испытывали к «туземцам», от которого не был свободен и автор[180].

Столкновение с коричневой Германией

Набоков и его жена вначале не интересовались политической программой национал-социалистов. Даже если они тогда что-нибудь слышали про закон о передаче полномочий и поняли его смысл, это их не интересовало. То, что в мае 1933 года прошли первые сожжения книг, не ускользнуло от их внимания, но они еще не сочли это сигналом тревоги[181]. То, что в октябре этого же года 88 писателей в публичном заявлении поклялись в верности Гитлеру и одновременно с этим страну покинули такие видные литераторы, как Альфред Деблин, Томас Манн, Бертольд Брехт, Йозеф Рот, Курт Тухольский, они могли не знать. Во всяком случае в их опубликованной переписке тех лет нет никаких свидетельств об этом.

Лишь постепенно они заметили, что Германия меняется, что она идет в направлении, которое вселяет беспокойство. Самыми бросающимися в глаза знаками этих изменений были повсюду выплывавшие свастики и портреты Гитлера. Когда Набоков после рождения сына Дмитрия, которого он ожидал в вестибюле клиники у Байришерплац, ранним утром 10 мая 1934 года радостно спешил домой, ему бросились в глаза портреты Гинденбурга и Гитлера в витринах[182]. Гитлер сопровождал первые годы жизни его сына. Так, когда Дмитрий получил в подарок к своему второму дню рождения модель гоночного «мерседеса» длиною в метр двадцать, «которая подвигалась при помощи двух скрытых внутри органных педалей, и в которой он мчался по тротуарам Курфюрстендама, с насосными и

гремящими звуками, и из всех открытых окон доносился стократно умноженный рев диктатора, все еще бившего себя в грудь в Неандертальской долине, которую мы оставили далеко позади»[183].

В этой Германии смогли сделать карьеру оба досрочно выпущенных на свободу убийцы отца Набокова, Петр Шабельский-Борк и Сергей Таборицкий. Как секретари Русского доверительного бюро они по поручению гестапо контролировали эмигрантов — для Набокова это был конкретный повод покинуть страну.

После того как Набоков покинул Германию, он писал одному из друзей:

> «Это отвратительная и ужасающая страна. Я никогда не выносил немцев, этот свинский немецкий дух, а в нынешнем положении (которое, впрочем, вполне подходит им) жизнь там стала для меня невыносимой, и я говорю это не просто потому, что женат на еврейке»[184].

Немецкое нападение на Советский Союз повергло Набокова в глубокую дилемму чувств, которую он образно сформулировал в одном из писем.

> «Почти 25 лет русские в эмиграции жаждали, чтобы что-то, что-нибудь произошло, что уничтожило бы большевиков, например, хорошая кровавая война. И вдруг этот трагический фарс. Мое искреннее желание, чтобы Россия несмотря ни на что разбила Германию, а еще лучше полностью уничтожила бы ее так, чтобы немцев вообще не осталось на свете, означает запрягать телегу впереди лошади, но эта лошадь настолько отвратительна, что я предпочитаю все же это. Но прежде всего я хотел бы, чтобы Англия выиграла эту войну. Затем я хотел бы, чтобы Сталина и Гитлера переправили на Рождественские острова и там бы держали их вместе в тесной и постоянной близости»[185].

Набоков неоднократно отметал сомнения в том, что он вовсе не собирается различать два режима, носящих человеконенавистнический тоталитарный характер. Он называл нацистское господство «ужасающим китчем, который разросся до государственного режима, по своей откровенной, темной вульгарности сравнимого только с Россией советской эры»[186].

Гротескная и злая тень Гитлера

Летом 1933 года на поросшем соснами берегу Груневальдзее Набоков пишет рассказ «Королек», в котором показывает переход пассивной пошлости в агрессию, прямое насилие. Два толстых глупых берлинских пролетария от скуки пристают к своему новому соседу по фамилии Романтовский, иностранцу, говорящему по-немецки со славянским акцентом, потом они мучают его за то, что он не такой, как они, и под конец убивают его. То, что рассказ кончается неожиданным ироническим поворотом — Романтовский оказывается не поэтом с нежной отзывчивой душой, который по ночам пишет стихи, как поначалу представлялось читателю, а аккуратно работающим фальшивомонетчиком, — ничуть не уменьшает тягостного впечатления от него.

Позже Набоков так объяснял свое настроение при работе над рукописью: «В то время, когда я выдумывал эти два типа громил и моего бедного Романтовского, над Германией лежала гротескная и злая тень Гитлера»[187]. Свои предчувствия он литературно сгустил в романе «Приглашение на казнь». Действие его происходит в обстановке человеконенавистнической диктатуры в некой неопределенной стране. Роман был напечатан в 1934 году одним из парижских эмигрантских журналов в виде нескольких продолжений. Немецкие власти не заметили его, с Набоковым ничего не случилось. Роман показывает, как посредственность и насилие становятся системой, той системой, которой ненавистны одухотворенность и фантазия.

> «Я написал русский оригинал ровно четверть века назад в Берлине, ровно пятнадцать лет спустя после моего бегства от большевистского режима и незадолго до того, как возгласы одобрения нацистского режима зазвучали в полный голос. Повлияло ли на эту книгу то обстоятельство, что я оба эти режима считаю одним и тем же безотрадным зверским фарсом, должно столь же мало занимать любезного читателя, сколь мало это занимает меня»[188].

«Приглашение на казнь» Набоков написал за две недели творческого «запоя». Ради этого он прервал работу над «Даром». Содержащиеся в нем намеки на нацистские времена не заметить нельзя, хотя действие его происходит, собственно говоря, в конце 20-х годов. Знатоки литературы едины в том, что нетипичное для русских имя героини Зина (в латинской транслитерации оно

пишется «Zina») является анаграммой слова «Nazi». Зина, несомненно списанная с его жены Веры, воплощает в себе многое из того, что ненавистно нацистам: она человек умственного труда и еврейка с космополитическим отношением к жизни.

Набоков не дописал «Дар» в Германии до конца. В начале 1937 года он покинул страну, и лишь на следующей остановке своей эмиграции, в Париже, он завершил книгу. В последней части главный герой Федор называет Германию страной, «тяжкой как головная боль»[189]. Публикация этой главы в Париже вызвала резкую атаку на Набокова со стороны берлинской эмигрантской газеты «Новое слово», которую финансировали и контролировали нацисты. Литературный критик берлинской газеты воспринимал высказывания главных персонажей о немцах как выражение мнения их создателя — и в этом он не очень ошибался. Критик утверждал, что Набоков находится под еврейским влиянием, что его произведения относятся к категории «выродившегося искусства»[190].

В Париже Набоков закончил и рассказ «Облако, озеро, башня», где он свел счеты с немцами, которые привели нацистов к власти и восторженно приветствуют их. Русский холостяк по имени Василий выигрывает на благотворительном балу эмигрантского объединения в Берлине туристическую поездку. В экскурсии, связанной с поездкой в поезде, принимают участие, как выясняется, кроме него еще девять немцев. Бедному Василию с добродушными глазами пришлось не только петь немецкие народные песни и отдать свою провизию другим, оставшись без пищи, но и есть сигаретные окурки, слушать, как его называют свиньей. Когда он наконец решился отделиться от назойливой группы, немцы схватили его. «Как только сели в вагон и поезд двинулся, его начали избивать, — били долго и довольно изощренно. Придумали, между прочим, буравить ему штопором ладонь, потом ступню. Почтовый чиновник, побывавший в России, соорудил из палки и ремня кнут, которым стал действовать, как черт, ловко. Молодчина! Остальные мужчины больше полагались на свои железные каблуки, а женщины пробавлялись щипками да пощечинами. Было превесело»[191]. Василий совершенно избитый возвращается в Берлин и думает, что у него больше нет сил принадлежать к человечеству.

Немецкая Гретхен и гиена

Когда Набоков уже жил в Соединенных Штатах, он узнал о смерти своего брата Сергея. Относительно того, почему Сергей во

время войны попал в концентрационный лагерь, существует несколько версий. Достаточным основанием могло служить то, что он был гомосексуалист. По сведениям Набокова, в кругу своих коллег в Берлине — он работал в бюро переводов — он критиковал нацистское руководство. Достоверно известно, что на него донес немец. Кроме того, после войны сидевшие вместе с ним заключенные рассказали, что он хотел спрятать подбитого английского летчика, но при этом его заметили и выдали[192]. Во всяком случае он был арестован как «британский шпион». В концлагере Нойенгамме он перешел в римско-католическую веру. Последние недели перед смертью он самоотверженно заботился о солагерниках, утешая их. Сергей Набоков умер 10 января 1945 года, ему исполнилось 44 года. Предполагается, что он умер от голода. Брат называет его в своих воспоминаниях «прямым и бесстрашным человеком»[193].

Для Набокова концентрационные лагеря остались нераздельно связанными с немецкой сущностью. В одном из писем он красочно рисует, как «немецкая Гретхен» получает от своего поклонника, который был солдатом, в подарок юбки, награбленные им в польском гетто. В своих воспоминаниях он мысленно представляет себе и дальнейшее развитие берлинского студента Дитриха, так интересовавшегося казнями.

> «Хотя я давно потерял Дитриха из виду, я могу хорошо представить себе тихое удовлетворение во взгляде его рыбье-голубых глаз, когда он сегодня (может быть как раз в ту минуту, когда я это пишу) показывает своим советеранам, которые с ревущим хохотом хлопают себя по бедрам, нежданное множество сокровищ — абсолютно чудесные картины, которые он создал в гитлеровские времена»[194].

Чем больше Набоков узнавал о преступлениях немцев, тем больше он укреплялся в своем решении никогда больше не возвращаться в Германию. Обоснование:

> «Пока я жив, могут быть живы и те бестии, которые убивали и пытали беспомощных и невинных. Как я могу знать об этой пропасти в прошлом моего современника, руку которого я случайно пожимаю?»[195].

Но временами, когда он думал о лагерях смерти, на него «из чувства ответственности» находило желание все-таки еще раз поехать в Германию:

> «Я хочу поездить по этим немецким лагерям, осмотреть все эти места и написать ужасающее обвинение»[196].

После Второй мировой войны один из его романов — «Под знаком незаконнорожденных» чуть было не попал в разработанную американскими оккупационными властями «программу по перевоспитанию» немцев. События в нем происходят, как и в «Приглашении на казнь», в некой воображаемой диктатуре, которую можно было бы перенести на немецкую. Но плохой перевод был забракован[197]. Кроме того, в то время Набоков еще не верил, что немцев можно перевоспитать так, как это предусматривала американская программа:

> «Ни кастрация, ни использование менделевских законов, ни укрощение не превратят гиену в нежно мурлыкающую кошку»[198].

Групповой портрет и холокост

Набоков отказался от обращения к теме холокоста — всесожжения, массового уничтожения евреев. Но информация о немецких преступлениях побудила его все же написать один из самых политических своих рассказов: «Групповой портрет, 1945». Это сведение счетов с теми приспособленцами среди немцев, которые в начале войны восторгались Гитлером, а в конце войны стали выдавать себя за его жертвы.

Рассказ начинается с путаницы, с типичного для Набокова мотива двойничества: рассказчик, очевидно, русский эмигрант либерального толка, по ошибке получает приглашение на встречу дамского клуба в провинциальном американском городке, которое, как выясняется потом, было адресовано, собственно, его однофамильцу, русскому националисту. Таким образом рассказчик становится свидетелем выступления другого гостя — переселившегося из Германии доктора Шу. Немец чувствует себя обязанным несколько месяцев спустя после окончания войны искать у американских слушателей благосклонности к своим землякам. Для него Гитлер просто безумец — не потому, что он начал войну, а потому, что он вместо того, чтобы напасть на Англию, напал на Россию.

Шу, рассказывающий о состоянии душ «соблазненных немцев», находит благодарную публику.

> «Я прошу вас представить, как немецкие юноши с

> гордостью вступают в какой-нибудь завоеванный ими польский или русский город. Они идут и поют. Они не знают, что их фюрер безумен; они простодушно верят, что принесли павшему городу надежду, счастье и чудесный порядок, они трогательно добродушны и полны самых лучших намерений. И вот, постепенно, они замечают, что улицы, по которым они так по-мальчишески, так уверенно маршируют, заполняет безмолвная и неподвижная толпа евреев, взирающих на них со свирепой ненавистью, оскорбляющих каждого проходящего мимо них солдата, — нет, не словами, для этого они слишком умны, — но злобными взглядами и плохо скрываемыми ухмылками»[199].

По словам Шу, его земляки были мечтателями, которые стали жертвами Гитлера точно так же, как и их соседи. Рассказы о немецких зверствах — это не что иное, как пропаганда, выдумки американской прессы, которой заправляют евреи. Его речь в защиту немцев дополняет одна из слушательниц:

> «Любой разумный человек согласится с вашими словами насчет того, что не виноваты они в этих так называемых немецких зверствах, большую часть которых, скорее всего, сами же евреи и выдумали. Я просто из себя выхожу, когда слышу всю эту трескотню про печи да про застенки, в которых, если они вообще существовали, и орудовало то всего несколько человек, таких же ненормальных, как Гитлер»[200].

Не в силах больше выносить эти тирады, на которые слушательницы отвечали согласными кивками головы и аплодисментами рассказчик покидает собрание. Неожиданно встретив доктора Шу на следующий день, он, обменявшись с ним несколькими словами, хочет ударить его, но немец уклоняется. Рассказчик смотрит ему вслед и спрашивает себя, «как этим мозгливым немцам удается, нацепив дождевик, становиться такими пухлыми со спины»[201].

Иронический поворот в конце рассказа не снимает чувства отвращения, которое автор очевидно хотел вызвать у читателя. Шу изображен крайне несимпатичным, это дополнительно снижает пафос его лживых речей. Несмотря на то, что изображение некоторых главных фигур доведено до карикатуры, сам рассказ звучит как обвинение.

К литературному осмыслению темы массового уничтожения евреев Набоков обратился лишь более десятилетия спустя после

окончания войны; он показал это сквозь призму воспоминаний профессора Пнина в романе «Пнин». Пнин узнает, что его бывшая невеста, которую он очень любил и с которой оказался разлучен в результате неурядиц Гражданской войны в России, погибла в концентрационном лагере:

> «Приходится забывать — ведь нельзя же жить с мыслью о том, что эту грациозную, хрупкую молодую женщину с такими глазами, с такой улыбкой, с такими садами и снегами в прошлом, привезли в скотном вагоне в лагерь уничтожения и умертвили инъекцией фенола в сердце, в нежное сердце, которое билось в сумерках прошлого под твоими губами. И поскольку точный характер ее смерти зарегистрирован не был, в его сознании Мира умирала множеством смертей и множество раз воскресала лишь для того, чтобы умирать снова и снова: вышколенная медицинская сестра уводила ее, и хрустело стекло, и ей прививали какую-то пакость, столбнячную сыворотку, и травили синильной кислотой под фальшивым душем, и сжигали заживо в яме на политых бензином буковых дровах»[202].

В романе «Пнин» не случайно говорится, что Бухенвальд находился всего лишь на расстоянии часа ходьбы от Веймара, города немецкой классики, в котором жил и творил Гете, в глазах Набокова мастер пошлости.

Мысли о возвращении в Берлин

Однако когда через два десятилетия после войны Набоков познакомился с молодым поколением в Германии, он постепенно дифференцировал свое суждение. О том, что он стал заметно мягче относиться к немцам, свидетельствует энергия и тщательность, с которой он вместе с женой просматривал немецкие переводы своих произведений. Примирительно настраивало его и то, что немецкие критики «с необыкновенной остротой мысли и художественной чуткостью поняли и оценили» его книги[203].

Кроме того, они оба могли принять во внимание то, что федеральное правительство в начале шестидесятых годов перевело Вере деньги — по крайней мере символическое возмещение ущерба как еврейке, потерявшей в результате захвата власти фашистами свое рабочее место[204]. Став на старости лет более мягким и, может быть, в какой-то мере убедившись, что

молодое поколение немцев стало другим, чем то, которое он знал когда-то, в конце своей жизни он все-таки стал подумывать о том, чтобы еще раз побывать в Берлине и вместе с женой посетить прежние места[205]. Но до этого дело не дошло.

Глава VIII
«РОМАН С КОКАИНОМ» — ПРОТОКОЛ ПОИСКА СЛЕДОВ

В конце 1983 года во французском издательстве «Бельфон» появился «Роман с кокаином» таинственного автора по имени М. Агеев и вызвал огромный интерес у публики. Вскоре начались спекуляции по поводу личности автора. Было высказано предположение, что «Роман с кокаином», возможно, написан в Берлине Владимиром Набоковым, скрывшимся под псевдонимом М. Агеев. Спор о личности автора привлек к себе внимание любителей литературных загадок во всем мире. Издательства разных стран, публиковавшие книгу, в целях рекламы более или менее неприкрыто указывали на возможное авторство Набокова. Загадка оставалась неразрешенной. И только около десяти лет спустя были найдены архивные материалы, которые могли послужить ключом к ее решению. Они находились в московских архивах и десятилетиями оставались недоступными как документы высшей степени секретности. Да и спор этот интересовал под конец лишь небольшую горстку филологов.

Рукопись из Стамбула

Исповеди и галлюцинации молодого человека-наркомана, живущего в Москве в годы накануне и после Октябрьской революции, стали в середине восьмидесятых годов мировым бестселлером. Путь превращения «Романа с кокаином» в культовую книгу начался в 1983 году с Франции. Известное парижское издательство «Пьер Бельфон» с гордостью объявило в целой серии анонсов, что оно открыло новую литературную звезду — М. Агеева, до сих пор совершенно неизвестного русского писателя[206].

Предисловие к французскому изданию содержало некоторые сведения о нем: оригинальное издание появилось в 1936 году в небольшом русском эмигрантском издательстве в Париже. Автор является уроженцем Москвы, его подлинное имя было предположительно Марк Леви. Как и десятки тысяч его земляков, он после поражения белых в Гражданской войне эмигрировал из России в Берлин. Оттуда он переселился в Стамбул, из которого переслал свою рукопись в Париж. Следы его теряются где-то у

Босфора, вполне возможно, что он умер, приняв слишком большую дозу кокаина.

Для рецензентов эта версия звучала вполне приемлемо. Но потом возникли предположения, что автор романа, судя по сверкающему калейдоскопу лихорадочных снов, миражей и галлюцинаций, не только читал работу Зигмунда Фрейда «О коке», но и имел собственный опыт употребления наркотиков. Имя автора, а также обращение в романе к теме антисемитизма свидетельствуют о том, что он был еврей.

Информация об авторе романа имеется в книге о «Русском Монпарнасе». В парижском городском квартале Монпарнас, в тридцатые годы излюбленном месте проживания артистической богемы, встречались молодые русские поэты, под влиянием западноевропейского модернизма искавшие новые формы в литературе. Писатель Василий Яновский вспоминает в своей книге «Поля Елисейские», как он, будучи редактором одного из парижских издательств, по почте получил рукопись «Романа с кокаином». Судя по адресу на пакете, почта была отправлена из Стамбула. Сотрудница издательства молодая поэтесса Лидия Червинская во время своей поездки в Турцию лично познакомилась с автором, писавшим под псевдонимом Агеев. Позже он прислал ей в Париж свой латиноамериканский загранпаспорт, выданный на имя Марка Леви. Лидия Червинская должна была продлить его в консульстве этой страны, но потеряла документ[207].

Усердная работа ученого

Известный профессор славистики Никита Струве выдвигал другую версию. По его мнению, Лидия Червинская и Леви-Агеев играли при публикации романа в лучшем случае роли курьера и подставного лица. Настоящим автором является не кто иной, как Владимир Набоков, пожелавший скрыть свои эксперименты с наркотиками.

> «Можно предположить, что игры ради Набоков хотел оставить после себя роман без имени, как бросают на авось бутылку в море. Если так, то он оказался прав. Из безымянных или малоизвестных произведений эмигрантской литературы „Роман с кокаином“ полвека спустя после написания выплыл наконец на берег известности. А завтра, смеем надеяться, он станет девятым по счету русским романом одного из самых

виртуозных, но и жутких писателей XX века»[208].

Слово Струве имеет в славистике вес: заведующий кафедрой современной русской литературы в Сорбонне является ученым с мировым именем. Кроме того, он выходец из известной петербургской семьи, которая была в дружеских отношениях с Набоковыми. Его отец Глеб Струве не только был автором первой истории литературы русской эмиграции, но и своими многочисленными положительными рецензиями в двадцатые и тридцатые годы способствовал утверждению славы Набокова. Во время своих поездок из Берлина в Париж Набоков часто ночевал в доме Струве[209].

По мнению Струве, бросаются в глаза параллели между «Романом с кокаином» и произведениями Набокова этого периода, например романом «Подвиг», начиная с характеристики главных героев. Кроме того, совпадают многочисленные подробности. Так, в романе «Подвиг» встречается некая Соня в утреннем халате и шлепанцах; у Агеева тоже появляется некая Соня в таком же одеянии. Оба автора (если их действительно двое) используют одинаково построенные метафоры, оба со старательной точностью описывают жесты и мимику, оба любят звукопись и изобретают звукоподражательные глаголы, оба используют в своих литературных произведениях сны и галлюцинации. У Набокова в «Приглашении на казнь» один из персонажей страдает дефектом речи, в «Романе с кокаином» тоже. У Агеева определенную роль играет памятник Гоголю, а не собирал ли Набоков уже тогда материал для своей книги о Николае Гоголе? Пестрое собрание параллелей и совпадений, плод усердного труда настоящего ученого.

Статья Струве вызвала в середине восьмидесятых годов большое волнение в кругу уже поседевших знакомых умершего несколько лет назад Набокова. Сказала свое слово и к тому времени уже восьмидесятишестилетняя Вера Набокова:

> «Мой муж Владимир Набоков „Роман с кокаином“ не писал, псевдонимом „Агеев“ никогда не пользовался, […] в Москве никогда не был, в жизни своей не касался кокаина (как и вообще никаких наркотиков) и писал, в отличие от писателя Агеева, на чистом и правильном русском петербургском языке. […] Мне кажется удивительным, что проф. Струве, специалист по русскому языку и литературе, мог спутать вульгарный и часто неправильный слог Агеева со слогом тончайшего стилиста В. Набокова»[210].

Многие филологи поддержали ее. Они указали на то, что в «Романе с кокаином» нет типичных для Набокова литературных намеков, а также отсутствует характерный основной тон игривой иронии. Кроме того, здесь отсутствуют типичные для Набокова и определяющие его стиль сложные речевые периоды с синтаксическими вложениями, а также смены перспективы. Однако ни Вера Набокова, ни аналитики стиля не могли убедить профессора литературы. Струве опубликовал вторую статью с новыми доказательствами авторства Набокова[211]. Он указал на то, что Набоков во многих своих произведениях берлинского периода упоминает кокаинистов, например, в рассказе «Случай», который по этой причине не был опубликован в «Руле». Поэтому Вера Набокова либо ничего не знала об авторстве Набокова — либо хотела по-прежнему придерживаться принятой тогда маскировки.

Спор с русским Монпарнасом

Владимир Набоков любил играть именами, анаграммами, псевдонимами, шифрами и загадками. Временами он комбинировал оттачивание слов и стихов с облачением их в загадки, как он это сделал в томике «Поэмы и проблемы» (1971) — собрании стихотворений и шахматных задач. Ожидая результата, он, явно кокетничая своей загадочностью, наблюдал за попытками филологов расшифровать его произведения.

Набоков пользуется в своих произведениях средством очуждения биографий реально существующих людей, прежде всего знакомых, к которым не испытывал особой симпатии. К ним относились молодые литераторы русского Монпарнаса в Париже, с которыми Набоков ожесточенно враждовал на протяжении многих лет. Русский Монпарнас объявил войну консервативным писателям из окружения лауреата Нобелевской премии Ивана Бунина и возвел в свои кумиры психологизирующих модернистов Пруста, Жида, Джойса и Кафку, а также врача-психиатра Фрейда. Набоков, будучи противником всякого рода психологических интерпретаций и кричащих стилистических экспериментов, карикатурно изобразил авангардистов в своем последнем романе «Смотри на арлекинов!» как «банду пьяниц и болтунов».

Произведения этих в большинстве своем живущих в бедности поэтов, в том числе Василия Яновского и умершего в 1935 году от чрезмерной дозы героина Бориса Поплавского, публиковались тогда самыми малыми тиражами. К ним принадлежала и Лидия Червинская. Десятилетиями их имена были известны лишь

немногим историкам литературы; сегодня, шесть десятилетий спустя после русского Монпарнаса, книга Яновского о «русском Париже» между двумя войнами издана у него на родине уже несколькими тиражами. Борис Поплавский, которого Набоков в своих мемуарах называет «далекой скрипкой между близких балалаек», стал сегодня для нынешней литературной богемы в России культовым автором[212].

Конфликт между Набоковым и русским Монпарнасом имел множество причин: Набокову завидовали, видя, что он уже в берлинский период оценивался многими критиками как новая надежда русской литературы. Своим временами надменным поведением он не привлекал к себе друзей из среды богемы и авангардистов. Непосредственным поводом, вызвавшим напряженность, была написанная в начале тридцатых годов ироническая рецензия Набокова на книгу одной из поэтесс русского Монпарнаса. Ответные атаки парижских русских, прежде всего литературного критика Георгия Адамовича, на «берлинского» Набокова были очень грубыми.

Выступление Василия Шивкова

Ответный удар Набокова последовал с задержкой на несколько лет, но с тонким расчетом и изысканностью. Весной 1939 года он под псевдонимом Василий Шивков[213] послал в выходивший в Париже журнал «Современные записки» стихотворение под названием «Поэты», написанное в традиционном размере и с рифмой. Георгий Адамович имел обыкновение обсуждать каждый новый номер «Современных записок» в русской эмигрантской газете «Последние новости»[214]. План удался. Адамович, который до сих пор лишь по-бекмессеровски разносил произведения Набокова, расхвалил это стихотворение в самых высоких тонах: «Каждый стих сверкает талантом, каждое слово, льющаяся мелодия подкупают и убеждают». Наводивший страх критик прогнозировал: «Вполне возможно, что через год или два имя его будет известно каждому, кому дорога русская поэзия»[215].

Ответ на вопрос Адамовича о личности этого автора последовал не сразу. Набоков представил ожидаемую биографию в своей любимой манере. Под известным всем псевдонимом Сирин он послал в «Последние новости» 12 сентября 1939 года рассказ под названием «Василий Шивков». К известному литературному критику по имени Набоков после вечера, на котором он читал свои произведения, обращается незнакомец.

Его зовут Василий Шивков, он поэт и просит критически взглянуть на его новые творения. Они договариваются о встрече. Покровительственно-небрежно критик формулирует свое суждение: стихи совершенно никудышные. Но Шивков ничуть не расстроен. Он вынимает из кармана другую тетрадь. Это его «настоящие» стихи. Первую тетрадку он дал ему просто для пробы, чтобы проверить его. Второе собрание оказывается в глазах сначала столь скептически настроенного критика отличным, похвалы Набокова звучат как парафраз рецензии Адамовича[216].

Адамович был не единственной жертвой любви Набокова к зашифрованным высказываниям, на которую указывал и Никита Струве в качестве аргумента, подтверждающего его тезис об авторстве «Романа с кокаином». Так, Набоков-Сирин уже в начале двадцатых годов опубликовал в Берлине перевод первого акта трагедии «Путники» английской писательницы Вивиан Кэлмбруд. По крайней мере, так говорилось в кратком вступительном замечании, так это было воспринято и критикой. Но на самом деле эта англичанка абсолютная фикция, ее имя является легко раскрываемой анаграммой имени ее создателя. Роману «Приглашение на казнь» предпослана цитата из «Discours sur les Ombres» Делаланда. Несколько десятилетий спустя Набоков признался, что и цитата и имя писателя являются его собственной выдумкой[217].

Любовный роман на Босфоре

Таким образом, Набоков был не только Сирином, но и Шивковым, и Кэлмбрудом и Делаландом. Но был ли он также и Агеевым? Свидетели-современники оспаривают это, в том числе и Василий Яновский[218]. Летописец русского Монпарнаса, которому исполнилось уже восемьдесят пять лет, тоже сказал свое слово в 1985 году. Яновский дал решающую подсказку: следует разыскать Лидию Червинскую, так как она единственная пятьдесят лет назад встречалась с Леви (Агеевым). Лидия Червинская считалась человеком эксцентричным и ненадежным. Яновский рассказал, что она по поручению друзей из числа русских эмигрантов, которые сражались против немецких оккупантов в рядах французского Сопротивления, должна была участвовать в операции по спасению еврейских детей. Из-за ее неосторожности операция эта провалилась, и после войны участники движения Сопротивления хотели даже организовать судебный процесс над ней[219].

Одному французскому журналисту удалось разыскать Лидию Червинскую в пансионате для престарелых под Парижем[220]. Ей к этому времени уже исполнилось семьдесят восемь лет, она была крепкой, но память временами ее подводила. Агеева она вспомнила сразу: «Красивый мальчик, il était un beau garçon!». По ее словам, он был высоким и стройным с каштаново-коричневыми волосами. Лидии Червинской он понравился с первого взгляда, и она стала его любовницей. Она подтвердила, что Агеев это псевдоним, и что его настоящее имя Марк Леви. Леви был русским евреем — и советским агентом.

Вот ее история. В 1935 году она — ей тогда было двадцать восемь лет — получила от своих друзей по русскому Монпарнасу поручение разыскать автора «Романа с кокаином» в Стамбуле, откуда была прислана рукопись книги. Лидия каждое лето посещала в Стамбуле своих родителей, которые нашли там прибежище после Гражданской войны в России и смогли обосноваться вполне благополучно. Когда Лидия Червинская отыскала указанный адрес в одном из кривых переулков Галаты, старой еврейской части города, ее охватил ужас: она стояла перед домом для умалишенных. Марк Леви страдал галлюцинациями и руки его постоянно дрожали. Лидия вызволила его из этого заведения и благодаря влиянию своего отца устроила в русской книжной лавке.

Марк Леви alias Агеев поведал ей свою историю. Как уроженец Москвы он окончил в родном городе гимназию. Его руки дрожат с тех пор, как во время Гражданской войны он застрелил офицера Красной Армии. После бегства он устроился у своих родственников в Берлине. Работал в скорняжной мастерской, продержался в столице круглым счетом десять лет. Тогда же начал принимать кокаин, хотя и не часто. В 1933 году на пароходе переправился в Стамбул. Он понял, что для него как для еврея в Германии нет будущего. Из Стамбула он послал рукопись «Романа с кокаином» в Париж.

В конце лета поездом «Восточный экспресс» Лидия Червинская покинула столицу на Босфоре. Вскоре после возвращения в Париж, как она вспоминала полстолетия спустя, она получила от Леви почту из Стамбула. В конверте лежал его заграничный паспорт. В приложенном письме Леви просил продлить документ. Речь шла о паспорте какой-то южноамериканской страны. Как видим, до сих пор сведения Лидии Червинской совпадают с тем, что говорил Яновский. Позже отец написал ей из Стамбула, что Леви вернулся в Советский Союз.

Фантом роковой женщины?

Но сведения о южноамериканском паспорте и интригующее указание на то, что Леви был советским агентом, который какое-то время жил в психоневрологической больнице в Турции, были восприняты как совершенно не относящиеся к делу и делающие всю историю Червинской неправдоподобной. Никита Струве шестью восклицательными знаками подчеркнул в своей статье неправдоподобность Червинской.

> «Издатель романа В. Яновский вспоминает лишь о каком-то южноамериканском (!) паспорте Агеева, присланном из Константинополя в Париж для продления (!!) и затерянном Л. Червинской (!!!)»[221].

До описания Червинской действительно не было никаких подтверждений того, что Леви, он же Агеев, написал свой «Роман с кокаином» в Берлине. Выходит, что у Леви не было контактов с другими русскими писателями? Или же он был всего лишь фантомом, выдуманным Лидией Червинской, единственной свидетельницей его существования? Возможно даже, что она придумала эту историю вместе с Набоковым, как гласила новая версия. Набоков с начала тридцатых годов поддерживал регулярные контакты с парижскими литературными кружками. Следовательно, он и Лидия Червинская могли там познакомиться.

В «русском Париже» восприняли рассказы Червинской о ее встрече с Леви со скепсисом[222]. Так, редакция «Последних новостей» отказалась в середине тридцатых годов печатать ее историю о Леви alias Агееве. Полстолетия спустя Лидия Червинская не смогла больше ничего сделать для прояснения этого вопроса. Вскоре после встречи с французским журналистом состояние ее здоровья ухудшилось. В 1988 году она в возрасте восьмидесяти двух лет умерла в госпитале под Парижем.

Тезис о берлинском заговоре

Еще до смерти Лидии Червинской другие следы заводили поиск в тупик, в том числе те, на которые указывал кинорежиссер Геза фон Чиффра, утверждавший, что был знаком с Леви в Берлине. В двадцатые годы в легендарном «Романском кафе», излюбленном месте встреч немецкой и русской артистической богемы, некий Марк Леви время от времени продавал меховые шапки[223]. Чиффра, который по его собственным словам брал

тогда у Набокова уроки английского языка, сообщил далее, что Леви ему представил писатель Йозеф Рот. В биографиях Рота имя Леви, однако, не упоминается. Хранители его рукописного наследия тоже не встречали этого имени.

Чиффра не мог, таким образом, помочь в дальнейших поисках. Поиск следов в Израиле, Франции и США тоже ни к чему не привел. Из этих стран пришли отклики мнимых наследников Леви, но они не знали ничего сверх того, что уже рассказали о версии Лидии Червинской французские газеты и эмигрантская русская пресса. Мнимые наследники явно рассчитывали на часть тех миллионов, которые заработал на бестселлере парижский издатель.

А между тем существование Марка Леви в Стамбуле получило официальное подтверждение. Согласно записям в книгу стамбульского раввината 25 севата 5696 года, то есть 18 февраля 1936 года, в одной из городских больниц умер мужчина с таким именем и был похоронен на следующий день за счет еврейской общины в могиле для бедных[224]. В семидесятые годы еврейское кладбище было снесено, сегодня по могилам проходит стамбульская городская автострада.

Конечно, это указание на существование Марка Леви еще не доказывает, что он является автором «Романа с кокаином». Разве не мог Набоков познакомиться с Леви в Берлине и дать ему рукопись с собой в Стамбул, чтобы замаскировать свое авторство?

Рассказ Червинской мог быть подтверждением этого тезиса: по ее словам, Леви отказался говорить о книге. Уже тогда ходили слухи, что за Агеевым скрывается Набоков. Леви тогда же послал в Берлин объяснительное письмо, которое, очевидно, где-то затерялось. Точно известно, утверждает Червинская, что Леви читал «Подвиг» Набокова-Сирина. Роман, в котором действие первой главы происходит в Стамбуле (что весьма примечательно), был напечатан в 1932 году в журнале «Современные записки». Струве указал на поразительные параллели между «Романом с кокаином» и «Подвигом». Согласно его анализу, Набоков использовал для двух параллельно написанных романов одни и те же заготовки. Один из них подписан псевдонимом Агеев, другой — псевдонимом Сирин.

После второго открытия романа обсуждалась еще одна теория, согласно которой Набоков и Агеев написали этот роман в Берлине вдвоем. Швейцарский автор, литературовед и переводчик Феликс Филипп Ингольд пришел к выводу, что грубые структуры романа (тема, композиция, идеология) принадлежат Леви, в то время как многочисленные стилевые элементы явно указывают на почерк Набокова[225].

Споры о версиях авторства через небольшой промежуток времени стали интересовать только узкий круг славистов. Некоторые из них попытались в последние годы путем филологических исследований опровергнуть Струве[226]. Но история возникновения романа так и оставалась загадкой. В имевшихся лексиконах можно было прочесть расхожую формулировку: «Предполагаемым автором является Марк Леви (умер в 1936 году в Стамбуле), но приписывается также и Владимиру Набокову»[227].

В 1990 году, за год до распада Советского Союза, одно из московских издательств опубликовало роман тиражом в полмиллиона экземпляров[228]. Издательство использовало в качестве рекламы «доказанное авторство» Набокова и сделало на этом великолепный «гешефт». Предисловие было написано Никитой Струве.

Архив московской гимназии

Когда в 1994 году наконец были представлены весомые доказательства авторства Леви и опровержения тезиса о принадлежности романа Набокову, литературный мир почти не обратил на них внимания[229]. Два русских архивиста, Марина Сорокина и Габриэль Суперфин, напечатали в нерегулярно выходящем малотиражном альманахе, публикующем материалы 169 русских архивов, протокол своего поиска следов под названием: «Версии одной судьбы, или о пользе наивного биографизма»[230].

Два литературных детектива попытались подобраться к Агееву на двух разных уровнях. В первую очередь, они поставили задачу выяснить, не носит ли роман автобиографического характера. Действие его происходит прежде всего в кругу учеников и учителей гимназии Клаймана в Москве (петербуржец Набоков никогда не бывал в Москве). До октябрьского переворота 1917 года в Москве действительно существовала гимназия Краймана (название писалось через букву «р», а не через «л»). После длительных поисков в одном из государственных архивов в Москве была найдена часть гимназического архива. В пожелтевших документах находилось важное вещественное доказательство: список учеников выпускного класса 1916 года. На двенадцатом месте числился Марк Леви. Кроме того, еще у двух учеников оказались те же имена, что и у молодых персонажей романа. Два педагога из реальной гимназии Краймана также появляются в гимназии Клаймана из «Романа с кокаином». В

общем, нет сомнения в том, что книга имеет реальный фон.

Исследователи продолжали поиск. Герой романа, описывающий свои эксперименты с кокаином, учился после окончания школы на юридическом факультете Московского университета, где действительно обнаружилось личное дело студента Леви. Когда историки литературы открыли его, их ожидала неожиданность: первая страница дела была датирована не 1916-м, как они ожидали, а 1952 годом. Это был запрос в Московский университет из Педагогического института тогдашней столицы Армянской советской республики. Руководство Ереванского института просило подтвердить, что некий Марк Леви в 1916 году был зачислен на обучение в Москве. 1952 год. Разве Марк Леви не был похоронен в Стамбуле в 1936 году? Значит, история о возвращении Марка Леви в СССР, о которой со ссылкой на своего отца рассказывала Лидия Червинская, верна? А это означает, что в Стамбуле был похоронен другой Марк Леви — это имя и эта фамилия очень распространены среди русских евреев.

Тайные документы Советского посольства

Два исследователя литературы попытались выяснить, как Леви попал в входившую тогда Советский Союз Армению. После утомительной борьбы с московской государственной бюрократией они смогли в 1992 году начать поиски в архиве Министерства иностранных дел. Тогда временным руководителем этого архива, раньше относившегося к категории высшей степени секретности (и сегодня снова закрытого), был активист гражданского движения «Мемориал», требовавший расследования коммунистического прошлого. Отправная точка — советское посольство в Турции, где, по словам Червинской, жил Леви. Действительно, в материалах архива посольства в Анкаре всплыло это имя. В 1942 году — шесть лет спустя после его мнимой смерти — некий Марк Леви был выслан из страны турецкими властями.

К документам была приложена написанная в 1939 году и приемлемо звучащая автобиография, согласно которой Леви родился в 1898 году в Москве, где и жил до 1925 года. Последнее Место работы — переводчик в тамошнем литературном институте Аркос. Снабженный советским загранпаспортом, он легально покинул СССР. Официальное обоснование: желание изучать в Германии скорняжное ремесло. Но в условиях тогдашнего кризиса он вскоре потерял свое рабочее место. После этого

работал в Лейпциге, сначала на фирме Кист-Вахтель, а затем на Айтингер А. Г. Его директор купил Леви парагвайский паспорт. С этим документом он в 1930 году переселился в Стамбул. Сначала давал уроки иностранных языков. С 1933 года работал в издательстве «Hachette». Автобиография прилагалась к заявлению на восстановление гражданства СССР.

Другой документ из дела Леви является заключением на его заявление и составлен 22 апреля 1939 года советским Генеральным консулом в Стамбуле Георгиевским. Генеральный консул пишет, что Леви признает СССР и производит впечатление человека порядочного. Он работает в стамбульском представительстве французского книжного издательства «Hachette», где отвечает за распространение антифашистской и советской литературы. Так как его слишком мало знают, он пока не дает положительного ответа на заявление. В комментариях к биографии Леви говорится: «Им также была написана книга под названием „Роман с кокаином“, которая опубликована в одном из парижских эмигрантских издательств». Леви, по словам советского дипломата, подтверждает, что книга не содержит ни одного слова, направленного против СССР. Он написал ее только для того, чтобы заработать на жизнь.

Следующий документ из архивов советского посольства в Анкаре был написан три года спустя, 9 мая 1942 года. Новый советский Генеральный консул Ахимов сообщает Министерству иностранных дел в Москве, что турецкая полиция потребовала от советского гражданина Марка Леви, чтобы тот покинул страну. Причины высылки турецкая сторона не называет. В соответствии с этим 24 мая 1942 года Леви покинул Турцию и прибыл в армянский город Ленинакан. Версия Лидии Червинской, отвергнутая многими как плод фантазии, оказалась таким образом верной. Получила подтверждение еще одна деталь, казавшаяся совершенно неправдоподобной: Леви действительно имел паспорт южноамериканской страны — Парагвая. За исключением небольших отклонений в датах эти сведения совпадают и с сообщением Червинской о том, что Леви сначала работал в скорняжной мастерской в Берлине, а затем в книжной лавке в Стамбуле.

На службе ГПУ

Московские документы открыли и другую сторону жизни Леви. Он не бежал из Советской России из-за того, что убил офицера Красной Армии, как об этом рассказывала Червинская.

На самом деле он выехал с разрешения властей, очевидно, по поручению ГПУ. Литературный институт Аркос в Москве, в котором он вплоть до своего отъезда работал переводчиком, считался филиалом «секретной полиции». Аркос издавал прежде всего пропагандистскую литературу для заграницы и занимался продажей авторских прав.

Неясно, какие функции выполнял Леви в Германии. Лидии Червинской он рассказывал, что сначала жил в Берлине. Может быть, там он встречался с Набоковым? В середине двадцатых годов Набоков уже попал в поле зрения советских спецслужб. Точно так же загадочными остаются три года между первым заявлением Леви и его действительным возвращением в СССР. Почему заявление 1939 года было отклонено, а заявление 1942 года удовлетворено?

Литературоведы Сорокина и Суперфин нашли свидетельства того, что Леви мог быть замешан в покушении на немецкого посла в Анкаре 24 февраля 1942 года. Покушение во время войны привлекло к себе тогда большое внимание, ибо послом тогда был не кто иной как сам Франц фон Папен, предпоследний немецкий рейхсканцлер перед Гитлером. В связи с этим покушением, при котором Папен остался невредим, турецкая полиция арестовала ряд советских граждан, многие из которых были преданы суду. Два главных обвиняемых, один из них был дипломатом советского Генерального консульства, а другой — торговым представителем, получили по 20 лет тюрьмы.

Снова в СССР

Действительно ли Леви участвовал в этом покушении, до сих пор выяснить не удалось. Но установлено, что он на протяжении многих лет работал в организациях, которые контролировались советской разведкой. Можно предположить, что он какое-то время хотел освободиться от Москвы. Возможно, он в одиночестве эмиграции испытывал желание вернуться на родину. Не исключено, что советская «секретная полиция» предложила Леви сослужить службу отечеству, если он хочет получить въездную визу — например, в форме участия в покушении на Папена. Сергею Эфрону, мужу Марины Цветаевой, который во время Гражданской войны сражался на стороне белых против Красной Армии, тоже перед возвращением на родину пришлось пройти испытание в виде участия в покушении на убийство[231]. Бывший генерал Николай Скоблин, спутник жизни народной певицы Надежды Плевицкой, судьбу которых Набоков описал в рассказе

«Помощник режиссера», принимал участие в похищении двух антисоветски настроенных политиков эмиграции[232]. Эфрон и Скоблин после своего возвращения были ликвидированы, Леви остался жив.

Сорокиной и Суперфину удалось, отталкиваясь от запроса ереванского педагогического института, посланного в 1952 году и давшего ключ к разгадке таинственного возвращения Леви в СССР, реконструировать следующие этапы его биографии. Так как Леви не получил разрешения на проживание в Москве, он поселился в Ереване. Там он сначала работал преподавателем немецкого языка в институте иностранных языков Академии наук Армянской советской республики. Он женился и вел очень замкнутую жизнь. Раз в год он ездил в Москву, но с кем он там встречался, никогда не рассказывал семье. Никогда не упоминал он и о своей писательской деятельности, хотя часто повторял, что в жизни надо испробовать все[233].

Леви умер 5 августа 1973 года в Ереване, так больше и не опубликовав ни одного беллетристического произведения. Десять лет спустя после смерти Леви его «Роман с кокаином» стал мировым бестселлером.

Открытые вопросы

Таким образом, загадку можно было бы считать решенной. Но Никита Струве смотрит на вещи иначе. Необъяснимым остается по-прежнему вопрос, почему после успеха публикации Леви не заявил о своем авторстве. Ведь многие рецензенты оценивали его выше, чем произведения Бунина или Набокова-Сирина. Струве предполагает, что Набоков литературно обработал заготовки из биографии Леви, о которых узнал неизвестным образом[234].

Не сдался и Феликс Филипп Ингольд, защитник утверждения о том, что в данном случае речь идет о совместном произведении Набокова и Леви. Он поставил несколько вопросов, на которые архивные находки Сорокиной и Суперфина не дают ответа. Почему Леви, несмотря на благожелательное восприятие его первенца критикой, не написал больше ни одной другой книги? Почему он, симпатизируя советскому режиму, опубликовал книгу в антисоветском эмигрантском издательстве в Париже?[235] Ингольд убежден, что Набоков и Леви были знакомы в Берлине. По его мнению, Набоков переработал набросок автобиографического рассказа Леви и сделал к нему свои добавления.

Против тезисов Струве и Ингольда говорит, однако, страсть

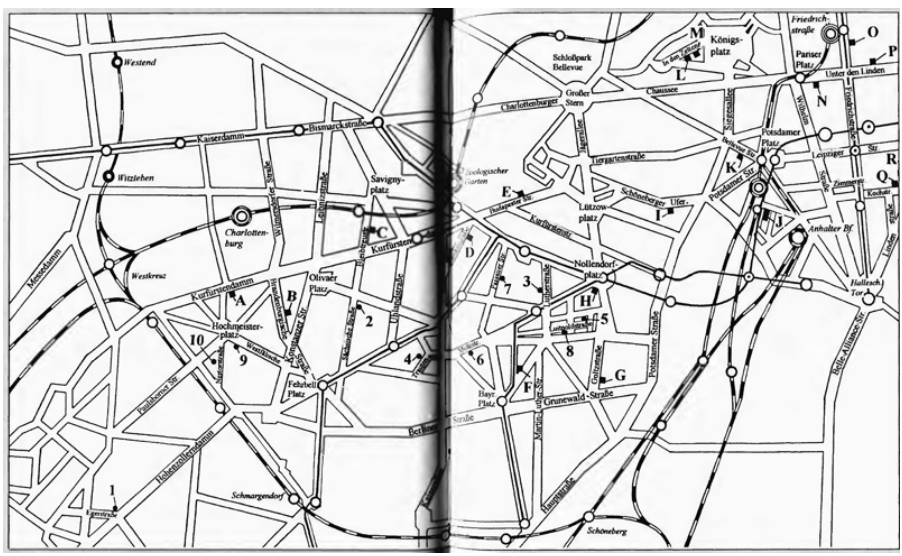
Набокова делать загадочными и шифровать многие вещи, фигуры и факты. Ему доставляло удовольствие не только маскировать и обманывать, но и наблюдать, как читатель старается решить его задачи. Он никогда не упускал случая потом, иногда десятилетия спустя все объяснить смущенному читателю и выставить себя в истинном свете. Но ни в мемуарах Набокова, ни в его корреспонденции нет ни малейшего намека на «Роман с кокаином». Более приемлемым кажется вывод, что Леви является единственным автором этой книги, хотя она, несомненно, несет на себе печать сильного влияния «Подвига» Набокова. Может быть, они действительно когда-нибудь встречались в Берлине, не подозревая, что несколько десятилетий спустя одного из них будут выдавать за другого — тема совершенно во вкусе великого мастера картинок-загадок Набокова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I
ПО СЛЕДАМ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Места проживания

За пятнадцать лет своей берлинской жизни Владимир Набоков никогда не имел собственного жилья. Сначала он жил у родителей, потом в пансионатах или снимал жилье у квартировладельцев. Поэтому его имени нет ни в одной адресной книге того времени.



Набоковские места. Карта Берлина 1930 г.

Nabokovs Berliner Stationen, Stadtplan aus den dreißiger Jahren

1. Egerstraße 1
2. Sächsische Straße 67
3. Lutherstraße 21
4. Trautenaustraße 9
5. Luitpoldstraße 13
6. Motzstraße 31
7. Passauer Straße 12
8. Luitpoldstraße 27
9. Westfälische Straße 29
10. Nestorstraße 22

1. Egerstraße 1/I.Stock (Wilmersdorf) c/o V. D. Nabokoff

Эгеритрассе 1, 2-й этаж (Вильмерсдорф)

Здесь семья проживала с августа 1920 по сентябрь 1921 года. Дом — четырехэтажная вилла с квартирами в целый этаж, построенная в грюндерские времена, — пережил войну без особых разрушений. По обеим сторонам входного портала расположено по фигурке ангелочков. Окна парадного лестничного входа, выполненные в стиле модерн, частично сохранились в оригинальном виде.

Владимир Набоков вместе со своим братом Сергеем приезжал в Берлин из Кембриджа только на межсеместровые каникулы. В этом жилье к его услугам была богатая библиотека с множеством русских книг, ибо хозяйкой, у которой снималась квартира, была Ида Левенфельд, вдова Рафаэля Левенфельда, переводчика Тургенева и Толстого. Здесь Набоков написал свои первые тексты для русской ежедневной газеты «Руль», одним из основателей которой в Берлине был его отец. 7 января 1921 года здесь под псевдонимом «Влад. Сирин» появились три его стихотворения и рассказ «Мир духов».

Здесь его родители пытались продолжить традиции своего петербургского салона. На их приемах и культурных вечерах бывали ведущие деятели русской эмиграции, в том числе живший в Париже писатель Иван Бунин.

2. Sächsische Straße 67 (Wilmersdorf) c/o V. D. Nabokoff
Зексишештрассе 67 (Вильмерсдорф)

Здесь семья проживала с сентября 1921 по декабрь 1923 года.

Почти вся улица была разрушена во время войны, в том числе и дом № 67. Сегодня на его месте стоит построенный в

пятидесятые годы пятиэтажный жилой блок с серым бетонным фасадом.

И здесь родители Набокова устраивали свои приемы и званые ужины. Сюда приходили в гости бывший министр иностранных дел Павел Милюков, который вместе с В. Д. Набоковым являлся членом первого Временного правительства еще с февраля 1917 года; театральный режиссер Константин Станиславский, приезжавший с гастролями в Берлин; знаменитая актриса Ольга Книппер, которая была замужем за драматургом и писателем Антоном Чеховым; писатель Алексей Толстой, с которым В. Д. Набоков познакомился во время поездки русских журналистов в Англию во время Первой мировой войны; наконец, весь ансамбль выступавшего в Берлине Московского Художественного театра.

Здесь Елена Набокова и ее сын Владимир узнали о покушении, жертвой которого 28 марта 1922 года в филармонии в центре города стал В. Д. Набоков.

В квартире на Зексишештрассе Владимир Набоков сочинил свою драму в стихах «Полюс», которая лишь семьдесят три года спустя, в 1996 году была впервые поставлена в Германии — в театре на Легнинерплац, менее чем в километре от того места, где она была написана. За годы жизни в этой квартире вышли первые три книги Владимира Набокова:

— «Гроздь» (1923, лирический сборник);

— «Горный путь» (1923, лирический сборник);

— «Аня в стране чудес» (1923, перевод книги Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес»).

От квартиры отказались в связи с тем, что мать с двумя дочерьми Ольгой и Еленой и младшим сыном Кириллом переселились в Прагу. Чехословацкое правительство в рамках «Русской акции» поддерживало эмигрантов из бывшей царской империи, оно финансировало русскую гимназию и русский университет.

3. Lutherstraße 21/III.Stock (Charlottenburg). Pension Helene Andersen

Лютерштрассе 21, 4-й этаж (Шарлоттенбург). Пансион Елены Андерсен

Здесь Набоков жил с января по август 1924 года. Дом был разрушен во время Второй мировой войны. Сегодня на его месте находится одноэтажное торговое здание с большими окнами витрин.

Набоков занимал в пансионе одну комнату. Своей матери он писал:

> «Я очень доволен своей комнатой, большой и светлой, с великолепным письменным столом и шкафами, которые не скрипят, удобной ванной, […] софой, на вид неказистой, но удивительно мягкой, и, наконец, великолепной уютной кроватью, в которой я буду спать до одиннадцати, так как в моем пансионе встают поздно, в любое время, что, конечно, не нравится хозяйке, желтолицей испанке из Чили с усиками над верхней губой, с которой я говорю по-французски. Еда отличная, ни следа от немецкой скупости, и все вместе за четыре марки в день»[236].

Здесь он написал многочисленные скетчи и короткие пьесы для русского кабаре «Синяя птица». Он мечтал о большом успехе, который принес бы ему достаточный гонорар, чтобы снова вернуть в Берлин из Праги свою мать и брата с сестрами. Но надежды не сбылись. В своей комнате на Лютерштрассе Набоков написал множество рассказов, а также ряд стихов, опубликованных в разных русских газетах. Кроме того, «Руль» регулярно публиковал его стихи под псевдонимом «Сирин». В июле 1924 года он писал своей матери в Прагу: «Не проходит ни одного дня, чтобы я не встретил на улице русских, которые оборачиваются мне вслед и шепчут „Владимир Сирин“…»[237] Некоторое время спустя Набоков навестил ее в Праге, а когда он через две недели вернулся назад, невесте Набокова Вере Слоним пришлось выкупать его пальто у хозяйки пансиона, которая очень волновалась, что ей не заплатят за постой[238].

4. Trautenaustraße 9 (Wilmersdorf), Pension Elisabeth Schmidt

Траутенауштрассе 9 (Вильмерсдорф). Пансион Элизабет Шмидт

Здесь Набоков проживал с августа 1924 по апрель 1925 года. Построенный в 1907 году пятиэтажный дом во время Второй мировой войны получил лишь небольшие повреждения. Окна лестничного пролета в стиле модерн частью сохранились неповрежденными, частью были восстановлены по оригинальной документации. Дом перестроен в 1976 году.

В мемуарах многих русских писателей он упоминается как «русский дом» в Вильмерсдорфе, ибо здесь жили несколько видных русских эмигрантов. В июне и в июле 1922 года здесь жила Марина Цветаева с девятилетней дочерью, которые принимали здесь многочисленных гостей, прежде всего Андрея Белого. В этом пансионе Марина Цветаева написала 10 июля 1922 года свое стихотворение «Берлину»[239].

Берлину

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вздрагивающих асфальтов вдоль
Копыта — как рукоплесканья.

Поздравствовалось — и слилось.
В оставленности златозарной

Над сказочнейшим из сиротств
Вы смилостивились, казармы!

В этом доме в начале августа 1922 года приехавший из Москвы Борис Пастернак искал Марину Цветаеву, свою «сестру по духу», которая, по его мнению, была единственной, кто понимал его поэзию. Оба лихорадочно ожидали встречи, как об этом свидетельствует их корреспонденция. Но за день до его приезда Марина Цветаева покинула Берлин и направилась в Прагу, где ее ожидал муж Сергей Эфрон, который там нашел работу.

С 1997 года рядом с входной дверью установлена мемориальная доска с надписью на двух языках: «В этом доме в 1922 году жила русская писательница Марина Цветаева».

Летом 1922 года здесь снимали комнату Илья Эренбург с женой. Через него этот адрес был известен в Москве и Петрограде, здесь Эренбург принимал вновь прибывших с родины.

Комнату в «Траутенау-хаус», как называли этот пансион сами русские эмигранты, нашла Набокову Вера Слоним. Сама она жила у своих родителей сразу же за утлом, на Ландхаусштрассе 41. Набоков указал этот адрес в загсе Вильмерсдорфа, когда он заказывал там оглашение вступления в брак с Верой.

Наблюдения, собранные в берлинских пансионах, влились в его первый роман «Машенька». В «Траутенау-хаусе» возникли его первые наброски.

5. Luitpoldstraße 13/4. Stock (Schöneberg), c/o Erich Rölke
Луитпольдштрассе 13, 3-й этаж (Шёнеберг)

Здесь Набоков проживал с апреля по июль 1925 года.

Весь ряд домов по Луитпольдштрассе, в котором стояли дом № 13, сгорел до основания в годы Второй мировой войны. Земельный участок является сегодня частью территории начальной школы «Вербелинзее» в Шёнеберге.

Сюда Набоков переехал через две недели после официальной регистрации брака в загсе. Адрес указан на открытке с извещением о вступлении в брак, которую молодые супруги рассылали на французском языке своим друзьям и знакомым.

Двухкомнатную квартиру Вера вместе со своей кузиной Анной Фейгин сняла за несколько месяцев до этого, когда ее родители по финансовым причинам были вынуждены переехать с Ландхаусштрассе 41 в более скромную квартиру. Здесь обе женщины перепечатывали части рукописи «Машеньки». Когда Анна Фейгин в конце апреля 1925 года переехала в Лейпциг,

Набоков смог занять ее комнату[240].

Когда молодая супружеская пара через четверть года съехала с квартиры, произошел конфликт с хозяином квартиры торговцем Эрихом Рельке. Он потребовал платы за квартиру за месяц вперед и спрятал в качестве залога пальто Веры. Но его жена считала требование неправомерным и отдала пальто[241].

6. Motzstraße 31 (Schöneberg), c/o Frau M. v. Lepel
Мотцштрассе 31 (Шёнеберг)

Здесь Набоков прожил с сентября 1925 по май 1926 года.

Вся улица была разрушена в последний год войны. Территория больше не застраивалась.

Хозяйка двухкомнатной квартиры была вдовой майора. Набоков писал о ней, что «она сама могла бы быть майором». Фрау фон Лепель была не из приятных людей, но как хозяйка квартиры — корректна. На ее «изъеденной молью софе» он начал писать окончательный текст своего романа-первенца «Машенька». Здесь же он написал рассказ «Возвращение Чорба» и набросок к очерку «Путеводитель по Берлину».

На Мотцштрассе находился магазин, в котором наряду с другими предметами продавались засушенные насекомые. Набоков регулярно посещал его. Однажды он смог предложить владельцу магазина необыкновенно большую бабочку, которую заметил на пне дерева рядом с шарлоттенбургским вокзалом и сумел осторожно поймать[242].

7. Passauer Straße 12/ZG (Charlottenburg), c/o Horst von Dallwitz
Пассауэрштрассе 12, антресольный этаж (Шарлоттенбург)

Здесь Набоков проживал с сентября 1926 по февраль 1929 года.

Дом был разрушен в 1944 году. На его месте в семидесятые годы был построен дом с апартаментами. На первом этаже сегодня помещается «Кабинет искусств» — «галерея старой и новой графики и рам для картин».

Набоковы сняли обе жилые комнаты на антресольном этаже, когда они, проведя лето за пределами Берлина, вынуждены были срочно покинуть свое первое прибежище, большую комнату — хозяйка еще до этого сдала комнату другому жильцу. Когда квартиросъемщик вернулся из путешествия раньше предполагавшегося срока, он застал в своей комнате супругов Набоковых.

Владелец жилья на Пассауэрштрассе торговец Хорст фон Далльвиц был прибалтийским немцем и говорил по-русски. Набоковы сняли маленькую жилую комнату, в которой можно

было принять максимум двух гостей, и большую спальню. Когда бывало больше гостей, переходили сюда и сдвигали обе кровати в угол[243].

Наискосок через улицу находился русский ресторан, несколькими домами дальше русская книжная лавка Гликсмана (Пассауэрштрассе 3), в которой была устроена библиотека и читальный уголок. Набоков стал постоянным посетителем лавки. Позже он признавался, что за это время не купил ни одной книги, а все интересовавшие его произведения раз за разом читал у Гликсмана и в других русских книжных лавках[244].

Набоков зарабатывал тогда на жизнь главным образом уроками игры в теннис и преподаванием языков. Он начал работать над книгой с русскими грамматическими упражнениями для иностранцев. Но его жена считала, что он не должен тратить на это свое время и взяла работу на себя. Набоков сосредоточился на литературной работе. В этой квартире он написал множество рассказов для «Руля», драму «Человек из СССР», а также роман «Король, дама, валет».

> «Из всех моих романов этот лихой скакун — самый веселый, — писал он четыре десятилетия спустя в своих воспоминаниях. — Эмиграция, нищета, тоска по родине никак не сказались на его увлекательном и кропотливом созидании. Зачатый на приморском песке Померании летом 1927 года, сочинявшийся в продолжение зимы следующего года в Берлине и законченный летом 1928 года, он был опубликован там в начале октября русским зарубежным издательством „Слово“. Это был мой второй русский роман. Мне было двадцать восемь лет. К тому времени я прожил в Берлине, с перерывами, лет шесть. В числе многих других интеллигентных людей я был совершенно уверен, что не пройдет и десяти лет как мы все вернемся в гостеприимную, раскаявшуюся, тонущую в черемухе Россию.
>
> Осенью того же года Ульштейн купил права на немецкое издание. […] Можно легко заключить, что русский писатель, выбирая исключительно немецких персонажей (мы с женою появляемся в двух последних главах только для инспекции), создает себе непреодолимые трудности. По-немецки я не говорил, немецких друзей у меня не было, я не прочитал к тому времени ни одного немецкого романа ни в подлиннике, ни в переводе. Но в искусстве, как и в природе, очевидный изъян может обернуться тонким защитным

приемом. […] Я мог бы перенести действие КаДеВе в Румынию или Голландию. Близкое знакомство с топографией и погодой Берлина определили мой выбор»[245].

Гонорар Ульштейна за «Короля, даму, валета» оказался настолько большим, что Набоковы решили отказаться от квартиры и отправиться на охоту за бабочками во французские Пиренеи. С начала февраля до конца июня 1929 года они пробыли в южной Франции.

8. Luitpoldstraße 27 (Schöneberg), c/o v. Bardeleben
Луитпольдштрассе 27 (Шёнеберг)

Здесь Набоковы прожили с конца августа 1929 года по январь 1932 года.

Дом № 27 по Луитпольдштрассе, как и соседние дома, оказался жертвой войны. Сегодня здесь находится семиэтажный жилой дом с серым фасадом, построенный в пятидесятые годы.

После возвращения из Франции Набоковы на первых порах в течение лета жили в окрестностях Берлина, в основном на берегу Цистензее под Кенигс Вустерхаузеном. В это время Набоков работал над своим романом «Защита Лужина».

Оба хорошо знали этот уголок Шёнеберга, ведь они уже жили здесь в 1925–26 годах. В «Даре» Набоков описал чувства своего героя Федора, когда тот поселяется в доме уже знакомого ему берлинского квартала.

Позже Набоков написал:

> «Мы с женой, тогда еще без ребенка, […] сняли жилую и спальную комнаты на Луитпольдштрассе в Западном Берлине, в громадном и мрачном жилище одноногого генерала фон Барделебена, пожилого господина, который занимался исключительно составлением своего генеалогического дерева; его высокий лоб чем-то напоминал Набокова, и он действительно был в родстве со знаменитым шахматистом Барделебеном, который погиб таким же образом, как и мой Лужин»[246].

На Луитпольдштрассе 27 Набоков продиктовал своей жене окончательный вариант «Защиты Лужина». Влиятельный критик Георгий Адамович осудил роман. Марина Цветаева и Владислав Ходасевич, два значительнейших лирика эмиграции, выступили в защиту. «Этот мальчишка, — писал Иван Бунин, — выхватил пистолет и одним выстрелом уложил всех стариков»[247]. На

Луитпольдштрассе Набоков написал также короткий роман «Соглядатай» и роман «Подвиг».

В 1931 году Набоковы вновь попали в большие финансовые трудности. Две комнаты у отставного офицера стали им не по карману, они были вынуждены съехать.

9. Westfälische Straße 29 (Wilmersdorf), c/o Cohn
Вестфелишештрассе 29 (Вильмерсдорф)

Здесь Набоков прожил с января 1932 по июль 1932 года.

Во время войны от дома остался только первый этаж и часть фасадных стен. В пятидесятые годы он был заново отстроен. На первом этаже сегодня размещается химчистка, на втором этаже находится косметический салон.

Комната в квартире семейства Кон с самого начала рассматривалась как промежуточное решение, ибо предполагалось летом переехать к кузине Веры Анне Фейгин, которая снова вернулась из Лейпцига и поселилась на Несторштрассе 22. От полугодичного пребывания на Вестфелишештрасе у Набокова осталась в памяти главным образом болтливость хозяйки квартиры[248].

Набоков начал в этой комнате работу над романом «Отчаяние».

10. Nestorstraße 22/III (Wilmersdorf), c/o Anna Feigin
Несторштрассе 22, 4-й этаж (Вильмерсдорф)

Здесь Набоковы прожили с июля 1932 года по январь 1937

года.

Дом грюндерских времен получил сильные повреждения в ходе войны, но не был разрушен полностью. Верхние этажи выгорели, в том числе и четвертый этаж, на котором с левой стороны находилась четырехкомнатная квартира Анны Фейгин. В 1952 году верхние этажи были снова отстроены. У квартир сегодня другая планировка, чем в тридцатые годы. На первом этаже сегодня размещается артистическая пивная «Маленький мировой фонарик».

Главной квартиросъемщицей была Анна Фейгин. Ее имя внесено в соответствующий регистрационный список окружного управления. Она предоставила своей младшей кузине Вере и ее мужу две комнаты[249].

В этой квартире Набоков завершил роман «Отчаяние» и написал большую часть «Дара». Работу над этим самым большим из произведений, написанных по-русски, он прерывал в 1933 году, когда «в двухнедельном творческом запое» писал роман «Приглашение на казнь». Как доказал издатель и переводчик Набокова Дитер Э. Циммер, этой улице, Несторштрассе, в романе соответствует Агамемнонштрассе, на которой живет главный герой романа «Дар» Федор Годунов-Чердынцев.

> «Совершенно очевидно, что действие романа происходит за западе Берлина. Упоминается несколько названий: Курфюрстендамм, Гогенцоллерндамм, Виттенбергплац, Кайзераллее, Бранденбургские ворота, Тиргартен, Груневальд. Но Танненбергштрассе и Агамемнонштрассе здесь нет. Тем не менее можно совершенно точно сказать, где Федор и Зина жили под одной крышей. Дом находился непосредственно у площади, которая описана очень наглядно: […] церковь, общественные насаждения, аптека на углу и общественный туалет с деревьями жизни вокруг него. […] Множество улиц, разбегавшихся в разные стороны, выпрыгивавших из-за угла и опоясывавших вышеназванные места поклонений и отдыха, превращают все в одну из тех наглядных картинок, на которых с целью обучения будущих водителей автомобиля нанесены все элементы города, схематически обозначены все возможности столкновения. Справа виднелись ворота трамвайного депо. […] Это трамвайное депо подтверждает предположение: эта площадь, которая вовсе не является площадью, а представляет собой лишь случайную точку пересечения множества улиц (всего их

девять), которые пересекают друг друга под разными углами, речь может идти только о Хохмайстерплац в Берлине-Вильмерсдорфе. Агамемнонштрассе ее не пересекает, но зато ее пересекают Цицероштрассе и Несторштрассе. Но на Несторштрассе, на четвертом этаже жили Набоков и его жена, когда он писал свой роман „Дар“. Выходит, Набоков просто использовал городские кулисы, которые во время работы над романом […] день за днем стояли у него перед глазами, и имя одного пожилого участника Троянской войны заменил именем другого. […] Эта местность во время войны почти полностью была разрушена, в том числе и угловой дом по Несторштрассе 22. Но церковь из красного кирпича и писсуар из красного кирпича стоят и сегодня»[250].

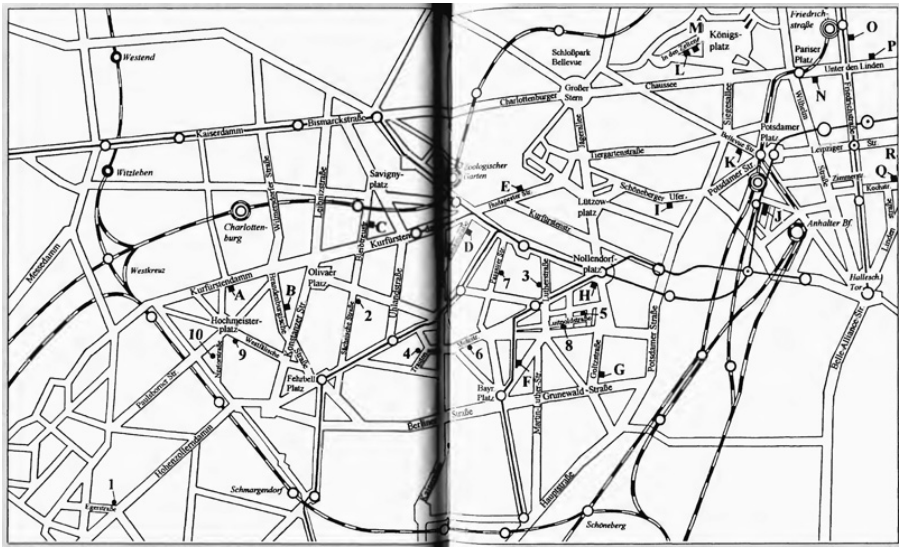
В квартире на Несторштрассе сын Набокова Дмитрий провел первые три года своей жизни. Набоков заботился о нем, почти каждый день он ходил с ребенком гулять по окрестным паркам. До 1936 года Вера была главным кормильцем семьи. Правда, она еще в 1933 году потеряла свою хорошо оплачиваемую работу в еврейской адвокатской конторе «Вайль, Ганс & Дик- манн» (Ландграфенштрассе 1), однако еще три года она могла работать в разных немецких фирмах, руководителям которых уведомления нацистов были безразличны[251]. Лишь с ужесточением «Законов о евреях» в 1936 году она потеряла свою последнюю работу.

Набоков покинул свою квартиру 18 января 1937 года и, видимо, на трамвае и городской электричке доехал до вокзала «Зоо», откуда поездом отправился в Брюссель, чтобы больше

никогда не возвращаться в Берлин и вообще в Германию. Вера еще несколько недель оставалась в городе, пока вместе с Дмитрием не выехала в Чехословакию.

В том же году Анна Фейгин отказалась от квартиры. Как и Набоковы, она после кратковременного пребывания во Франции эмигрировала в Америку. Она жила в Нью-Йорке, пока Вера Набокова в конце шестидесятых годов не перевезла ее в Швейцарию и поселила в шикарном доме для престарелых в Монтре. Анна Фейгин умерла в 1973 году[252].

Приложение II
ПАМЯТНЫЕ МЕСТА



Набоковские места. Карта Берлина 1930 г.

Nabokovs Berliner Stationen, Stadtplan aus den dreißiger Jahren

A. Rollschuhbahn
B. Rathaus Wilmersdorf
C. Russische Vertrauensstelle D Antiquariat «Rossica»
E. Aquarium
F. Privatklinik
G. Kabarett «Blauer Vogel»
H. Cafe Leon
I. Aeroclub
J. Philharmonie
K. Gotrian-Steinweg-Saal
L. Russische Vertrauensstelle
M. Zahnarztpraxis
N. Sowjetbotschaft
O. Schmetterlingshandlung
P. Staatsbibliothek
Q. Ullstein Verlag
R. Redaktion von «Rul»

А) Площадка для катания на роликовых коньках на

Курфюрстендамм 151

В числе мест, которые одиннадцатилетний Владимир посещал вместе со своим братом Сергеем во время первой поездки в Берлин в 1910 году, была площадка для катания на роликовых коньках на Курфюрстендамм. В начале двадцатых годов ее уже больше не существовало. Сегодня на этом месте стоят административные здания.

B) Ратуша в Вильмерсдорфе (Бранденбургишештрассе 23)

25 апреля 1925 года в бюро загс вильмерсдорфской ратуши по адресу Бранденбургишештрассе 23 состоялось бракосочетание Владимира Набокова с Верой Слоним. Здание ратуши было полностью разрушено во время воздушных бомбардировок в ноябре 1943 и апреле 1944 годов. На ее месте сегодня размещается часть окружной администрации. Здание вильмерсдорфской ратуши было построено заново на Фербеллинерплац.

Большая часть архива ратуши все-таки уцелела, в том числе и дело Набокова, на котором стоит регистрационный номер 8641–3653. Среди бумаг имеется запись чиновника загса: «Жених утверждает, что зарабатывает сто пятьдесят марок в месяц»[253]. Родители Веры узнали о браке дочери лишь на следующий день. Мать Набокова жила в это время уже в Праге.

C) Русское доверительное бюро (Бляйбтройштрассе 27)

На улице Бляйбтройштрассе в 1936 году было открыто Русское доверительное бюро, которое находилось под контролем гестапо. Все дома улицы были разрушены во время бомбардировок в 1944 году. Сегодня на этом участке стоит построенный в шестидесятые годы жилой дом, первый этаж которого занимают торговые помещения.

Доверительным бюро руководили стоявшие близко к немецким национал-социалистам русские правые радикалы. Посты секретарей занимали Петр Шабельский-Борк и Сергей Таборицкий, убийцы В. Д. Набокова. В качестве секретарей они выдавали русским эмигрантам справки о «расовой полноценности». Елене Набоковой, сестре писателя, во время

войны жившей в оккупированной Праге, тоже понадобилась такая бумага. Она получила ее из Берлина, и на ней стояли подписи убийц ее отца[254].

D) Антикварный магазин «Россика» (Ранкештрассе 9)

В этом доме с 1921 по 1932 годы находился антикварный магазин «Россика». Здание уцелело во время войны.

«Россика» была самым большим и стабильным из всех русских антикварных магазинов в Берлине, которых в 1923 году насчитывалось более двух дюжин. Здесь временами продавались целые собрания, которые эмигрантам удалось вывезти с родины и которые они теперь вынуждены были продавать. Набоков регулярно посещал это место и иногда долгие часы проводил за чтением и делал выписки. Но покупал он редко, так как сам не имел нужных денег[255].

E) «Аквариум» (Будапештерштрассе)

В «Аквариуме» на территории зоосада (вход с Будапештерштрассе) Набоков в 1922 году сделал предложение семнадцатилетней Светлане Зиверт выйти за него замуж. Она дала согласие, но ее родители выступили против этой связи. Впечатления Набокова от «Аквариума» отразились в его рассказе «Путеводитель по Берлину».

F) Частная клиника на Берхтесгаденерштрассе 25

> «Заглянем еще дальше, в майское утро 1934 года, начертим, утвердясь в этой точке, некую часть Берлина. Я проходил ее, возвращаясь домой в пять часов утра из больницы около Байришер Плац, куда отвез тебя двумя часами раньше. Весенние цветы украшали портреты Гинденбурга и Гитлера в витринах рамочных и цветочных магазинов. Левацкие группы воробьев устраивали громкие утренние собрания в кустах сирени и в кронах лип. Прозрачный рассвет совершенно обнажил одну сторону улицы. На другой стороне дома

> еще синели от холода, тени разной длины постепенно сокращались с той деловитостью, с которой молоденький день перенимает у ночи ухоженный, обильно политый город, где свежий запах асфальта мешается с травянистым духом тенистых деревьев»[256].

Роддом, о котором говорит Набоков в своих мемуарах, это клиника гинеколога д-ра Фридриха Грамбова. В ходе Второй мировой войны дом был разрушен.

G) Кабаре «Синяя птица» (Гольтцштрассе 9)

Бывший кинотеатр на заднем дворе дома № 9 был арендован ансамблем русского кабаре «Синяя птица» и перестроен под зал со сценой. Здание было полностью разрушено во время Второй мировой войны. Сегодня на этом земельном участке стоит жилой дом, построенный в пятидесятые годы. Заднего двора больше нет.

Набоков работал для кабаре больше всего в 1924 и 1925 годах. В большинстве случаев он лично следил за репетициями сочиненных им скетчей и коротких пьес. Тогда он надеялся, что работа для «Синей птицы» сможет обеспечить ему постоянный доход, однако очень часто возникали споры с хозяйственной администрацией о суммах выплачиваемых гонораров.

В 1925 году, через два года после начала исхода эмигрантов из Берлина, от помещения пришлось отказаться. Труппа актеров выступала в других центрах эмиграции, прежде всего в Париже и Праге. В Берлин она приезжала лишь на гастроли[257].

H) Кафе «Леон» (Ноллендорфплац)

На первом этаже кафе «Леон» на Ноллендорфплац с 1922 года раз в неделю собирался «Клуб писателей». Площадь, на которой в первой половине двадцатых годов находились многочисленные русские магазины, парикмахерские, адвокатские конторы, была полностью разрушена в последние два года войны. Начавшаяся в шестидесятые годы новая застройка придала площади совершенно иной вид и иной характер.

Молодой Набоков сначала редко принимал участие в собраниях «Клуба писателей», на которых тон задавали такие известные люди, как Андрей Белый или Алексей Ремизов. Позже Набоков стал более регулярно участвовать в жизни клуба, в том числе и выступал с чтением своих произведений.

I) Аэроклуб (Шёнебергеруфер 40)

В парадном зале Союза авиаторов, именовавшемся аэроклуб, состоялось множество литературных вечеров русской общины Берлина, на которых присутствовал Набоков сначала в роли слушателя, а затем и выступающего. Весь ряд примыкающих домов в конце войны был полностью разрушен. Сегодня это обнесенный забором закрытый для доступа пустырь.

Запротоколировано, например, заседание по случаю «Дней русской культуры» 8 июня 1925 года. Председателем комитета по подготовке праздника был издатель «Руля» Иосиф Гессен. В тот вечер Набоков декламировал свои стихи, его друг Иван Лукаш прочел свой рассказ[258].

Но еще больший успех имел другой литературный вечер,

проходивший здесь за два года до этого. 13 марта 1923 года зал был заполнен до отказа, так как с чтением своих стихов должен был выступать Сергей Есенин. Присутствовали также представители немецкой прессы, которые надеялись поживиться фактиками для газетных историй о скандальном поведении Есенина и о его супруге Айседоре Дункан, которая была на семнадцать лет старше поэта. Но этот вечер в аэроклубе разочаровал прессу: Есенин появился на сцене в трезвом состоянии, запинался и не допускал обычных для него оскорблений публики. Зато этот вечер получил громкое эхо в эмигрантской прессе: совместное выступление скорее аполитичного Есенина вместе с Алексеем Толстым, который к неудовольствию своих земляков по берлинской эмиграции хвалил советскую власть, вызвало бурную реакцию[259].

J) Филармония (Бернбургерштрассе 22/23)

Вечером 22 апреля 1922 года во время политического мероприятия либеральной кадетской партии в филармонии на Бернбургерштрассе 22/23 в зале с фонарем дневного света русскими монархистами был застрелен В. Д. Набоков. Здание, построенное в середине девятнадцатого века и первоначально задумывавшееся как павильон для катания на роликовых коньках, было полностью разрушено во время бомбардировок в конце 1944 года. Сегодня здесь находится современный жилой дом с серым бетонным фасадом.

Во время заседания среди публики находились одетые в гражданское платье сотрудники немецкой политической полиции, однако они не смогли предотвратить покушения. Полицай- президиум Берлина накануне получил сигналы из эмигрантских кругов, что правые радикалы планируют покушение. Центральным пунктом мероприятия было выступление бывшего министра иностранных дел Павла Милюкова, который в глазах монархистов был главным виновником гибели русской империи Покушение устраивалось на него, а не на В. Д. Набокова, который стал жертвой несчастного стечения обстоятельств.

В газете «BZ am Mittag» на следующий день со ссылкой на полицейское сообщение было напечатано:

> «Установлено, что Набоков получил два огнестрельных ранения, одно из них в спину и другое в

грудь. Выстрел в спину, оставивший рану величиной всего с горошину и почти не вызвавший кровотечения, был смертельным. Он поразил сердце и остановил жизнь видного политика и писателя, Набоков умер не приходя в сознание»[260].

K) Зал Готриана-Штайнвега (Бельвюштрассе 14)

В этом зале 1 апреля 1927 года состоялась премьера пьесы Набокова «Человек из СССР». Спектакль прошел при полном зале и с большим успехом. Ансамбль, режиссер Юрий Офросимов и автор много раз вызывались публикой на поклоны. Эмигрантская пресса отозвалась на премьеру восторженно. Офросимов был известным театральным деятелем из Санкт-Петербурга, он принадлежал к числу важнейших деятелей кабаре «Синяя птица». Репетиции пьесы начались в конце 1926 года в присутствии Набокова.

Весь ряд домов по Бельвюштрассе был разрушен в конце 1944 года. Руины были разобраны в пятидесятые годы, территория выровнена. Она входила в пограничную полосу, на которой солдаты ГДР соорудили противотанковые заграждения и минные поля. Сегодня на этом земельном участке находится центр «Sony».

L) Русское доверительное бюро (Ин ден Цельтен 16)

В 1920 году по согласованию с немецким Министерством иностранных дел и полицейскими властями в этом доме было оборудовано Русское доверительное бюро. К числу его инициаторов принадлежали В. Д. Набоков и Иосиф Гессен, которые вдвоем руководили и либеральной газетой «Руль». Первым руководителем его стал известный бывший русский дипломат Сергей Боткин.

Доверительное бюро играло роль своего рода официального представительства эмигрантской колонии по отношению к немецким властям. В правовом отношении это было, однако, не административное учреждение, а добровольный союз. Немецкая сторона настаивала на том, чтобы русские эмигранты создали некое головное объединение русских эмигрантов, которое отвечало бы и за подбор сотрудников и за функционирование

Доверительного бюро. Но это головное объединение так и не было создано. С 1933 года национал-социалисты стали оказывать давление на Доверительное бюро, которым до сих пор руководили либеральные эмигранты, год спустя старое руководство Бюро покинуло Германию. В 1936 году по инициативе гестапо была создана государственная служба наблюдения за русскими эмигрантами, которая тоже называлась «Доверительное бюро».

Весь ряд домов был полностью уничтожен во время войны. В пятидесятые годы на западном конце улицы был построен зал «Конгрессхалле». В годы разделенного Берлина на улице находились автостоянки и складские помещения. Сегодня этот земельный участок и прилежащие участки входят в территорию новой канцелярии правительства ФРГ.

M) Зубоврачебный кабинет (Ин ден Цельтен 18a)

Во время первого пребывания в Берлине в 1910 году Владимиру Набокову и его брату Сергею лечил зубы поселившийся в Берлине американский зубной врач.

> «Американский зубной врач — Лоувель или Лоуен — я не могу точно вспомнить его имени, выдернул у нас пару зубов и связал остальные бинтом, прежде чем разукрасить нас скобами. […] „Ин ден Цельтенахтцен а“ — этот адрес на своих трохеических танцующих ножках легко всплывает в моей памяти, непосредственно сопровождаемый жужжанием электрической тележки, которая доставляла нас туда»[261].

Набоков пишет в своих воспоминаниях, что врача звали Лоувель или Лоуен. Однако в берлинской адресной книге того времени зарегистрирован некий В. Г. Лау.

N) Советское посольство (Унтер ден Линден 63–67)

В церкви русского посольства, адрес которого тогда еще значился по Унтер ден Линден под номером 7, 30 марта 1922 года состоялось отпевание убитого за два дня до этого В. Д. Набокова. Посольство было также центром советского аппарата разведки в Берлине.

Старое здание, которое называлось Курляндский дворец, было построено в 1732 году. В 1831 году оно было арендовано для русского посланника, в 1837 году куплено правительством Российской империи. При передаче здания из России были привезены 149 телег русской земли, которой покрыли двор. Приемы проводились в большом зале в стиле рококо, одном из красивейших залов Берлина. Непосредственно после немецкого нападения на Советский Союз летом 1941 года посольство было эвакуировано. Осенью того же 1941 года здание стало резиденцией имперского министра по делам оккупированных восточных областей. Еще в 1942 году оно было разрушено во время авиационного налета.

Во время отпевания по русскому обычаю перед алтарем был установлен открытый гроб с 206 покойным. Церковь во дворе посольской территории находилась тогда еще в ведении русской православной церковной общины Берлина, в то время как служебные и парадные помещения еще за четыре года до этого были приняты уполномоченными руководимого Лениным советского правительства.

О) Магазин бабочек Груберта (Фридрихштрассе 159)

К излюбленным адресам одиннадцатилетнего Владимира Набокова, который в 1910 году на три месяца приезжал в Берлин вместе с родителями и братом Сергеем, принадлежал большой торговавший насекомыми магазин на углу тогда уже изысканной и дорогой Фридрихштрассе и Унтер ден Линден. Весь этот квартал был разрушен в 1944–45 годах. Сегодня на этом земельном участке стоит «Гранд-отель».

В двадцатые годы магазина этого уже не было. В своих «Воспоминаниях» Набоков не совсем точно указывает имя владельца (Грубер вместо Груберт):

> «Для меня […] на углу пассажа Грубера был знаменитый магазин бабочек, пропахший камфарой рай над крутой узкой лестницей, по которой я поднимался каждый второй день, чтобы справиться, не раздобыли ли для меня нового зеленого махаона Чапмана или недавно открытую белянку Манна»[262].

Р) Государственная библиотека на Унтер ден Линден

В Государственной библиотеке на Унтер ден Линден Набоков много раз бывал в период с 1932 по 1934 год, когда он изучал источники по биографии русского социального критика Николая Чернышевского, фиктивная биография которого встроена в четвертую главу романа «Дар». Набоков работал в Купольном зале — построенном непосредственно перед Первой мировой войной центральном зале этого парадного сооружения вильгельмовской эпохи. Во время Второй мировой войны библиотека сильно пострадала, Купольный зал был полностью разрушен.

Из-за портрета Чернышевского у «Дара» едва ли были перспективы когда-либо появиться в Советском Союзе. «Занятно было бы, — писал Набоков позже, — представить себе режим, при котором „Дар“ могли бы читать в России»[263].

О) Издательство «Ульштейн» (Кохштрассе 22)

В главном здании издательства «Ульштейн» с момента основания в 1920 году до 1924 года находилась редакция «Руля», «Русской демократической газеты», как об этом уведомлялось на немецком языке в шапке газеты.

На Кохштрассе, берлинской «газетной миле», в двадцатые годы размещалось более четырех десятков различных редакций. Издательству «Ульштейн» принадлежали, например, такие газеты, как «Берлинер Цайтунг», «Берлинер Абендпост», «БЦ ам Миттаг» и «Фоссише Цайтунг». Все эти газеты, как и «Руль», придерживались либерально-консервативного направления. Так как Ульштейны были евреями, они вынуждены были в 1933 году отказаться от издательской деятельности, часть газет была закрыта нацистами. Весь газетный квартал на Кохштрассе и прилегающих к ней улицах был разрушен во время массированных воздушных атак 3 февраля 1945 года. Лишь в шестидесятые годы этот участок, непосредственно прилегавший к берлинской стене рядом с американским контрольно-пропускным пунктом «Чекпойнт Чарли», был снова застроен. Его приобрело издательство «Аксель-Шпрингер-Ферлаг». Издательство «Ульштейн» сегодня тоже размещается здесь.

В 1923 году, самом успешном для «Руля», тираж его составлял двадцать тысяч экземпляров, отдел подписки рассылал ее в триста шестьдесят девять городов в тридцати четырех странах. В конце 1923 года газета стала экономически нерентабельной, и в 1924 году издательство «Ульштейн» и «Руль» разделились. Редакция «Руля» переехала из просторных помещений главного здания издательства «Ульштейн» на параллельно пролегающую Циммерштрассе[264].

R) Редакция «Руля» (Циммерштрассе 7–8)

С 1924 по 1931 год в одной из трехкомнатных квартир дома 7–8 по Циммерштрассе размещалась редакция «Руля». Этот участок южной части Циммерштрассе в межвоенное время входил в газетный квартал. Во время войны он был полностью разрушен. Руины были в пятидесятые годы снесены, так как по улице проходила демаркационная линия между американским и советским секторами оккупации. С 13 августа 1961 года более двадцати восьми лет на южной части Циммерштрассе стояла берлинская стена. После того как стена была снесена, в начале девяностых годов на южной части улицы был построен жилой поселок с трехэтажными домами. Со стороны двора находится стоянка для автомобилей.

Как постоянный сотрудник газеты Набоков часто бывал здесь в двадцатые годы. После отделения от издательства «Ульштейн» газету финансово поддерживал русский миллионер Август Каминка, который дружил с Набоковыми еще с петербургских времен. Официально он числился директором-распорядителем и, будучи человеком состоятельным, имел возможность после смерти отца финансово поддерживать мать Набокова.

В 1927 году главный редактор газеты Иосиф Гессен в редакционном помещении подвергся нападению русских националистов за то, что он был евреем. По этой причине дом на многие месяцы был поставлен под охрану полиции. Три года спустя редакцию опустошила мобильная команда немецких коммунистов. Гессен предполагал, что это было сделано по заданию советского посольства[265].

Приложение III
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

В некоторых справочниках в качестве даты рождения Владимира Набокова указывается 22 апреля 1899 года, в других указывается 23 апреля 1899 года. Причина в разнице между действовавшим в царские времена юлианским календарем, который сегодня обозначается термином «по старому стилю», и действующим в Европе григорианским календарем. Россия отставала от «Старого Света» на двенадцать-тринадцать дней. От столетия к столетию разница подсчитывалась по разному. В девятнадцатом веке она составляла двенадцать дней, в двадцатом — тринадцать дней.

> «По старому стилю я родился 10 апреля, на утренней заре, в последнем году прошлого века, и, скажем, в Германии (если бы меня удалось мигом переправить за границу) это было бы 22 апреля; но поскольку все дни моего рождения праздновались, со все убывающей помпой, в двадцатом веке, все, и я в том числе, пока революция и изгнание не передвинули меня из Георгианского календаря в Юлианский, привычно добавляли к 10 апреля тринадцать дней вместо двенадцати. Ошибка серьезная. Как тут быть? В самом последнем из моих паспортов в качестве „даты рождения“ указано „23 апреля“, что является также датой рождения Шекспира»
>
> *(Память, говори; стр. 321).*

Набоков мог бы еще добавить, что 22 апреля — это день рождения революционера Владимира Ленина (1870–1924), в годы партийного господства торжественно отмечавшийся у него на родине как большой праздник. Формально точнее было бы сказать, что Набоков родился в один день с Лениным, а не с Шекспиром.

Жизнь и творчество В. Набокова (обычный шрифт)
События в России и эмиграции (курсив)

1899 В Санкт-Петербурге в семье либерального политика, публициста и правоведа Владимира Дмитриевича Набокова и его жены Елены родился сын-первенец Владимир. После него родились сын Сергей (1900), дочери Ольга (1903) и Елена (1906)

и младший сын Кирилл (1911)

1905 *Разгром рабочих восстаний в Санкт-Петербурге и Москве, а также военных мятежей*

1906 *Роспуск думы; ужесточение внутриполитического курса*

1908 Арест отца за его критику политики царя Николая II

1910 Трехмесячное пребывание в Берлине

1914 *Вступление России в Первую мировую войну*

1917 Назначение отца главой первого Временного правительства России после свержения царя; арест отца на пять дней после захвата власти большевиками; бегство семьи в Крым

1917 *Отречение от престола царя Николая II; отказ от престолонаследия великого князя Михаила (февральская революция); захват власти большевиками (позже объявленный коммунистами «Великой Октябрьской революцией»)*

1918 *Начало Гражданской войны в России (белогвардейцев против Красной Армии); создание «тайной полиции» (ЧК)*

1919 Бегство семьи через Стамбул в Афины; дальнейший путь через Париж в Лондон

1919 *Провал попытки Карла Радека по поручению Москвы организовать захват власти коммунистами в Берлине*

1919–1922 Изучение романистики и истории русской литературы в Кембридже

1920 Переезд родителей с детьми в Берлин

1920 *Победа Красной Армии, руководимой Львом Троцким, над последними формированиями белых; создание русских эмигрантских организаций и издательств в Берлине (в том числе ежедневной газеты «Руль»)*

1921 *Приезд в Берлин видных русских писателей (в том числе Андрея Белого, Ильи Эренбурга, Максима Горького, Алексея Ремизова)*

1922 Убийство отца русскими монархистами в Берлине; похороны отца в Берлине-Тегель; переезд в Берлин; помолвка с семнадцатилетней Светланой Зиверт

1922 *Рапалльский договор; дипломатическое признание Берлином советского правительства; приезд в Берлин писателей Алексея Толстого, Виктора Шкловского, Бориса Пастернака, Владислава Ходасевича; суд над убийцами В. Д. Набокова — Петром Шабельским-Борком и Сергеем Таборицким — приговаривает их к тюремному заключению*

1923 Разрыв помолвки; первая встреча с Верой Слоним; переезд матери с сестрами и младшим братом в Прагу

1923 *Денежная реформа в Германии; распад эмигрантской колонии; отъезд из Берлина всех знаменитых писателей*

1924 *Смерть Владимира Ленина; начало возвышения Иосифа*

Сталина

1925 Бракосочетание с Верой Слоним в Берлине-Вильмерсдорфе

1925 *Приезд в Берлин Марка Леви, предположительно являвшегося советским агентом*

1926 Роман «Машенька»

1927 Пьеса «Человек из СССР»

1927 *Петр Шабельский-Борк выпущен из тюрьмы; шпионская афера «Трест»*

1928 Роман «Король, дама, валет»

1930 Роман «Защита Лужина»

1930 *Возвращение композитора Сергея Прокофьева в Россию; переселение Марка Леви в Турцию*

1931 *Прекращение издания «Руля» ввиду финансовых трудностей*

1932 Роман «Подвиг»

1933 Роман «Смех в темноте»

1933 *Клятвенное заявление русских националистических организаций в Берлине о верности Адольфу Гитлеру; эмиграция русских евреев из Германии; присуждение Нобелевской премии Ивану Бунину*

1934 Рождение в Берлине сына Дмитрия

1934 *Публикация одним из русских эмигрантских издательств «Романа с кокаином»*

1935 *«Расовые законы» немецких национал-социалистов*

1936 Романы «Отчаяние», «Приглашение на казнь»

1936 *Переход Русского доверительного бюро в Берлине в ведение гестапо; назначение Петра Шабельского-Борка и Сергея Таборицкого секретарями этого бюро; начало московских показательных процессов*

1937 Переезд из Германии во Францию

1937 *Арест эмигрировавшей народной певицы Надежды Плевицкой после похищения белого генерала в Париже*

1938 Роман «Дар»; пьесы «Событие», «Изобретение Вальса»

1938 *Карл Радек в ходе показательного судебного процесса осужден на десять лет исправительно-трудовых лагерей; Александр Тарасов-Родионов расстрелян в ходе «большой чистки»*

1940 Бегство из Франции в США за несколько дней до вступления фашистского вермахта в Париж

1940 *Роспуск всех эмигрантских организаций во Франции по распоряжению немецких оккупационных властей; начало арестов евреев во всех оккупированных странах*

1941 Первый англоязычный роман «Истинная жизнь Себастьяна Найта»

1941 *Нападение Германии на Советский Союз*

1942–1948 Лектор в Wellesley College и смотритель коллекции бабочек в зоологическом музее Гарварда

1942 *Возвращение Марка Леви в СССР*

1944–1945 *Разрушение памятных мест «русского Берлина» в результате воздушных бомбардировок и уличных боев*

1945 Смерть брата Сергея в концентрационном лагере Нойенгамме под Гамбургом

1947 Роман «Под знаком незаконнорожденных»

1948–1958 Кафедра русской и европейской литературы в университете Корнеля

1953 *Смерть Иосифа Сталина под Москвой; смерть Ивана Бунина в Париже*

1955 Роман «Лолита»; международный скандал вокруг запрещенной в США и опубликованной в Париже книги

1956 *Политическая «оттепель» в СССР*

1957 Роман «Пнин»

1958 *Присуждение Нобелевской премии в области литературы Борису Пастернаку*

1960 Переезд в Швейцарию

1962 Роман «Бледное пламя»; первая экранизация романа «Лолита» (режиссер Стэнли Кубрик)

1964 Перевод «Евгения Онегина» А. С. Пушкина на английский язык с подробными комментариями

1964 *Начало процессов в Москве против подпольных авторов (самиздата) и диссидентов*

1966 Новая редакция автобиографии «Память, говори»; перевод «Лолиты» на русский язык

1969 Роман «Ада, или Радости страсти»

1973 *Смерть Марка Леви в Ереване*

1974 Роман «Смотри на арлекинов!»

1977 Смерть в Лозанне (Швейцария)

Приложение IV
Фотографии

Прагер Плац. 1900 год. Позднее эта площадь стала «сердцем русского Берлина»

Владимир Набоков. Фото сделано в магазине КаДеВе в Берлине. 20-е годы

Вера Набокова. Середина 20-х годов

Вера и Владимир Набоковы с двухлетним сыном Дмитрием в берлинском районе Вильмерсдорф. 1936 год

Могила отца писателя В. Д. Набокова на русском кладбище в берлинском районе Тегель

Berlin

Vossische Zeitung

Mittwoch, 29. März 1922

Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen

Der Mord an Senator Nabokow.

Neue schüsse vollten 6 Opfer ihr Leben — Geständnis der Täter.

Verhaftung einer russisch-amerikanischen Expedition in Berlin.

Ein russischer Freundschafts-Kongreß in Berlin eingetroffen.

Das Attentat auf Miljukow.

Der Anfang der russischen Monarchie.

«Фоссише Цайтунг» от 29 марта 1922 года (вечернее издание)

РУЛЬ

1.50

RUL „russische demokratische Tageszeitung"

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

№ 417-8 | Четвергъ, 30 (17) марта 1922 г. | 5-й г. изд.

Владиміръ Дмитріевичъ Набоковъ

трагически погибъ 28-го марта 1922 года

Помяни друга.

В. Д. Набоковъ.

Редакція, сотрудники и издательство „Руля"

Владиміра Дмитріевича НАБОКОВА.

члены Берлинской группы секуть народной свободы

Владиміра Дмитріевича НАБОКОВА.

Комитетъ Общества Помощи Русскимъ Гражданамъ въ Берлинѣ

Владиміра Дмитріевича НАБОКОВА

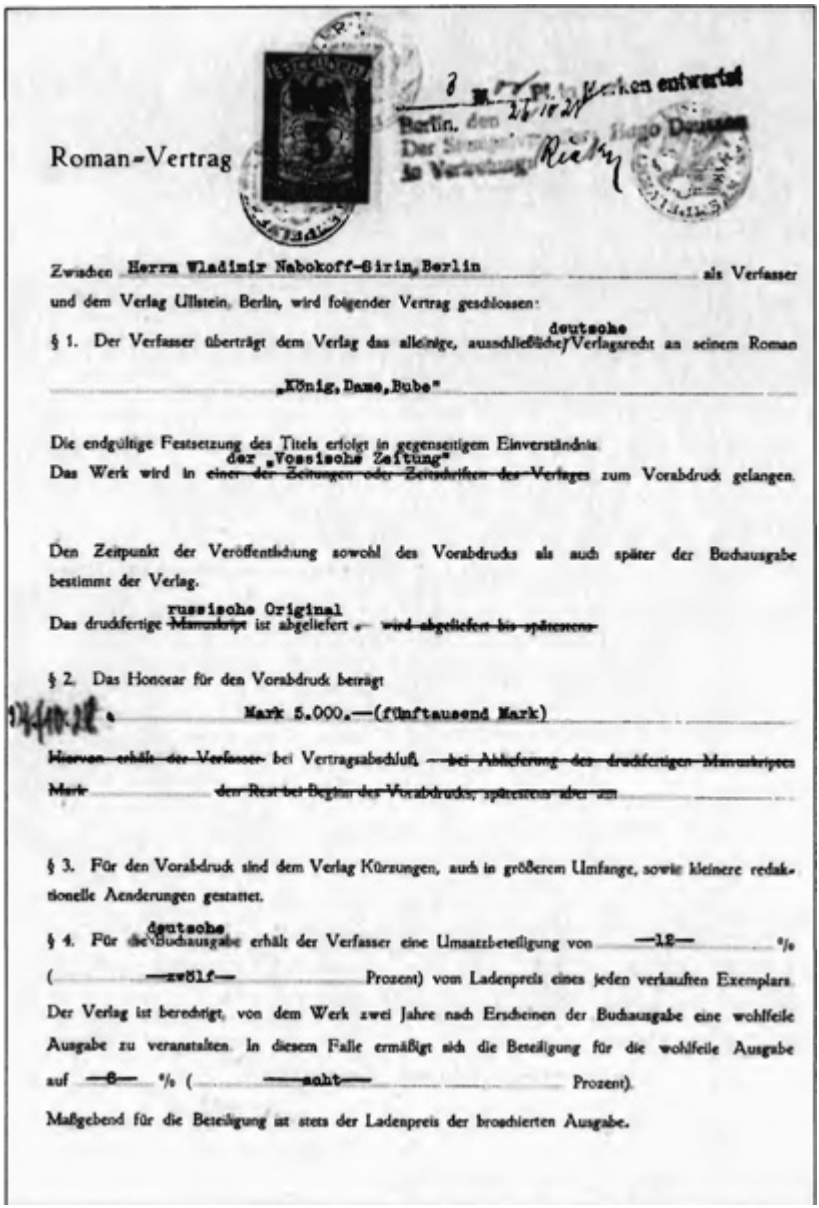
Правленіе союза русскихъ журналистовъ и литераторовъ въ Германіи

Владиміра Дмитріевича НАБОКОВА

Правленіе издательства „Слово"

Владиміра Дмитріевича НАБОКОВА.

Русская газета «Руль» от 30 марта 1922 года



Roman-Vertrag

Berlin, den 26.10.28

Zwischen Herrn Wladimir Nabokoff-Sirin, Berlin als Verfasser
und dem Verlag Ullstein, Berlin, wird folgender Vertrag geschlossen:

§ 1. Der Verfasser überträgt dem Verlag das alleinige, ausschließliche deutsche Verlagsrecht an seinem Roman

„König, Dame, Bube"

Die endgültige Festsetzung des Titels erfolgt in gegenseitigem Einverständnis.
Das Werk wird in ~~einer der Zeitungen oder Zeitschriften des Verlages~~ der „Vossische Zeitung" zum Vorabdruck gelangen.

Den Zeitpunkt der Veröffentlichung sowohl des Vorabdrucks als auch später der Buchausgabe bestimmt der Verlag.
Das druckfertige ~~Manuskript~~ russische Original ist abgeliefert. ~~wird abgeliefert bis spätestens~~

§ 2. Das Honorar für den Vorabdruck beträgt
14.10.28. Mark 5.000.—(fünftausend Mark)
~~Hiervon erhält der Verfasser~~ bei Vertragsabschluß ~~bei Ablieferung des druckfertigen Manuskriptes~~
~~Mark~~ ~~den Rest bei Beginn des Vorabdrucks, spätestens aber am~~

§ 3. Für den Vorabdruck sind dem Verlag Kürzungen, auch in größerem Umfange, sowie kleinere redaktionelle Aenderungen gestattet.

§ 4. Für die deutsche Buchausgabe erhält der Verfasser eine Umsatzbeteiligung von —12— % (—zwölf— Prozent) vom Ladenpreis eines jeden verkauften Exemplars.
Der Verlag ist berechtigt, von dem Werk zwei Jahre nach Erscheinen der Buchausgabe eine wohlfeile Ausgabe zu veranstalten. In diesem Falle ermäßigt sich die Beteiligung für die wohlfeile Ausgabe auf —8— % (——acht—— Prozent).
Maßgebend für die Beteiligung ist stets der Ladenpreis der broschierten Ausgabe.

Договор Владимира Набокова с издательством «Ульштейн». Октябрь 1928 года

Ноллендорфплац, начало 30-х годов

Под прицелом агентов Москвы: дом издательства «Ульштейн» на Кохштрассе, в котором располагалась редакция русской газеты «Руль»

Типография газеты «Руль»

Сцена из представления русского кабаре «Синяя птица»

Немецкое издание первого романа Владимира Набокова «Машенька»

НАКАНУНЕ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Под редакцией Ю. В. ИЛЬЧИНКОВА и Г. Л. КИРДЕЦОВА

При ближайшем участии С. С. Лукьянова, В. В. Дешевова и Ю. К. Потехина

„Nakanune"

Russische Tagszeitung

Quotidien russe

ЦЕНА 2 марки Mark

Русско-германский договор.

Русская газета «Накануне», финансируемая из Москвы

Der internationale Kunstmarkt

König, Dame, Bube

«Фоссише Цайтунг» от 15 марта 1930 года

Купольный зал Государственной библиотеки на улице Унтер-ден-Линден.

Здесь Владимир Набоков и Федор Годунов-Чердынцев изучали материалы по биографии Николая Чернышевского

Лидия Червинская. Середина 30-х годов

Марк Леви в студенческие годы

Эгерштрассе, 1

Траутенауштрассе, 9

Несторштрассе, 22

Упомянутый в романе «Дар» домик на Хохмайстерплац

notes

Примечания

1

ВН (АП), т. 5, стр. 555.

2

Владислав Ходасевич. Собр. соч. в двух томах, т. 2. Париж, 1982–1983, стр.23.

3

Известия ВЦИК (Москва), 05.02.1923, стр.3.

4

Андрей Белый. Одна из обитателей царства теней. Ленинград, 1924, стр.30.

5

Ср.: Karl Schlögel. Berlin: «Stiermutter unter den russischen Städten» // Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren, 1917 bis 1941. München, 1994, S. 340.

J. Rabinowitsch. Die Rechtslage der staatenlosen russischen Emigranten in Deutschland //Osteuropa (Berlin), 3 Jg. 1927–1928, S. 617–625.

ВН (АП), т. 5, стр. 554.

8

Fritz Mierau (Hrsg.). Russen in Berlin. Literatur Malerei Theater Film 1918–1933. Leipzig, 1987, S. 2.

9

Иосиф Гессен. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж, 1979, стр. 53.

10

Hans Erich Volkmann. Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. Würzburg, 1966, S. 5.

11

В рассеяньи сущие — повесть из эмигрантской жизни. Берлин, 1923, стр. 37.

12

John Hope Simpson. The Refugee Problem. London, 1939, p. III.

13

Gottfried Kratz. Russische Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg // Russische Autoren und Verlage in Berlin. Hrsg. T. R. Beyer. Berlin, 1987, S. 39–150.

14

ВН (АП), т. 5, стр. 558.

15

ВН (АП), т. 5, стр. 560–561.

16

Марина Цветаева. Письмо Ю. Иваску// Русский литературный архив. Нью-Йорк, 1956, стр. 209.

17

Роман Гуль. Я унес Россию. Апология эмиграции, т. I. — Россия в Германии. Нью-Йорк, 1981, стр. 76.

18

Лазарь Флейшман. Борис Пастернак в 20-е годы. Мюнхен, 1980, стр. 25.

19

Виктор Шкловский. Zoo, или письма не о любви. Берлин, 1923, стр. 65.

20

Иван Бунин. Воспоминания. Париж, 1950, стр. 234.

3. Арбатов. Ноллендорфплацкафе — литературная мозаика // Грани (Франкфурт) 41 (1959), стр. 106–122.

22

Сергей Есенин. Собр. соч. в 6 томах. Москва, 1980, т. 6, стр. 126.

23

Ewa B6rard. Ilja Erenburgs Berliher Zeit (1921–1923) // Russische Emigration in Deutschland 1919–1941. Hrsg. K. Schlögel. Münchcn, 1955, S. 323–333.

24

Нина Берберова. Курсив мой. Автобиография. Москва, 1996, стр. 216 (перепечатка издания: Мюнхен, 1972).

25

Илья Эренбург. Люди годы жизнь. Кн. 3 и 4. Москва, 1963, стр. 31.

John Malmstad. Andrej Belyj at Ноше and Abroad (1917–1923) // Europa Orientalis (Roma) 8 (1989), S. 466.

27

Виктор Шкловский. Собр. соч. в трех томах. Москва, 1973, т. 1, стр. 230.

28

Андрей Белый. Одна из обитателей, стр. 29.

29

Нина Берберова. Курсив мой, стр. 189.

30

Александр Бахрах. Андрей Белый в Берлине // Континент (Париж) 3 (1975), стр. 302–303.

31

Андрей Белый. О «России» в России и о «России» в Германии // Беседа (Берлин) 1 (1923), стр. 213.

32

Thomas Mann. Gesammelte Werke. Frankfurt/Main, 1960–1974, Bd. 10, S. 593.

33

Илья Эренбург. Собр. соч. в 9 томах. Москва, 1962–1966, т. 6, стр. 400.

34

Илья Эренбург. Собр. соч., т. 7, стр. 307.

35

In vacuo — в пустоте **(лат.).**

ВН (АП), т. 5, стр. 558.

E. Dürken. Die russische Emigration am Scheideweg, in: Völkischer Beobachter (Berlin) 25.5.38. S. 2.

38

1) ВН (АП), т. 5, стр. 343.

The Paris Review, 10.1967, p. 20.

ВН (АП), т. 5, стр. 528.

41

ВН (АП), т. 5, стр. 532.

42

Руль. Берлин, 21.10.1921.

43

Karl Schlögel. «Neue Quellen zur Erforschung der russischen Emigration in Deutschland» // Russische Emigration in Deutschland 1918–1941, Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1995, S. 479.

44

Иосиф Гессен. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж, 1979, стр. 119–120.

45

Гессен, стр. 134.

Гессен, стр. 135.

47

Борис Носик. Мир и дар Владимира Набокова. Первая русская биография. Москва, 1995, стр. 147–148.

Andrew Field. Nabokov: His Life in Part. New York, 1977, p. 81.

Vorwärts (Berlin). Abendausgabe 30.03.1922, S. 5.

50

Bettina Dodenhoeft. «Laßt mich nach Rußland heim». Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt/Berlin/Bern, 1993, S. 51.

Dodenhoeft, S. 51.

52

Andrew Field. VN — The Life and Art of Vladimir Nabokov. New York, 1986, p. 75.

53

1) ВН (АП), т. 5, стр. 561.

54

Brian Boyd. Vladimir Nabokov. The Russian Years. Princeton NJ, 1990, p. 272.

Boyd, p. 257.

ВН (АП), т. 5, стр. 546.

ВН (АП), т. 5, стр. 547.

58

Andrew Field. Nabokov: His Life in Part. New York, 1977, p. 154; Boyd, p. 377.

59

Andrew Field. VN — The Life and Art of Vladimir Nabokov. New York, 1986, p. 121.

60

«Слова приходят потом… Дмитрий Набоков намеревается издать последний неопубликованный роман своего отца» // Итоги (Москва), 10.03.1998, стр. 67.

Field. VN — Life and Art, p. 121.

ВН (АП), т. 5, стр. 561.

63

Boyd, p. 259.

ВН (АП), т. 5, стр. 555.

Field. VN — Life and Art, p. 120.

Nicolas Nabokov. Zwei rechte Schuhe im Gepäck. Erinnerungen eines Weltbürgers. München, 1979, S.129.

67

Нина Берберова. Курсив мой. Автобиография. Москва, 1996, стр. 371.

ВН (АП), т. 5, стр. 565.

69

Vladimir Nabokov. Poems and Problems. New York, 1970, p. 13.

ВН (АП), т. 5, стр. 558.

Boyd, p. 201–202.

72

Борис Носик. Мир и дар Владимира Набокова. Первая русская биография. Москва, 1995, стр. 177–180.

Field. Life in Part, p. 180.

Иосиф Гссссн. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж, 1979, стр. 70.

Dmitri Nabokov. «The Lolita Legacy: Life with Nabokov's Art» // The Nabokovian [Lawrence/Kansas] 37 (1996), p. 26.

Field. Life in Part, p. 79.

Field. Life in Part, p. 180.

Борис Носик. «Жена Набокова» // Эмиграция [Москва] 38(1993), стр. 5.

79

Зинаида Шаховская. В поисках Набокова. Париж, 1979, стр. 40.

Boyd, p. 341.

81

Field. Life in Part, p. 190.

Amory Burchard. Klubs der russischen Dichter in Berlin 1920–1941. Institutionen des literarischen Lebens im Exil. München, 2001, S. 239–272.

83

Vossische Zeitung [Berlin], 29.03.1922. Abendausgabe, S.3.

Thomas Urban. «Berlin — Zuflucht russischer Literaten. Vladimir Nabokov, Vladislav Chodasevic, Nikolaj El'jasev» // Deutsche und Deutschland in der russischen Lyrik des frühen 20 Jahrhunderts. Hrsg. L. Kopelew. München, 1987, S. 76–88.

85

Евгения Каннак. «Берлинский кружок поэтов (1928–1933)» // Русский альманах, изд. З. Шаховская, Е. Тсрнов- ский, Р. Герра. Париж, 1981, стр. 364.

Цитируется по: Burchard, S. 251.

87

Гессен, стр. 131.

Burchard, S. 97–98.

Burchard, S. 113.

Field. Life in Part, p. 199–200.

Field. Life in Part, p. 199.

Гессен, стр. 70.

93

Karl Schlögel. «Russische Flüchtlinge in Deutschland» // Russische Emigration in Deutschland 1918–1941. Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1995, S. 37.

Field. VN — Life and Art, p. 155.

95

Шаховская, стр. 34.

Burchard, S. 306.

ВН (АП), т. 5, стр. 580.

Bettina Dodenhoeft. «Vasilij von Biskupskij — eine Emigrantenkarriere in Deutschland» // Russische Emigration in Deutschland, S. 224.

Dodenhoeft, S. 225–226.

100

Последние новости [Париж] 27.11.1936, стр. 4.

101

Boyd, p. 430.

Dodenhoeft, S. 224.

103

Boyd, p. 486.

104

Руль [Берлин] 19.04.1925, стр. 6.

105

ВН (РП), т. 4, стр. 479.

106

Walter G. Kriwitzky. «Ich war in Stalins Dienst». Amsterdam, 1940, S. 56–57.

107

Джон Стюарт Дюран. «Русский Берлин в воспоминаниях Д. В. Филозофова» // Europa Orientalis [Roma] XIV/1995. 2, S. 247.

108

Karl Schlögel. Berlin Ostbahnhof Europas. Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert. Berlin, 1998, S. 118.

109

Иосиф Гессен. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж, 1979, стр. 60.

ВН (РП), т. 4, стр. 497.

111

Efîm A. Dinerstejn. «'Feindbeobachtung': Russische Verlage im Blick der Sowjetmacht» // Russische Emigration in Deutschland 1918–1941. Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1995, S. 415–419.

112

Гессен, стр. 62.

113

Dinerstejn, S. 413.

Dinerstejn, S. 427.

115

Вадим Андреев. «Возвращение в жизнь» // Звезда [Ленинград] 6.1969, стр. 118.

116

Григорий Файман. «Синее сукно „Накануне“» // Русская мысль [Париж] 7–21.04.1994; Dinerstejn, S. 435.

117

Роман Гуль. Я унес Россию. Апология эмиграции. Том I. Россия в Германии. Нью-Йорк, 1981, стр. 173–175.

118

Накануне [Берлин] 2.12.1923, Литературная неделя, стр. 6.

119

ВН (АП), т. 4, стр. 614.

120

Leonid K. Skarenkov. «Die Materialien des Generals Alexej A. von Lampe» // Russische Emigration in Deutschland, S. 65.

121

Essad Bey. Das Weiße Rußland. Menschen ohne Heimat. Berlin, 1932, S. 191.

122

Andrew Field. VN — The Life and Art of Vladimir Nabokov. New York, 1986, p. 108.

123

Karl Schlögel. «Neue Quellen zur Erforschung der russischen Emigration in Deutschland» // Russische Emigration in Deutschland, S. 479–480.

21) Christoph Mick. «Grauzonen der russischen Emigration» // Russische Emigration in Deutschland, S. 163–176.

125

Schlögel. Neue Quellen, S. 483.

Schlögel. Berlin Ostbahnhof, S. 250–251.

127

Marina Grey. Le général meurt a minut. L'enlèvement de Koutiepov 1930 et de Miller 1937. Paris, 1981, p. 228–236.

Andrew Field. Nabokov: His Life in Part. New York, 1977, p. 164.

129

В. Сирин. Юбилей. К десятой годовщине Октябрьского переворота // Руль [Берлин] 18.11.1927, стр. 2.

Field. VN, p. 172.

131

Руль [Берлин] 30.03.1922.

132

Иван Бунин. Воспоминания. Париж, 1950, стр. 236.

The Paris Review 10.1967, p. 12.

134

Иван Толстой. Курсив эпохи. Литературные заметки. С.-Петербург, 1993, стр. 22.

135

G6za von Cziffra. Im Wartesaal des Ruhms. Bergisch- Gladbach, 1985, S. 112.

136

G + eza von Cziffra, S. 116.

K. Schlögel. Berlin Ostbahnhof, S. 200–217.

ВН (АП), т. 5, стр. 535.

139

ВН (АП), т. 5, стр. 543.

Vladimir Nabokov. Glory, New York, p. VIII.

The Paris Review 10.1967, p. 22.

142

ВН (АП), т. 5, стр. 542.

143

The Nabokov-Wilson Letters 1940–1971. Ed. by S. Karlinsky. New York, 1979, p. 35.

The Nabokov-Wilson Letters, p. 33.

145

«Слова приходят потом. Дмитрий Набоков намеревается издать последний неопубликованный роман своего отца» // Итоги [Москва] 10.03.1998, стр. 67.

146

Helga Chudacoff. «'Schmetterlinge sind wie Menschen'. Ein Besuch bei Vladimir Nabokov» // Die Welt [Hamburg] 10.03.1974, S. 60.

147

Paris Review 10.1967, p. 14.

Thomas Urban. «Vladimir Nabokov in der Sowjetunion» // Osteuropa [Berlin] 2.1087, S. 107–111.

Novel. A Forum on Fiction 1.1971, p. 60.

150

Gavriel Shcapiro. On Nabokov's pen name 'Sirin' // The Nabokovian [Lawrence/Kansas] 30 (1993), p. 62.

151

Andrew Field. Nabokov: His Life in Part. New York, 1977, p. 149.

152

ВН ((АП), т. 5, стр. 565.

153

Лев Любимов. На чужбине. Москва, 1963, стр. 260.

ВН (АП), т. 5, стр. 612.

Ludmila Foster. «Nabokov in Russian Emigre Criticism» // A Book of Things about Vladimir Nabokov. Ann Arbor, 1974, p. 45.

Dieter E. Zimmer. «Nachwort des Herausgebers» // V. Nabokov. Die Gabe. Reinbek, 1993, S. 613–615.

157

ВН (РП), т. 4, стр. 357.

158

Влад. Сирин. «Берлинская весна» // Руль 24.05.1925, стр. 2.

159

Владимир Набоков. Другие берега. Москва, 1989, стр. 187.

160

Michaela Böhmig. Das russische Theater in Berlin 1919–1931. München, 1990, S. 30.

161

Böhmig, S. 39.

162

J. Roth. «Die zaristische Emigration» // Frankfurter Zeitung 14.09.1926, S. 10.

163

J. Roth. «Die zaristische Emigration», S. 10.

Michaela Böhmig. «Das 'Emigranten'-Theater im Spiegel der zeitgenössischen Theaterkritik. Berichte und Rezensionen aus Berliner Tageszeitungen» // Russische Emigration in Deutschland 1918–1941. Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1995, S. 343–355.

165

Andrew Field. Nabokov: His Life in Part. New York, 1977, p. 163.

166

Brian Boyd. Vladimir Nabokov. The Russian Years. Princeton NJ, 1990, p. 234.

167

Владимир Набоков. Пьесы. Москва, 1990, стр. 234–244.

168

Руль [Берлин] 5.04.1927, стр. 5.

169

Dieter E. Zimmer. «Despot in meiner Welt. Ein Gespräch mit Wladimir Nabokov» // Die Zeit [Hamburg] 28.10.1966, S. 18.

170

ВН (АП), т. 5, стр. 492.

171

ВН(АП), т. 5, стр. 555.

172

ВН (РП), т. 4, стр. 285.

173

ВН (АП), т. 5, стр. 466.

174

Ариадна Эфрон. О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. Москва, 1989, стр. 114–120.

175

ВН (АП), т. 1, стр. 449–450.

176

ВН (АП), т. 5, стр. 556.

177

ВН (РП), т. 4, стр. 487.

178

ВН (РП), т. 4, стр. 505.

179

ВН (РП), т. 4, стр. 264–265.

180

Владимир Набоков. Собрание сочинений. Анн Ар- бор, 1988, т. 6, стр. 8.

181

Brian Boyd. Vladimir Nabokov. The Russian Years. Princeton, 1990, p. 400–402.

182

ВН(АП), т. 5, стр. 571.

183

ВН (АП), т. 5, стр. 575–576.

D. E. Zimmer. «Draußen vor dem Paradies» // Letters from Terra. Vladimir Nabokov zu Ehren. Reinbek, 1977, S. 19.

The Nabokov-Wilson Letters. New York, 1980, p. 46.

Zimmer. Despot, S. 18.

187

Vladimir Nabokov. A Russian Beauty. New York, 1973, p. VIII.

188

Vladimir Nabokov. Invitation to an Beheading. New York, 1959, p. VIII.

189

ВН (РП), т. 4, стр. 525.

190

Новое Слово [Берлин] 20.3.1938, стр. 4.

191

ВН (РП), т. 4, стр. 589–590.

192

Зинаида Шаховская. В поисках Набокова. Париж, 1979, стр. 20.

193

ВН (АП), т. 5, стр. 538.

ВН (АП), т. 5, стр. 556.

Zimmer. Despot, S. 18.

Andrew Field. Nabokov: His Life in Part. New York, 1977, p. 201.

Dieter E. Zimmer. «Rowohlt's Nabokov Edition» // The Nabokovian 33 (1994), p. 32.

The Nabokov-Wilson Letters, p. 129.

ВН (АП), т. 3, стр. 225–226.

200

ВН (АП), т. 3, стр. 226.

201

ВН (АП), т. 3, стр. 231.

202

ВН (АП), т. 3, стр. 121–122.

Zimmer. Despot, S. 18.

Andrew Field. VN — The Life and Art of Vladimir Nabokov. New York, 1986, p. 312.

205

Helga Chudacoff. «'Schmetterlinge sind wie Menschen'. Ein Besuch bei Vladimir Nabokov» // Die Welt [Hamburg] 10.03.1974, S. 60.

V. Agueev. Le Roman avec cocaine. Paris, Belfond, 1983.

207

Василий Яновский. Поля Елисейские. New York, 1983, p. 236.

208

Никита Струве. «К разгадке одной литературной тайны: „Роман с кокаином“ М. Агеева» // Вестник русского христианского движения [Париж] 144(1985), стр. 165–179.

209

Глеб Струве. Русская литература в изгнании. New York, 1956, p. 354.

210

В. Набокова. «Письмо в редакцию» // Русская мысль [Париж] 13.12.1985, стр. 14.

211

Никита Струве. «Спор вокруг В. Набокова и 'Романа с кокаином4» // Вестник христианского русского движения [Париж] 146 (1986), стр. 156–175.

212

ВН (АП), т. 5, стр. 564.

213

Ошибка переводчика. Стихи были подписаны псевдонимом Василий Шишков. Также называется и упомянутый ниже рассказ *— прим. верстальщика fb2*

214

Современные записки [Париж] 69 (1939), стр. 214–215.

215

Последние новости [Париж] 17.08.1939, стр. 5.

ВН (РП), т. 5, стр. 407–411.

217

Brian Boyd. Vladimir Nabokov. The Russian Years. Princeton NJ, 1990, p. 511.

218

Василий Яновский. Письмо Н. Струве от 6.04.1986.

219

Яновский, стр. 236.

220

Allain Garric. «Roman avec Nabokov» // Libération [Paris] 26.12.1985, p. 21–24.

221

Никита Струве. «Роман-загадка»// М. Агеев. Роман с кокаином. Москва, 1990, стр. 3.

Б. Равдин. «Об авторе 'Романа с кокаином'» // Даугава [Рига] 2.1992, стр. 171–174.

223

Géza von Cziffra. «Tatspur Floh» // Der Spiegel [Hamburg] 26.05.1986, S. 13.

224

Письмо Лидии Швейцере автору от 18.07.1986.

225

Felix Philipp Ingold. «Ein Autor wird gesucht. Über den rätselhaften M. Agejew und seinen 'Roman mit Kokain'» // Die Zeit [Hamburg] 15.08.1986, S. 35.

Например, Ив. Толстой. «Тропою тропа, или почему не Набоков был автором 'Романа с кокаином'» // Звезда [С.-Петербург] 3.1995, стр. 197–204.

227

Вольфганг Казак. Лексикон русской литературы XX века. Москва, 1996, стр. 3.

М. Агеев. Роман с кокаином. Москва, Союзпечать, 1990.

Thomas Urban. «VN, Agheyev and the 'Novel with Cocaine'» // The Nabokovian [Lawrence/Kansas] 38 (1997), p. 52–54.

230

Г. Г. Суперфин, М. Ю. Сорокина. «'Был такой писатель Агеев…'. Версия судьбы, или о пользе наивного биографизма» // Минувшее [Москва/С.-Петербург] 16 (1994), стр. 265–288.

231

Мария Разумовская. Марина Цветаева. Миф и действительность. Москва, 1994, стр. 294.

Marina Grey. Le général meurt â minuit. L'enlèvement de Koutiepov 1930 et de Miller 1937. Paris, 1981, p. 228–236.

233

Суперфин, Сорокина, стр. 271.

234

Никита Струве. «Еще об авторстве 'Романа с кокаином'» // Вестник русского христианского движения [Париж] 172 (1995), стр. 169–172.

235

Felix Philipp Ingold. «Nabokovs Schatten oder Wer schrieb den 'Roman mit Kokain'?» // Neue Zürcher Zeitung 13714.04.1996, S. 45.

Field. Nabokov — Life in Part, p. 173.

237

Boyd. Vladimir Nabokov, p. 234.

238

Там же.

239

Марина Цветаева. После России. Париж, 1928, стр. 20.

Boyd. Vladimir Nabokov, p. 241.

241

Там же, стр. 243.

Field. Nabokov — Life in Part, p. 183.

243

Там же, стр. 169.

Boyd. Vladimir Nabokov, p. 263.

245

Владимир Набоков. Собрание сочинений. Ann Arbor, USA, 1987, т. I, стр. 105.

VN. Glory. New York, 1971, p. VIII–IX.

Лев Любимов. На чужбине. Москва, 1963, стр. 260.

Boyd. Vladimir Nabokov, p. 377–378.

249

Field. Nabokov — Life in Part, p. 182.

Dieter E. Zimmer. «Nachwort des Herausgebers» // VN. Die Gabe, S. 613–614.

Field. VN — Life and Art, p. 108.

Там же, стр.219, 367.

Dieter E. Zimmer. Nabokovs Berlin. Berlin, 2001, S. 133.

254

Борис Носик. Мир и дар, стр. 151.

Boyd. Vladimir Nabokov, p. 263.

ВН (АП), т. 5, стр. 571.

Böhmig. Das russische Theater in Berlin 1919–1931, S. 101–130.

258

Руль, 10.06.1925, стр. 4.

259

Руль, 10.03.1923, стр. 4.

260

BZ am Mittag (Berlin), 29.03.1922, S. 2.

261

ВН (АП), т. 5, стр. 491.

Там же, стр. 492.

263

Владимир Набоков. Собрание сочинений. Ann Arbor, USA, 1988, т. VI, стр. 7.

Mark R. Hatlie. «Die Zeitung als Zentrum der Emigrations-Öffentlichkeit: Das Beispiel der Zeitung Rul» // Russische Emigration in Deutschland, S. 153–162.

265

Гессен. Годы изгнания, стр. 60.